

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная коллегия	3
Предисловие	7
Часть 1. Письменные источники	11
Часть 2. Нумизматика	57
Часть 3. Памятники материальной культуры	87
Часть 4. Топонимика	137
Часть 5. Рецензии	147
Часть 6. Новые книги	163
Часть 7. Конференции	173
Условные сокращения	175
Приложение	177
Наши авторы	197
Развернутое содержание	199

CONTENT

Editorial Board	3
Preface	7
Part 1. Textual sources	11
Part 2. Numismatics	57
Part 3. Monuments of material culture	87
Part 4. Toponymics	137
Part 5. Reviews	147
Part 6. New books	163
Part 7. Conferences	173
Abbreviations	175
Appendixes	177
Contributors	197
Table of contents	199

Согдийский сборник

Главный редактор:

Шамсиддин Камолиддин ТГПУ им. Низами, г. Ташкент, Узбекистан

Редактор русскоязычных текстов:

Ярослав Пылыпчук Национальный педагогический университет
им. М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина

Редакторы англоязычных текстов:

Марк Дикенс Университет Альберты, г. Эдмонтон, Канада
Дмитрий Коробейников Университет в Олбани, г. Нью Йорк, США

Редакционная коллегия:

Абдисабур Раимкулов Агентство культурного наследия, Институт археологии им. Я. Гулямова, г. Самарканд, Узбекистан

Аблат Ходжаев Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан

Азимходжа Атаходжаев ТГПУ им. Низами, г. Ташкент, Узбекистан

Алишер Сандибоев Агентство культурного наследия, Институт археологии им. Я. Гулямова, г. Самарканд, Узбекистан

Алсу Арсланова Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, г. Казань, Татарстан

Альфия Мусакаева Государственный музей истории Узбекистана АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан

Башак Кузакчи Университет Едитепе, г. Стамбул, Турция

Бобир Гойибов Самаркандский государственный университет, г. Самарканд, Узбекистан

Виктор Мэйр Университет Пенсильвании, г. Филадельфия, США

Гайбулла Бабаяров Национальный центр археологии АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан

Геннадий Богомолов Национальный центр археологии АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан

Гиорги Саникидзе Институт востоковедения им. Г. Церетели при государственном университете Ильи, г. Тбилиси, Грузия

Джеймс Уорд Независимый исследователь, г. Санта Ана, Калифорния, США

Дилрабо Тошева Университет Квинсленда, г. Квинсленд, Австралия

Елена Гиунашвили Институт востоковедения им. Г. Церетели при государственном университете Ильи, г. Тбилиси, Грузия

Ибрахим Чешмели Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция

Икбал Усманов Сельджукский университет, г. Конья, Турция

Ирина Аржанцева Институт этнологии и антропологии РАН,

Йенс Уилкенс	г. Москва, Россия
Кьяра Барбати	Академия наук в Готтингене, г. Берлин, Германия
Кристиан Рек	Университет Пизы, г. Пиза, Италия
	Гамбургский университет, Центр изучения рукописных культур, Берлинско-Бранденбургская академия наук, г. Берлин, Германия
Любомир Новак	Карлов университет, г. Прага, Чехия
Мехмет Аличи	Университет Мардин Артуклу, г. Аптуклу, Мардин, Турция
Мохаммад Хасан Джалалян	Тебризский университет, г. Тебриз, Иран
Мохаммад Шокри-Фумеши	Университет религий и конфессий, г. Кум, Иран
Наргиз Ахундова	Институт истории им. А. Бакиханова НАН Азербайджана, г. Баку, Азербайджан
Николас Симс-Уильямс	SOAS, Лондонский университет, г. Лондон, Великобритания
Ольга Чунакова	Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Россия
Питер Голден	Государственный университет Нью Джерси, г. Рутгерс, США
Сергей Яценко	Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия
Симона Мантеллини	Болонский университет, г. Равенна, Италия
Тамар Леквеишвили	Институт востоковедения им. Г. Церетели при государственном университете Ильи, г. Тбилиси, Грузия
Фарда Асадов	ADA университет, г. Баку, Азербайджан
Фархад Нилуфари	Независимый исследователь, г. Тебриз, Иран
Феруза Джуманиязова	Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан
Франц Грене	Колледж де Франс, г. Париж, Франция
Шухрат Адылов	Национальный центр археологии АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан
Элдар Асанов	Национальный центр археологии АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан

Sogdian Studies

Editor in chief:

Shamsiddin Kamoliddin Tashkent State Pedagogical University named after Nizami,
Tashkent, Uzbekistan

Russian editor:

Yaroslav Pylypchuk National Pedagogical University named after M. P.
Dragomanov, Kyiv, Ukraine

English editors:

Mark Dickens University of Alberta, Edmonton, Canada
Dimitri Korobeinikov University at Albany, New York, USA

Editorial Board:

Abdisabur Raimkulov Cultural Heritage Agency, Institute of Archaeology
named after Yahya Guliamov, Samarqand, Uzbekistan

Ablat Khodjaev Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Institute of Oriental Studies, Tashkent, Uzbekistan

Alfiya Musakayeva Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
State Museum of the History of Uzbekistan, Tashkent

Alisher Sandiboev Cultural Heritage Agency, Institute of Archaeology
named after Yahya Guliamov, Samarqand, Uzbekistan

Alsu Arslanova Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Institute of History named after Shihab ad-Din Marjani,
Kazan, Tatarstan

Azimxodja Ataxodjaev Tashkent State Pedagogical University named after Nizami,
Tashkent, Uzbekistan

Başak Kuzakçı Yeditepe University, İstanbul, Turkey

Bobir Goyibov Samarqand State University, Samarqand, Uzbekistan

Chiara Barbati University of Pisa, Pisa, Italy

Christiane Reck University of Hamburg, Centre for the Study of Manuscript
Cultures, Berlin-Brandenburg Academy of Sciences,
Berlin, Germany

Dilrabo Tosheva University of Queensland, Queensland, Australia

Eldar Asanov Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
National Center for Archeology, Tashkent, Uzbekistan

Farda Asadov ADA University, Baku, Azerbaijan

Farhad Niloufari Independent scholar, Tabriz, Iran

Feruza Jumaniyazova Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Institute of Oriental Studies, Tashkent, Uzbekistan

Frantz Grenet Collège de France, Paris, France

Gaybullah Babayar Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
National Center for Archeology, Tashkent, Uzbekistan

Gennadiy Bogomolov Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,

George Sanikidze	National Center for Archeology, Tashkent, Uzbekistan Iliia State University, G. Tsereteli Institute of Oriental Studies, Tbilisi, Georgia
Helen Giunashvili	Iliia State University, G. Tsereteli Institute of Oriental Studies, Tbilisi, Georgia
Ibrahim Çeşmeli	Istanbul University, Istanbul, Turkey
Iqbol Usmonov	Selçuk University, Konya, Turkey
Irina Arzhantseva	Russian Academy of Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology, Center of Eurasian Archaeology, Moscow, Russia
James Ward	Independent researcher and translator, Santa Ana, CA, USA
Jens Wilkens	Academy of Sciences in Goettingen, Berlin, Germany
Ľubomír Novák	Charles University, Prague, Czech Republic
Mehmet Alici	Mardin Artuklu University, Artuklu, Mardin, Turkey
Mohammad Hasan Jalalian	University of Tabriz, Tabriz, Iran
Mohammad Shokri-Foumeshi	University of Religions and Denominations, Qum, Iran
Nargiz Axundova	National Academy of Sciences, Institute of History named after A. Bakixanov, Baku, Azerbaijan
Nicholas Sims-Williams	SOAS, University of London, London, UK
Olga Chunakova	Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Manuscripts, Saint-Petersburg, Russia
Peter Golden	The State University of New Jersey, Rutgers, USA
Sergey Yatsenko	Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Shuhrat Adilov	Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, National Center for Archeology, Tashkent, Uzbekistan
Simone Mantellini	University of Bologna, Ravenna, Italy
Tamar Lekveishvili	Iliia State University, G. Tsereteli Institute of Oriental Studies, Tbilisi, Georgia
Victor Mair	University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий международный журнал является 11-м выпуском из серии «Согдийский сборник»¹, и включает новейшие исследования по истории и истории культуры Согда – одной из крупнейших историко-культурных областей Средней Азии. В журнале публикуются также материалы, касающиеся всей южной части Центральной Азии, включая территории Батрии-Тохаристана, Хорасана и северо-западной части Индии.

Сборник состоит из 7 частей. Первая часть сборника «Письменные источники» включает 2 статьи.

В статье Ш. С. Камолиддина «К биографии Низак Тархана. Часть 2» (I), рассматривается вопрос о происхождении младшего Низак Тархана, возглавившего в 91/709-10 г. восстание местных правителей Тохаристана против Кутайбы ибн Муслима.

В статье А. Ходжаева «О связях Караханидского государства с Китаем» (II) на основе анализа сведений китайских источников, трудов китайских ученых автор пытается воссоздать картину взаимоотношений Караханидского государства (840 – 1212) и Китая в период правления династии Сун (960 – 1279).

Во второй части сборника «Нумизматика» представлены 2 статьи.

В статье Г. Б. Бабаярова «Монеты Чача с согдийской легендой, содержащей титул *тюрк-каган*» (III) выявлено, что Западно-Тюркский каганат (568 – 740) имел свою собственную денежную систему, где правители чеканили свои монеты в Чачской (Ташкентской) области, которые приобрели статус государственных символов принадлежности каганату.

В статье А. А. Мусакаевой «Редкий тип монет Восточного Согда с изображением лучника» (IV) на основе редкой монеты, хранящейся в Государственном музее истории Узбекистана АН РУз, предлагается новое прочтение согдийской легенды, предложена датировка монет этого уникального выпуска.

Третья часть сборника «Памятники материальной культуры» включает 2 статьи.

В статье Ш. Т. Адылова «Очерк политической и социально-экономической истории Западного Согда в VI в. до н.э. – V в. н.э.» (V)

¹ 1-й выпуск «Согдийского сборника» был опубликован в 2013 г., 2-й – в 2015 г., 3-й – в 2016 г., 4-й – в 2017 г., 5-й – в 2018 г., 6-й – в 2019 г., 7-й – в 2020 г., 8-й – в нач. 2021 г., 9-й – в конце 2021 г., а 10-й – в 2022 г. в изд-ве Lambert Academic Publishing (Германия / Великобритания). Все выпуски этого сборника доступны на сайте: <https://independentscholar.academia.edu/ShamsiddinKamoliddin/books/html>

отражены результаты раскопок древнего поселения Урта-тепа, входившего в состав сельской округи древнего города Дахфандун, более известного под средневековым названием Варахша вместе с материалами раскопок из других городов и селений Западного Согда.

В статье Ваşак Кузакчи «The Birth of Afrasiab (Samarqand) in the Territory of Ancient Sogdiana (6th Century BCE – 2nd Century CE)» («Рождение Афрасиаба (Самарканда) в древней географии Согдианы (VI в. до н.э. – II в. н.э.)») (VI) рассматривается вопрос возникновения и динамики развития городища Афрасиаб – древнего города Самарканда.

В четвертой части сборника «Топонимика» представлена статья Ш. С. Камолиддина «Еще раз о написании топонима Байканд в средневековых источниках» (VII), в которой речь идет о написаниях топонима Байканд в средневековых персоязычных источниках.

Пятая часть сборника «Рецензии» содержит комментарий Ш. С. Камолиддина к статье Miklós Sárközy. Preislamic Central Asia and Narşahī's History of Bukhara, in: *Orpheus Noster*, Vol. 14, No. 4 (2022), pp. 15 – 27. (VIII).

В шестой части сборника «Новые книги» приводится информация о 4-х новых изданиях: Каталоге памятников согдийской письменности в Центральной Азии / Catalogue of Sogdian Writings in Central Asia. Самарканд / Samarkand: МИЦАИ / ICAS, 2022 (IX), 1-м выпуске международного журнала «Turkiston to'plami / Туркестанский сборник / Turkistan Studies» (Saarbrücken: LAP, 2022) (X), книге Ф. Джуманиязовой. История тохаристанских ябгу и тегиншахов Кабула (Нур-Султан: Гылым, 2021) (XI) и 1-м выпуске международного журнала «Markaziy Osiyo tarixi / История Центральной Азии / History of Central Asia» (Toshkent: TDPU, 2023) (XII).

В седьмой части сборника «Конференции» приводится информация о международной конференции «Просветительская деятельность джадидов: идеи, цели, задачи и их вклад в развитие Туркестана», проведенной 6 – 7 марта 2023 г. в г. Ташкенте (XIII).

В начале и в конце каждой статьи приводятся аннотации на русском и английском языках. Используемая литература в статьях сборника приводится отдельно для каждой статьи, а условные сокращения объединены в общий список, который помещен в конце сборника. Иллюстрации к статьям приводятся в Приложении.

Ш. С. Камолиддин

PREFACE

This international collection is the eleventh issue of the journal “Sogdian Studies”¹, and includes the latest research on the history and cultural history of Sogd, one of the largest historical and cultural regions of Central Asia. The journal also publishes materials relating to the entire southern part of Central Asia, including the territories of Bactria-Tokharistan, Khorasan and the northwestern part of India.

This issue of the journal consists of 7 parts. The first part “Written sources” includes an article by Shamsiddin Kamoliddin “On the biography of Nizak Tarkhan. Part 2” (I) deals with the origin of the younger Nizak Tarkhan, who led the uprising of local rulers of Tokharistan against Qutayba ibn Muslim in 91/709-10.

In the article by Ablat Khodjaev “On the Relations of the Qarakhanid State with China” (II), based on the analysis of information from Chinese sources and the works of Chinese scholars, the author tries to recreate a picture of the relationship between the Qarakhanid State (840 – 1212) and China during the reign of the Song Dynasty (960 – 1279).

The second part of the journal “Numismatics” consists of two articles. The article by Gaybulla Babayarov “Coins of Chach with a Sogdian legend containing the title Türk-Qaghan” (III), reveals that the Western Turkic Qaghanate (568 – 740) had its own monetary system. The rulers minted their coins in the Chach (Tashkent) region and these coins acquired the status of state symbols of the Qaghanate.

In the article by Alfiya Musakaeva “A rare type of coin from Eastern Sogd with the image of an archer” (IV), based on a rare coin stored in the State Museum of the History of Uzbekistan of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, a new interpretation of the Sogdian legend is proposed, including the date of this unique issue.

The third part of the journal “Monuments of material culture” consists of two articles.

The article by Shuhrat Adylov, “Essay on the political and socio-economic history of Western Sogd in the sixth century BCE – fifth century CE” (V) reflects the results of excavations at the ancient settlement of Urta-

¹ The first edition of “Sogdian Studies” was published in 2013, the second in 2015, the third in 2016, the fourth in 2017, the fifth in 2018, the sixth in 2019, the seventh in 2020, the eighth at the beginning of 2021, the ninth at the end of 2021 and the tenth in 2022 by Lambert Academic Publishing (Germany / UK). All issues of the journal are available on the website:

<https://independentscholar.academia.edu/ShamsiddinKamoliddin/books/html>

Tepa, which was part of the rural district of the ancient city of Dakhfandun, better known under the medieval name Varakhsha, along with excavation materials from other cities and villages of Western Sogd.

The article by Başak Kuzakçi “The Birth of Afrasiab (Samarqand) in the Territory of Ancient Sogdiana (6th Century BCE – 2nd Century CE)” (VI) examines the emergence and dynamics of the development of the ancient city of Afrasiab (Samarqand).

The fourth part of the journal “Toponymics” presents an article by Shamsiddin Kamoliddin “Once again about the spelling of the toponym Baikand in medieval sources” (VII).

The fifth part of the journal “Reviews” contains comments by Shamsiddin Kamoliddin on the article by Miklós Sárközy, “Preislamic Central Asia and Naršaḥī’s History of Bukhara”, in *Orpheus Noster*, Vol. 14, No. 4 (2022), pp. 15 – 27 (VIII).

The sixth part of the collection “New Books” contains information about four new editions: 1) *Catalog of Sogdian Writings in Central Asia*. Samarkand: IICAS, 2022 (IX); 2) the first edition of the international journal “*Turkiston to‘plami / Туркестанский сборник / Turkistan Studies*” (Saarbrücken: LAP, 2022) (X), 3) a new book by Feruza Jumaniyazova “*History of the Tokharistan Yabgu and Tegin-Shahs of Kabul*” (Nur-Sultan: Gylym, 2021) (XI) and 4) the first issue of the international journal “*Markaziy Osiyo tarixi / История Центральной Азии / History of Central Asia*” (Toshkent: TDPU, 2023) (XII).

The seventh part of the journal “Conferences” provides information on the international conference “Educational activities of the Jadids: ideas, goals, tasks and their contribution to the development of Turkistan”, held on March 6-7, 2023 in Tashkent (XIII).

Russian and English abstracts are given at the beginning and at the end of each article. References for each article are given separately, whereas abbreviations are combined into a general list, which is placed at the end of the journal. Illustrations for the articles are given in the Appendix.

Shamsiddin S. Kamoliddin

Часть 1. Письменные источники.

I

К БИОГРАФИИ НИЗАК ТАРХАНА

Часть 2

Ш. С. Камолитдин

В средневековых источниках приводятся весьма противоречивые сведения о личности Низак Тархана, который играл важную роль в событиях, происходивших в сер. VII в. Хорасане и Тохаристане. В первой части статьи автор пришел к заключению, что сведения арабских источников о правителе по имени Низак Тархан относятся не к одному лицу, а как минимум к двум. Старший из них был не кем иным, как тюркским каганом Йукук Ирбис Дулу-ханом, возглавлявшим Западный Тюркский каганат с 638 по 653 гг. Во время своего временного пребывания в Тохаристане (с 22/642-43 по 31/651-52 гг.) он находился в своей крепости, расположенной недалеко от Балха, откуда руководил борьбой местных правителей против арабских завоевателей. Во второй части статьи речь идет о младшем Низак Тархане, в которой автор приходит к заключению, что он был внуком Йукук Ирбис Дулу-хана, от которого унаследовал свои титулы *тархан* и *низак*. Он имел местопребывание в Бадгисе, но не относился к числу местных эфталитских владетелей этой области, которые носили титул *баразан*. Он был представителем Западного Тюркского каганата в Тохаристане. Младший Низак Тархан имел *нисбу* ал-Баркаши, которая указывает на его происхождение из района озера Балхаш / Балкаш / Баркаш, расположенного к северу от Семиречья.

Ключевые слова: Западный Тюркский каганат, Тохаристан, Бадгис, арабское завоевание, Кутайба ибн Муслим, Балх, антиарабское восстание.

Вступление

В средневековых источниках приводятся весьма противоречивые сведения о личности Низак Тархана, который играл очень важную роль в истории Хорасана и Тохаристана в конце VII – нач. VIII вв. Впервые Низак Тархан упоминается в связи с событиями, происходившими в период между 26/646-47 и 31/651-52 гг. в связи с бегством шаханшаха Йаздагирда в Хорасан и его убийством Мерве [al-Beladsori: 315 – 316; at-Tabari I: 2878 – 2879]. В 90/708-09 г. Низак Тархан возглавил антиарабское восстание в Тохаристане и в следующем 91/709-10 г. был убит Кутайбой ибн Муслимом [at-Tabari II: 156, 1218 – 1226]. Если это был один и тот же человек, то получается, что он

прожил и был активным около ста лет, что маловероятно.¹ Второй вопрос, связанный с личностью Низак Тархана, это вопрос о его этнической принадлежности. Кем он все-таки был: эфталитом или тюрком? В западной историографии его однозначно принято считать эфталитом, а в русскоязычной – тюрком (или эфталитом). В первой части статьи мы рассмотрели сведения источников о старшем Низак Тархане и вопрос о его этнической принадлежности. Во второй части мы рассмотрим сведения источников о младшем Низак Тархане и вопрос о его религиозной принадлежности.

Низак Тархан ал-Баркаши

Низак Тархан и арабы

По данным ат-Табари, в 51/671-72 г. только что назначенный наместником Хорасана ар-Раби' ибн Зийад ал-Хариси завоевал силой оружия область Кухистан. В области были тюрки, и он их частью перебил, частью обратил в бегство. Из тех тюрков (من اترك) остался, был Низак Тархан, его [впоследствии] убил Кутайба ибн Муслим во время своего правления [ат-Табари II: 156].² Считается, что здесь речь идет о том же Низак Тархане, который был убит в 91/709-10 г. Кутайбой ибн Муслимом [ат-Табари: 41, 422; The History of al-Tabari XVIII: 164]. Но есть также мнение, что убитый в 91/709-10 г. Низак Тархан в 51/671-72 г. был еще слишком юным. Поэтому здесь, скорее всего, имеется в виду наследник Низак Тархана, нанесшего поражение Йаздагирду в 31/651-52 г. [Esin 1977: 326]. Однако в источнике прямо

¹ Издатели русского перевода сочинения ат-Табари, О. Г. Большаков и А. Б. Халидов, полагали, что Низак Тархан, по-видимому, был титулом правителя Джузджана, а не именем собственным, так как маловероятно, чтобы упоминаемый в 31/651-52 г. Низак Тархан был тем же лицом, что убитый Кутайбой ибн Муслимом 60 лет спустя [ат-Табари: 373, прим. 19]. Такого же мнения придерживается Л. А. Семенова в своем комментарии к термину *тархан* в русском переводе сочинения «Китаб ал-булдан» («Книга стран») [ал-Йа'куби: 57, 66, 180, прим. 236; 197 – 198, прим. 382]. Но еще раньше это мнение было высказано западными учеными: Дж. Маркварт (в 1938 г.) и Дж. Харматта (в 1969 г.) [Esin 1977: 323].

² Согласно ал-Бал'ами, Раби' ибн Зийад, наместник Зийада в Хорасане, вел войну с тюрками. Он подошел к берегу реки Джайхун, и даже переправился через нее, преследуя тюрков. Но сразу после этого он вернулся назад. Это Кутайба, сын Муслима, впоследствии завоевал большинство городов Мавераннахра [Bal'ami IV: 18]. Гардизи пишет, что в ар-Раби' ибн Зийад прибыл наместником в Хорасан в 45/665-66 г., нанес поражение эфталитам и там же помер [Гардизи: 27].

указано, что это был тот самый Низак Тархан, которого в 91/709-10 г. убил Низак Тархан. С другой стороны возникает вопрос: если он остался в живых, то, вероятно, заключил с арабами соглашение, тогда почему в дальнейшем более 30 лет (с 51 до 82 гг.х.) в источниках о нем нет никаких сведений. Поэтому этот вопрос пока остается открытым. Пока же можно утверждать, что титул Низак Тархан носили несколько, по меньшей мере, два правителя [Göbl 1967 I: 25; Inaba 2010: 191].

* * *

Около 82/701-02 г. Низак Тархан по призыву владельца Согда Тархуна прибыл в Термез на помощь к Сабиту ибн Кутбе и Мусе ибн ‘Абд Аллаху, отложившихся от Халифата [at-Tabari II: 1152, 1153, 1591].

В 84/703-04 г. Йазид ибн ал-Мухаллаб завоевал крепость Низака в Бадгисе в его отсутствие, когда Низак отправился в поход. Узнав об этом, Низак вернулся и заключил с ним мир на условии, что он отдаст ему все свои сокровища, которые находились в крепости, и уйдет из нее со своей семьей. Низак очень почитал эту крепость: всегда, когда он видел ее, он делал перед ней земной поклон [at-Tabari II: 1129 – 1131].¹ После отъезда Йазиды Низак, вероятно, вернулся в свою крепость, поскольку в следующем 85/704 г. брат Йазиды ал-Муфаддал ибн ал-Мухаллаб был вынужден вновь совершить поход в Бадгис [at-Tabari II: 1144 – 1145]. Вскоре Низак опять вернулся в Бадгис и вернул свою крепость, захватив в плен, находившихся в ней мусульман [at-Tabari II: 1184].

В 86/705 г. Низак Тархан упоминается в источниках как Низак *сахиб ат-турк* (نيزك صاحب الترك), т.е. Низак предводитель тюрков [al-Ja‘kubi II: 342₇] или просто Низак Тархан (نيزك طرخان) [al-Ja‘kubi II: 342₁₆]. Арабы называли его Абу-л-Хайядж или Абу-л-Хийадж (ابو الهياج) – «Гневный», «Буйный», «Яростный» [at-Tabari II: 1185, 1221; ал-Куфи VII: 149, 150].²

¹ В персидском переводе ал-Бал‘ами указано, что эта крепость находилась на другой стороне реки Джайхун [Bel‘ami IV: 148].

² Э. Есин предлагала переводить это прозвище как «Отец битв», т.е. «Воин» [Esin 1977: 327], а Т. Калкан считал, что он получил это прозвище, когда он участвовал в боях на стороне арабов, сопровождая Кутайбу ибн Муслима [Kalkan 2017: 497]. Согласен, что перевод «Отец битв» допустим [Lane VIII: 2911]. Но Низак Тархан не мог получить это прозвище после встречи с Кутайбой ибн Муслимом. Он имел его еще до встречи с ним в 87/705-06 г.

В 87/706 г. Кутайба ибн Муслим написал Низак Тархану письмо, требуя освободить пленных мусульман. Низак побоялся его и отпустил пленников. Кутайба вновь написал письмо, приглашая его прибыть к нему и заключить мирный договор. В том же году Низак Тархан прибыл к Кутайбе ибн Муслиму и заключил с ним мирный договор от имени жителей Бадгиса на условии, что он не вступит в Бадгис. После этого Низак сопровождал Кутайбу в его походах на города Мавераннахра, участвуя в военных действиях на их стороне [al-Beladsori: 420; Халифа ибн Хаййат: 300; at-Tabari II: 1184 – 1186, 1195; al-Ja'kubi II: 286].

На основании этих данных считается, что Низак Тархан был эфталитским владельцем Бадгиса. Однако, это неверно: то, что он заключил мирный договор от имени местных жителей Бадгиса не указывает на то, что он был местным владельцем Бадгиса. Местные эфталитские владельцы Герата, Бушанджа и Бадгиса имели титул *баразан* (برازان) [Ibn Khordadbeh: 40]. Но они подчинялись Низак Тархану, у которого в Бадгисе была своя крепость и сильная армия. Низак Тархан, в свою очередь, подчинялся тюркскому *йабгу* Тохаристана,¹ а последний – верховному тюркскому кагану, носивший титул *йабгу-каган*. Это была административная иерархия, действовавшая на всей территории Западного Тюркского каганата, в которой *баразан* занимал низшую ступень, а *низак тархан* промежуточную (*йабгу-каган* – *йабгу* Тохаристана – *низак тархан* – *баразан*).²

В персидском переводе сочинения «Фада'ил Балх» («Достоинства Балха») Низак Тархан называется «наместником Балха» (والي بلخ) [al-Balhi: 31 – 34]. По данным этого источника, в долине Бахар Дарра была крепость (*кушк*), в которой в 87/705-06 г. укрепился Низак Тархан. Кутайба ибн Муслим вынудил его сдаться, после чего он принял ислам [The Merits of Balkh: 50].

В 90/708-09 г., уstraшенный стремительными успехами арабов в Мавераннахре, Низак открыто выступил против Кутайбы ибн Муслима в Балхе, и возглавил всеобщее восстание жителей Тохаристана [at-Tabari II: 1201, 1207]. Центром восставших был Балх, где имел

¹ Хотя Герат и Бадгис формально входили в состав провинции Хорасан государства Сасанидов, местные тюрки и эфталиты считали себя подданными тюркского *йабгу* Тохаристана.

² Еще более сложная иерархия существовала в администрации некоторых других областей Средней Азии. Например, в Чаче кроме династии местных правителей одновременно была также династия тудунов и династия тегинов. *Тудуны* были представителями администрации каганата, а *тегины* – наследными принцами. Каждая династия выпускала свои монеты [Бабаяров 2007: 40, 52, 73].

временное местопребывание Низак Тархан, который незадолго до этого, вероятно, был назначен арабами наместником этого города.¹ Поэтому в «Фада'ил-и Балх» он называется не владельцем (ملك), а «наместником» Балха (والي بلخ), т.е. временно исполняющим обязанности правителя [ал-Балхи: 31].² Местный владелец Балха называется в источниках *испахбаз Балх* (اسپهبد بلخ) – «испахбад Балха» [at-Tabari II 1206, 1218], или *малик Балх* (ملك بلخ) – «государь Балха», которым в то время был некий аш-Шах ибн Низак [ал-Куфи VII: 154]. В следующем 91/709-10 г. Низак Тархан был осажден вместе со своими сторонниками в крепости Хост недалеко от Искимишта, а затем Кутайба ибн Муслим казнил его [at-Tabari II: 1218 – 1226; ал-Балхи: 34, 57].

Династия Низак Тарханов

Низак Тархан впервые упоминается в связи с событиями, происходившими в период между 26/646-47 и 31/651-52 гг. в Хорасане [al-Beladsori: 315 – 316; at-Tabari I: 2878 – 2879]. В 90/708-09 г. Низак Тархан возглавил антиарабское восстание в Тохаристане, и в следующем 91/709-10 г. был убит Кутайбой ибн Муслимом [at-Tabari II: 156, 1218 – 1226]. Если это был один и тот же человек,³ то получается, что он прожил и был активным около ста лет, что маловероятно. Хотя в одном источнике говорится, что Кутайба ибн Муслим убил Тархана ат-Турки, который [когда-то] прибыл в Мерв, чтобы оказать помощь Йаздаджирду, и отправил его голову и пояс ал-Хаджджаджу, а это был [тот самый] пояс, который был на Йаздаджирде в день, когда он был убит [el-Maqdisi VI: 38]. Но в другом источнике написано, что когда ал-Хаджджадж показал 'Усмани ибн Мас'уду ат-Тамими пояс Низака, который ему отправил Кутайба, 'Усман сказал: это пояс не Низака, а одного из глав тюрков по имени Джабгуйа. Пояс Низака составной, его половину составляет пояс Фируза. Когда Фируз был

¹ Низак Тархан дважды пытался захватить власть в Балхе – в 51/671-72 г. и 90/708-09 г. [Marquart 1901: 77]. То, что Низак Тархан носил пояс, принадлежавший Йаздагирду III [el-Maqdisi VI: 38] или его сыну Фирузу [ал-Куфи VII: 151], говорит о том, что он претендовал на верховную власть в Тохаристане [Kalkan 2017: 496].

² В некоторых источниках также имеются сведения о том, что Низак Тархан имел местопребывание в Балхе [История халифов: 16; Jacut II: 411; Махмуд ибн Вали: 46]. Но эти сообщения относятся к другому правителю по имени Низак Тархан, который в 31/651-52 г. выступил против шаханшаха Йаздагирда III, бежавшего от арабов в Хорасан.

³ Именно так считают Б. А. Литвинский и его коллега М. Х. Замир Сафи [Litvinsky, Zamir Safi 1996: 179].

убит, он упал с лошади в реку Хузар (خزار)¹, его пояс разорвался и поток унес его половину. В таком виде он попал в руки Низака [ал-Куфи VII: 151].²

В науке о генеалогиях принято считать, что временной разрыв между поколениями составляет в среднем около 30 лет.³ В таком случае, старший Низак Тархан приходился бы дедом младшего. Следовательно, Низак Тархан, которого убил Кутайба ибн Муслим, мог унаследовать этот пояс от своего деда Низак Тархана.⁴ Мне представляется, что в первом случае речь идет о Йукук Ирбис Дулу-хане, который был дедом младшего Низак Тархана, и в 31/651-53 г. как раз находился в Тохаристане. Младший Низак Тархан мог унаследовать свой титул у своего отца Дженчу, а тот – у своего, т.е. у Йукук Ирбис Дулу-хана.⁵ Другими словами, Низак Тархан был династийным титулом этого семейства, на что ранее уже указывали предшествующие исследователи [Markwart 1938: 39 – 43; Altheim 1960: 65; Harmatta 1969: 406 – 407; Esin 1977: 323; Kalkan 2017: 495; Rezakhani 2017: 158, 172 – 173]. Б. А. Литвинский и его коллега М. Х. Замир Сафи считают, что все сведения источников о Низак Тархане относятся к одному лицу, в результате чего они пришли к неверному заключению, что во второй пол. VII в. на северо-западе Афганистана существовала сильная конфедерация эфталитских племен [Litvinsky, Zamir Safi 1996: 179].

Считается, что старший Низак Тархан был владельцем области Бадгис в Хорасане. Однако, самое раннее упоминание Бадгиса в качестве места пребывания Низак Тархана относится к 84/703-04 г.

¹ Река Хузар (نهر خزار) это нынешняя Гузардарья в долине Кашкадарьи.

² Предполагается, что здесь имеется в виду Фируз III, сын Йаздагирда III [Esin 1977: 326]. Кутайба ибн Муслим при завоевании Мавераннахра действительно воевал с Фирузом, сыном Йаздагирда [al-Masudi: 101]. В этом походе его сопровождал Низак Тархан [at-Tabari II: 1195; ал-Куфи VII: 142].

³ Если человеку около 30 лет, его отцу обычно около 60, а деду около 90 лет (плюс-минус 5 – 10 лет).

⁴ Низак Тархан, которого в 91/709-10 г. убил Кутайба ибн Муслим, был человеком средних лет, потому что у него была жена, на которой Кутайба хотел жениться после того, как убил ее мужа [al-Ja'kubi II: 342; ал-Куфи VII: 153 – 154]. Примерно такого же возраста в 31/651-52 г. был его дед Низак Тархан, потому что он сватался за дочь Йаздагирда [al-Beladsori: 315]. Если бы это был один человек, то в 91/709-10 г. он был бы глубоким старцем в возрасте 80 или 90 лет.

⁵ Йукук Ирбис Дулу-хан скончался в 653 г., оставив орду своему сыну Чженчу йабгу, который был убит в 659 г. [Бичурин I: 288 – 291; Chavannes 1903A: 3, 35, 63, 72, 266, 268; Гумилев 1967: 218, 219, 238, 242, 244]. По мнению Л. Н. Гумилева, наследником Чженчу йабгу в Тохаристане стал Низак Тархан [Гумилев 1967: 240, прим. 16]. Подробнее об этом см. в первой части статьи.

[at-Tabari II: 1184]. Следовательно, это сообщение относится только к младшему Низак Тархану [Harmatta 1969: 407].

С.Куваяма, исходя из данных китайских источников, считал, что центр владений эфталитов находился в долине реки Сурхаб в районе Баглана и Гори в Восточном Тохаристане [Kuwayama 2002: 125 – 126]. Ф. Грене предполагал, что именно здесь в долине реки Сурхаб, находилось фамильное владение Низак Тархана. Здесь же находилась крепость ал-Курз, в которой в 91/709-10 г. укрылся младший Низак Тархан, поднявший восстание против Кутайбы ибн Муслима. С крепостью ал-Курз он отождествляет нынешнюю крепость Кафир-Кала-и Барфак [Grenet 2002: 214 – 217]. Х. Резахани отождествляет младшего Низак Тархана с правителем Забулистана по имени Пангул (Pangul) [Rezakhani 2017: 172 – 174], выпускавшим монеты с надписью «тархан Балха» или «бактрийский тархан» [Vondrovec 2014: 544 – 546].

Религиозная принадлежность Низак Тарханов

До сих пор никто из предшествующих исследователей не задавался вопросом: какую религию исповедовали Низак Тарханы? Между тем, этот вопрос имеет важное значение для определения этнической принадлежности всей династии Низак Тарханов.¹

В первой части статьи я писал, что когда арабы захватили Балх, главный жрец храма Наубахар по имени Бармак принял ислам, Низак Тархан выступил против него, призывая вернуться к вере своих отцов. Однако Бармак отказался отступить от ислама и заручился поддержкой арабов. Тогда Низак Тархан выждал удобный момент и, ворвавшись однажды ночью в дом Бармака, убил его вместе с 10 его сыновьями [Ibn al-Fakih: 323 – 324]. Эти сведения указывают на то, что старший Низак Тархан, т.е. Йукук Ирбис Дулу-хан, исповедовал ту же религию, что и Бармак, и поклонялся в храме Наубахар в Балхе. Известно, что эфталиты не исповедовали ни буддизм, ни манихейзм, которым был посвящен храм Наубахар в Балхе.² У них была своя

¹ Только относительно младшего Низак Тархана высказывалось предположение, что он почитал свою крепость в Бадгисе и поклонялся ей потому, что она была связана с культом его династии, или в ней находился какой-то храм [Esin 1977: 327].

² По данным Сюань Цзана, Nava sangharama, т.е. Наубахар, был буддийским монастырем [Сюань-цзан: 46], а по данным Ибн ал-Факиха, религией Бармакидов было поклонение идолам (عبادة الاوثان). Эту религию исповедовали также государи ас-Сина и Кабулшахи [Ibn al-Fakih: 322 – 323]. Но в некоторых источниках указывается, что храм Наубахар был «домом огня» (بيت النار) [Macoudi VI: 414] или

особая религия – они поклонялись «богу Неба» (T'ien-shên) и «богу огня» (Huo-shên), т.е. были зороастрийцами [Litvinsky 1996: 147; Yu 2011: 81].¹

Часть эфталитов еще в правление Йаздагирда II (правил в 439 – 457 гг.) приняла христианство при заключении союзного договора с армянами, направленного против Сасанидов [Тер-Мкртчян 1979: 53]. Во второй пол. VI в. среди эфталитов Бадгиса был распространен несторианский толк христианства [Marquart 1901: 64; Bosworth, Balland 1988: 370 – 371]. Эфталиты враждебно относились к буддизму и разрушили многие буддийские храмы в Индии [Тезджан 2017: 90 – 91; Курбанов 2006: 108]. Что касается тюрков, то они всегда с уважением относились ко всем религиям и никогда не нападали на храмы.² Следовательно, старший Низак Тархан мог быть бактрийцем или тюрком, но никак не эфталитом. Поскольку почти все арабские источники (кроме одного) называют его «тюрком», то он, скорее всего, был тюрком.

То же самое относится к младшему Низак Тархану, который также поклонялся в храме Наубахар. В 90/708-09 г. перед тем, как начать восстание против Кутайбы ибн Муслима, Низак посетил Наубахар, чтобы помолиться и просить благословения [at-Tabari II: 1205]. Следовательно, он также был буддистом или манихеем. В «Фада'ил-и Балх» Низак Тархан называется *габр* (گَبر), т.е. «зороастрийцем» [The Merits of Balkh: 50], но это противоречие было связано с путаницей в средневековых источниках относительно религии, которой был посвящен храм Наубахар в Балхе [Kamoliddin 2020: 62 – 74].³

Эфталиты и тюрки

Младший Низак Тархан был владельцем области Бадгис в Хорасане, в которой находилась его крепость [at-Tabari II: 1120, 1130]. Хотя крепость Низак Тархана находилась в Бадгисе, он не был мест-

что он был посвящен луне (على اسم القمر) [Macoudi IV: 48]. Подробнее об этом см.: Kamoliddin 2020: 62 – 74.

¹ По мнению Дж. Харматты, Бармакиды были потомками эфталитов [Harmatta, Litvinsky 1996: 371]. Если это так, то возникает вопрос: если эфталиты были зороастрийцами, то почему их потомки Бармакиды исповедовали буддизм или манихейзм?

² По данным Сюань Цзана, Сир йабгу-каган (Сы-йеху кэхань) в 632 или 633 г. пытался захватить буддийский монастырь Наубахар в Балхе, но ему во сне явилась богиня Vaiṣṭavana deva, хранительница этого храма, и он раскаялся перед монахами в своем поступке [Сюань-цзан: 46].

³ См. прим. 2 на стр. 11.

ным владельцем этой области. Местные владельцы Герата, Бушанджа и Бадгиса имели титул *баразан* (برازان) [Ibn Khordadbeh: 40]. В средние века считали, что в прошлом Бадгис был *дар мамлакат ал-хайатила* (دار مملطة الهياطلة), т.е. «столицей страны эфталитов» [ас-Сам‘ани II: 25; Jacut I: 461 – 462]. Считается, что здесь имеются в виду владения правителя Бадгиса Низак Тархана [Markwart 1938: 40 – 41; Vivar 1971: 304]. Однако под *билад ал-хайатила* (بلاد الهياطلة), т.е. «страной эфталитов», или ал-Хайтал (الهيطل), Йакут понимал весь Ма вара’ ан-нахр, а именно Бухару, Самарканд, Худжанд и земли, расположенные между ними и вокруг них [Jacut IV: 999]. В таком же значении термин ал-Хайтал (الهيطل) употреблен в сочинении ал-Мукаддаси [al-Moqaddasi: 34, 261]. Но это сообщение Йакута о «стране эфталитов» (مملكة الهياطلة) относится ко времени господства эфталитов в Хорасане, т.е. к V – первой пол. VI вв., о чем он более подробно пишет в статье «Хурасан» (خراسان) [Jacut II: 409 – 411]. В то время страна эфталитов (بلاد الهياطلة) включала Тохаристан, ас-Саганийан, Забулистан, Кабулистан и некоторые земли за великой рекой, т.е. Амударьей, со стороны Балха [ad-Dinaweri: 60, 69]. Согласно ал-Бируни, столицей Тохаристана был город Валвалидж, который в древности был столицей государства эфталитов (قصة مملكة الهياطلة) [Беруни 1973: 467; Булгаков 2012: 206]. Эти же сведения приводит Абу-л-Фида [Абу-л-Фида: 473].

В эпоху арабских завоеваний в Хорасане «эфталитами» (الهياطلة) называются жители Герата [at-Tabari I: 2885]. В вышеупомянутом сообщении ас-Сам‘ани и Йакута, скорее всего, речь идет о самом последнем периоде правления эфталитов, когда они потеряли власть в Герате и отступили в район Бадгиса между Гератом и Сарахсом (междуречье Герируда и Мургаба), где не было каких-либо крупных городов [Barthold, Allchin 1986: 857]. В IX – X вв. в Бадгисе было всего несколько маленьких городков (بلدية) с пашнями и около 300 селений [Hudud al-‘Alam: 104; ас-Сам‘ани II: 25; Jacut I: 461]. После падения государства эфталитов их земли сначала отошли к Сасанидам, а с 625 г. к тюркам. В сер. VII в. эфталиты уже не представляли собой самостоятельную силу, и подчинялись тюркам, с которыми у них были одинаковые нравы и обычаи [Chavannes 1903A: 158].¹ В

¹ Первым из тюркских *йабгу* Тохаристана начал выпускать свои монеты Ышбара йабгу, сын Гарду шада, внук Тун йабгу-кагана, севший на трон в 630 г. Известны монеты с его именем *šb'lk' уур MLK' (Išbara Jeb [= yabghu] šah)*, выпущенные в Герате (Харе) в 13-й год его правления (643 г.), в городе Хусп в Кухистане в 15-й год его правления (645 г.) и в Шубургане в 20-й год его правления (650 г.). Все эти монетные дворы, которые находились в западной

дальнейшем они были ассимилированы и вошли в состав тюрков Хорасана и Тохаристана. В X в. потомками эфталитов (*ал-хайатила*) считали тюрков племен *халач* и *канджина* в Тохаристане [al-Khwarezmi: 119].¹ Память об эфталитах сохранилась в средневековом топониме *йафтал* (يفتل) в крайних пределах Тохаристана [ас-Сам‘ани XII: 419; Jacut IV: 1023; Aboulféda: 471]. Итак, сообщение ас-Сам‘ани и Йакута о том, что Бадгис был «столицей страны эфталитов» относится ко второй пол. VI в., тогда как Низак Тархан был владельцем Бадгиса в нач. VIII в., т.е. почти через 150 лет после падения государства эфталитов. Это, во-первых. Во-вторых, местные эфталитские владельцы Герата, Бушанджа и Бадгиса имели титул *баразан* (برازان) [Ibn Khordadbeh: 40]. Что касается Низак Тархана, то он, хотя и относился к числу местных жителей, о по своему происхождению относился к семейству выходца из племенного объединения *дулу* в Туркестане, т.е. он был внуком Йукук Ирбис Дулу-хана, известного в Тохаристане как Низак Тархан. Примечательно, что если в сер. VII в. старший Низак Тархан возглавил сопротивление жителей Хорасана и Тохаристана ранним походам арабов, то в нач. VIII в. его внук младший Низак Тархан возглавил восстание жителей Тохаристана против Кутайбы ибн Муслима.

Накануне арабского завоевания тюрки Хорасана формально считались подданными Сасанидов, но подчинялись тюркскому *йабгу* Тохаристана [at-Tabari II: 1589, 1590, 1604, 1612]. Арабы рассматривали Хорасан в качестве нейтральной зоны между Арабским халифатом и Тюркским каганатом [Колесников 1982: 133]. Когда в 90/708-09 г. Низак Тархан возглавил восстание против Кутайбы ибн Муслима, он схватил Джабгуйу, государя Тохаристана, и заковал его в золотые оковы из опасения, что он возбудит смуту против него, хотя Джабгуйа – государь Тохаристана, а Низак – из числа его рабов [at-Tabari II: 1206]. Когда к Кутайбе ибн Муслиму привели Низака и Джабгуйу, ас-Сабл и аш-Шазз, попросив разрешение у Кутайбы, подошли к Джабгуйе, поцеловали ему руку и поклонились до земли. А Низак сказал Кутайбе: «Разреши мне подойти к аш-Шаззу, ибо я – раб его». Получив разрешение, Низак подошел к аш-Шаззу и поцеловал ему руку [at-Tabari II: 1224 – 1225].

части Тохаристана, т.е. в местах проживания эфталитов, функционировали до нач. VIII в. [Harmatta, Litvinsky 1996: 371 – 372].

¹ Потомками *халачей* ныне считаются пуштуязычные *гильзаи-халаджи* Афганистана [Frye 1965: 1001] и тюркоязычные *халаджи* Ирана [Minor sky 1940: 428; Bivar 1971: 304; Bosworth, Doerfer 1978: 917 – 918].

По мнению Ш. Куваямы, опирающегося на данные китайских источников, эфталиты сохраняли свою независимость в некоторых частях Тохаристана даже после падения их государства и в период господства тюрков вплоть до первой декады VIII в. «Их положение начало меняться во второй декаде VIII в. Согласно ат-Табари, пишет он, – Тархан Низак, государь эфталитов, также был вассалом тохарского *йабгу* западных тюрков, захватил тюркскую даму (a Turkish lady) своего государя в 710 г., но был схвачен и убит Кутайбой ибн Муслимом» [Kuwayama 2002: 138]. При этом он ссылается не на арабский источник, а на примечание китаиста Э. Шаванна более чем столетней давности. Я специально полностью привел этот отрывок, потому что эти ошибочные сведения и неверные представления широко используются другими исследователями, которые приходят к еще более ошибочным и неверным заключениям [Grenet 2002: 215, p. 21, 216, p. 22; Inaba 2010: 191; Vondrovec 2014: 546, 562, 563; Rezakhani 2017: 144].¹ Таким образом, ошибочное заключение, сделанное на основе сомнительных и неверных данных общими усилиями превращается в «неопровержимый» факт, и желаемое выдается за действительное.²

Во-первых, в сочинении ат-Табари нет сведений о том, что Низак Тархан захватил жену тюркского *джабгуйи* Тохаристана. В событиях 90/708-09 и 91/709-10 гг., связанных с восстанием Низак Тархана, тюркский *джабгуйа* Тохаристана упоминается 4 раза, но о его жене никаких сведений нет [at-Tabari II: 1204 – 1226]. Нет таких сведений об этом и в работе Э. Шаванна, на которую ссылается Ш. Куваяма. Причем Э. Шаванн, приводя сведения ат-Табари, также не указывает ссылку на источник [Chavannes 1903В: 49, p. 2]. Следовательно, в основе всей этой цепочки передатчиков информации лежит неверное сведение, не подкрепленное ссылкой на источник.

Во-вторых, в сочинении ат-Табари Низак Тархан называется не «эфталитом» (الهپتل), а «тюрком» (الترك) [at-Tabari II: 156] или «владельцем Бадгиса» [at-Tabari II: 1129 – 1131, 1184 – 1185].³ Кроме того,

¹ Б. А. Литвинский и его коллега М. Х. Замир Сафи также считали, что во второй пол. VII в. на северо-западе Афганистана существовала сильная конфедерация эфталитских племен [Litvinsky, Zamir Safi 1996: 179]. См. также: The Merits of Balkh: 238 – 239.

² Это касается и некоторых других заключений, которые в настоящее время считаются общепринятыми.

³ Примечательно, что все эти исследователи – археологи, нумизматы, согдологи, китаисты, иранисты или историки-компиляторы, хотя некоторые из них может быть и владеют арабским языком, но они не пользуются непосредственно арабскими источниками, и довольствуются заключением авторитетных ученых-

почти во всех других арабоязычных источниках Низак Тархан называется «тюрком» (التركي). Только Хамза ал-Исфахани (X в.) и Ибн ал-Балхи (XII в.) называют его «государем эфталитов» (ملك الهياطلة) [Hamzae Isphahanensis: 63; Farsnama: 112]. Но под «эфталитами» они подразумевают согдийцев.¹ В-третьих, излагая свои вышеупомянутые мысли, коллега часто использует такие слова, как possibly (возможно), it seems (кажется), seem (кажутся), apparently (видимо) и др., а это указывает на то, что его мнение не более чем предположение. А отсутствие ссылок на достоверные источники делает его мнение сомнительным.

Никаких сведений о том, что эфталиты сохраняли свою независимость вплоть до нач. VIII в. не известно, не говоря уже о существовании сильной конфедерации эфталитов. В Тохаристане тюрки жили не отдельно, а смешанно с эфталитами [Chavannes 1903A: 155]. В 718 г. упоминается владение I-ta (эфталитов), которое локализуется в Бадгисе и отождествляется с владением Низак Тархана [Marquart 1901: 67, 150]. Однако, во-первых, хотя крепость Низак Тархана находилась в Бадгисе, сам он не имел никакого отношения к эфталитам, вожди которых имели титул *баразан* (برازان) [Ibn Khordadbeh: 40]. Во-вторых, в китайском источнике владение эфталитов упоминается наряду с такими владениями, как Хуттал, Куран, Шуман, Шугнан и Вахан, и при перечислении помещается между Шугнаном и Ваханом [Chavannes 1903A: 200]. Следовательно, это было небольшое горное владение, расположенное где-то в верховьях реки Пандж. Согласно «Таншу», владение Шини или Ши-ки-ни, т.е. Шугнан, состояло из 5 больших горных ущелий, в которых правили независимые владельцы, и их вместе называли «Пять Ши-ни». Кроме них было еще 4 владения, которые находились в долине Бо-ми, т.е. на Памире. Они

арабистов, хотя при этом и приводят ссылку на источник. В основе всех этих неверных утверждений лежит ошибочное заключение Дж. Маркварта [Marquart 1901: 75], который при этом ссылается на сочинения ат-Табари и ал-Балазури [at-Tabari I: 2898; al-Beladsori: 406]. Однако при проверке оказывается, что никаких данных, указывающих на эфталитское происхождение Низак Тархана в этих источниках нет. Единственное указание на этническую принадлежность Низак Тархана в сочинении ат-Табари – *мин атрак* (من اترك) – «из тюрков» [at-Tabari II: 156], которое Дж. Маркварт переводит как «из эфталитов», полагая, что ат-Табари принимал эфталитов за тюрков [Marquart 1901: 69]. Между тем, ат-Табари отличал эфталитов от тюрков. В частности, «эфталитами» он называет жителей Герата [at-Tabari II: 2885]. Таким образом, в основе всех этих неверных утверждений современных ученых лежит ошибочное заключение более чем столетней давности.

¹ Подробнее об этом см. в первой части статьи.

проживали в пещерах и были независимыми [Бичурин II: 323; Chavannes 1903A: 162]. Одно из этих труднодоступных независимых владений, расположенных высоко в горах, вероятно, и называется в 718 г. «владением I-ta». Согласно Сюань Цзану, жители Ши-ни были дикими и храбрыми, с виду они грубы и неотесанны, носили одежду из шерстяных тканей и кожи. Письменность такая же, как в стране Ту-хо-ло, а язык имеет отличия [Сюань-цзан: 325 – 326].

В нач. XX в. жизненные условия, нравы и обычаи населения, и характер занятий жителей предгорных и горных областей Западного Памира мало чем отличались от таковых в эпоху раннего средневековья. В силу своей отдаленности и малодоступности, эти районы были фактически независимыми и лишь номинально подчинялись Бухаре.

То же самое относится к не подчинявшемуся тюркам владению Сымодало (Ximotalo), которое наши коллеги считают «независимым государством эфталитов» [Kuwayama 2002: 132; Grenet 2002: 214; Vondrovec 2014: 563]. Однако если обратиться к источнику, то оказывается, что это было труднодоступное владение, расположенное высоко в горах. Климат в нем очень холодный, люди по характеру грубые и вспыльчивые. Одежду носят из кожи и грубой ткани, очень схожую с той, что у туцзюэсцев... Жители подвергаются их грабительским набегам и защищают свои границы. Обитая в высоких войлочных юртах, жители кочуют с места на место [Сюань-цзан: 322]. Из этих данных следует, что это владение не подчинялось тюркам не потому, что оно было сильным и независимым, а потому, что оно находилось высоко в горах, и было труднодоступным.

Более ста лет (с 625 по 750 гг.) законными владельцами Тохаристана считались тюрки, хотя после 651 г. их власть считалась номинальной, а фактическая власть принадлежала арабам. По данным Сюань Цзана, в 630 г. вся страна Ту-хо-ло (Тохаристан) была поделена на 27 владений, все они подчинялись тюркам [Сюань-цзан: 44]. В 718 г. верховному тюркскому *йабгу* Тохаристана подчинялись всего 212 владений [Chavannes 1903A: 200]. Об этом свидетельствуют как сведения, приведенные в записках Сюань Цзана и Хуэй Чао, в которых много сведений о тюрках, но нет ни слова об эфталитах [Нье Ш'о: 48 – 55; Сюань-цзан: 40 – 42, 44 – 46, 319 – 322], так и сведения ат-Табари и других арабских источников. То, что эфталиты отправляли посольства к китайскому Двору [Chavannes 1903A: 158 – 159; В: 80] еще не свидетельствует о том, что они были независимыми правителями и представляли собой самостоятельную силу. Известно, что лишившиеся своей власти местные владельцы согдийских городов

также непрерывно отправляли посольства к китайскому Двору с просьбой оказать им помощи против арабов. Так, младший сын *ихшида* Согда Гурака, Мо-чжо, в 731 г. получил от своего отца во владение округ Маймург в области Самарканда [Бичурин II: 275, 287, 311]. В китайских источниках зафиксированы приезды в течение 713 – 744 гг. многочисленных посольств от владетеля Маймурга с дарами к китайскому Двору [Chavannes 1903: 144]. В 744 г. было зафиксировано прибытие последнего его посольства [Шефер 1981: 582], в котором он представлял себя сам. Тогда ему и его супруге *katoun* (хатун) были пожалованы почетные титулы [Chavannes 1903: 145]. На самом деле в этот период все города Согда уже были заняты арабами в результате опустошительных походов Кутайбы ибн Муслима в 87 – 90/705 – 709 гг. Поэтому из этого путешествия они уже не вернулись на родину.

Поэтому я считаю, что мнение, высказанное коллегой, основано на неверных сведениях и ошибочных представлениях, и, следовательно, не может быть принято. То же самое относится к заключению Б. А. Литвинского и М. Х. Замир Сафи, которые ошибочно считают два разных лица по имени Низак Тархан, а именно деда и внука, одним лицом.

Низак ал-Баркаши

Сведения, которые приводит Абу Мухаммад Ахмад ибн А‘сам ал-Куфи (ум. ок. 314/926-27 г.) значительно отличаются от сведений других арабских авторов. В частности, он является единственным автором, который называет старшего Низак Тархана *малик ат-турк Тахта* (مالك الترك طختاخ), т.е. «государь тюрков Тахта» [ал-Куфи I: 317 – 319], а младшего – Низак ал-Баркаши (نيزك البرقشي) [ал-Куфи VII: 142, 151]. Как имя первого, так и *нисба* второго этимологии не поддаются. Имя Тахта (طختاخ) может быть искаженной формой титула *тархан* (طرخان). Что касается *нисбы* ал-Баркаши, то в средневековых биографических словарях такая *нисба* не зафиксирована. Э. Есин предлагала читать эту *нисбу* в форме ат-Туркаши (الترقشي), что может быть передачей этнонима *туркаш* (تركش) [Esin 1977: 324 – 325]. Но из дальнейших сведений ал-Куфи становится ясным, что эта *нисба*, скорее всего, образована от другого этнонима: *ал-баркас* (البرقس) или *ал-баркаш* (البرقش). Так, автор пишет, что когда ал-Хаджджадж ибн Йусуф узнал, что Йазид ибн ал-Мухаллаб оставил в Хорасане своего брата ал-Муфаддала, а сам направился в ал-‘Ирак, он призвал Кутайбу ибн Муслима, предоставил ему армию и назначил наместником

Хорасана. Он сказал ему: «Езжай в Хорасан ... и войой с находящимися там неверными из [числа] тюрок (الترك), согдийцев (السغد) и *ал-баркас* (البرقس)» [ал-Куфи VII: 133]. Далее автор пишет, что Кутайба остановился в Мерве, войоя с тюрками (الترك), согдийцами (السغد) и *ал-баркас* (البرقس) [ал-Куфи VII: 137]. В Байканде Кутайба встретил множество тюрок (الترك), согдийцев (السغد) и *ал-баркас* (البرقس) [ал-Куфи VII: 144]. Этноним *баркас* / *баркаш* в средневековых источниках не зафиксирован. Он не мог означать эфталитов, поскольку последние упоминаются в этом же тексте под названием *хайатила* (هياطلة) [ал-Куфи VII: 145]. Хотя здесь термин *хайатила* (هياطلة) мог означать и согдийцев.¹

В этом же источнике термин *ал-баркаш* (البرقش) употреблен также в качестве титула или социального статуса. Так, ал-Куфи пишет: «В соей *хутбе* перед мусульманами [Кутайба] сказал: «Где меткие стрелки?». Встали сыновья государей согдийцев, сыновья государей тюрок, *тарханы* (الطراخنة), *ал-баркаш* (البرقش), сыновья государей Бухаристана и другие из сыновей государей Хорасана. В то время их было более 10 тыс. *гуламов*, каждый из которых был искусным стрелком. Кутайба сказал: «Это самые великие из *'аджамов* по своему достоинству, самые благородные из них по происхождению, они сильнее вас [в поединке] с мечами, и более мужественные при встрече [с врагом] [ал-Куфи VII: 175]. В этом отрывке термин *ал-баркаш* употреблен наряду с титулом *тархан* и потомками местной правящей элиты Средней Азии. Примечательно, что в сочинении ал-Куфи Низак везде упоминается с *нисбой* ал-Баркаши, а его титул Тархан вообще не упоминается, из чего можно предположить, что для него термин *ал-баркас* / *ал-баркаш* был синонимом титула *тархан*.

Версия об этнониме *туркаш* (تركش) может быть приемлемой, если найти объяснение тому, что в источнике написана буква *паф* (ق) вместо *каф* (ك).² Кутайба ибн Муслим был назначен наместником Хорасана в 86/705 г. Незадолго до этого в Семиречье, т.е. в бассейнах рек Или, Чу и Талас, был образован Тюргешский каганат (704 – 756), простиравшийся от Чача до Турфана и Бешбалыка со столицей в г. Суяб. Арабы, несомненно, знали об этом, следовательно, к этому времени они уже были знакомы с новым для них этнонимом *туркаш*. В целом эта версия не противоречит нашей точке зрения, так как *тюргеши* Семиречья входили в союз пяти племен *дулу*, который

¹ Подробнее об этом см. в первой части статьи.

² Именно в такой форме (تركش) этот этноним упоминается в источниках [Ibn al-Fakih: 329].

возглавлял Йукук Ирбис Дулу-хан. Поэтому не исключено, что он имел тюргешское происхождение.¹

На наш взгляд, можно также предположить, что под названием *ал-баркас / ал-баркаш* ал-Куфи подразумевает восточных, т.е. кочевых тюрков с монголоидной внешностью, а под названием *ат-турк* – западных, т.е. оседлых городских тюрков Средней Азии с европеоидной внешностью. Восточные тюрки отличались от западных не только по своей внешности, но и по своему одеянию. Западные тюрки мало чем отличались от согдийцев как по внешности, так и по одеянию. Что касается восточных тюрков, то они резко отличались как от согдийцев, так и от западных тюрков. Поэтому арабы могли легко их зрительно различить. Примерно такое же разделение можно было наблюдать в Туркестане еще в прошлом веке. В нач. XX в. *джадиды*, т.е. местная интеллигенция, включали в понятие *турк* только оседлое население региона, а в понятие Туркестан – города и кишлаки, населенные оседлым населением. Кочевники (казахи, киргизы, каракалпаки, туркмены и др.) в это понятие не включались. Их называли по названиям их племен. Кочевники отличались от оседлых жителей как по своей внешности, так и по одеянию.

Происхождение этнонима *баркас / баркаш* может быть связано с названием озера Балхаш, расположенного к северу от Семиречья (Юго-Восточный Казахстан). Гидроним Балхаш можно сблизить с названием моря Ворукаша (*voru.kaša*), которое упоминается в «Авесте», и среднеперсидским Варкаш (*varkaš*), но это море отождествляется с Аралом [Ходжаева 2003: 93 – 98; 2017: 144 – 148]. Первое достоверное изображение озера помещено на китайской карте времен династии Хань, т.е. около II в. до н.э., где оно представлено без названия [Бичурин III: 310, карта 1a]. Одно из первых наименований этого озера – *Yibo-hai* (夷播海) – «Море Ибо» появилось в 40-й главе Синь тан шу – «Новой истории династии Тан» (618 – 907 гг.) в Китае, в которой говорится: «Здесь все реки текут на север, пересекают пустыню и впадают в море Ибо [Бичурин III: 11; Малявкин 1989: 99, 310; Малолетко 1992: 116]. В китайских источниках озеро Балхаш / Балкаш / Баркаш упоминается также в форме *Baerkashi hu* (巴尔喀什湖), *Baerkaishi hu* (巴尔开什湖) и *Balekashinaoer* (巴勒喀什淖尔) [А. Ходжаев, устное сообщение]. На карте Центральной Азии VII – VIII вв., которую приводит М. Инаба, озеро Балхаш отмечено как *Barqashi L.* [Inaba 2010: 198].

¹ Самое раннее упоминание этнонима *туркаш* относится к 651 г. в китайских источниках в форме *туцциши* [Пилипчук 2018: 30].

С озером Балхаш отождествляется озеро Тахама (تهامة), которое упоминается в сочинении ал-Идриси (XII в.) [ал-Идриси 2020: 599; Кумеков 1971: 194 – 198; Байпаков 2007: 217], или озеро Tarih-köl (ترنك كول) – «Обильное озеро», которое, согласно ал-Кашгари, находилось на границе страны Ики Укуз (اكي اكوذ) [ДТС: 537; Кошгарий III: 149]. Тюрки называли его также Ак-Денгиз («Белое море» или «Благодатное море») [Мурзаев 1996: 12]. Слово *ак* имеет множество значений, наряду с прилагательным «белый», оно обозначает также различные положительные определения – «хорошее», «благополучное» и т.п. [Горбунов 2014: 74], а также «чистый», «несмешанный»; «добродушный», «чистосердечный», «невинный» [Радлов I (1): 88, 94, 95]. Кроме того тюрки обозначали белым цветом все географические объекты, расположенные к западу от своих земель. Название Ак-Денгиз применялось также к Эгейскому морю [Радлов I (1): 92 – 94].

В сочинении ал-Идриси упоминается также озеро Гаргуз, которое также отождествляется с Балхашем [Агаджанов 1969: 70 – 72]. Согласно ал-Идриси, в 8-части 5-го климата в стране гуззов находилась высокая гора Аскарун (اصقرون), из которой вытекала большая река Руза (روزا). Это очень большие горы, снег не покидает их вершины ни зимой, ни летом. У подножия этих гор сплошные леса, и в них находится много дичи. На северном склоне этих гор выходит 20 источников, которые текут на запад к озеру Гаргуз (غرغوز).¹ Это очень большое озеро, окружность его – 400 миль, вода его пресная. В нем много рыбы – главной пищи того народа. Из гор Магра (مغرا) или Марга (مارغا)² выходит около 50 источников, все они впадают в это озеро. На нем много пастбищ и плодородных мест... На этом озере с южной стороны находится гора из твердых камней, где не растут никакие растения. На ней большая крепость, называемая Гаргуз (غرغوز), и по этой крепости известно и названо это озеро [ал-Идриси 1939: 222]. Каменистые горы, лежавшие к югу от озера Гаргуз, соответствуют Чу-Илийским горам. Очевидно, в районе этих гор располагался город Гаргуз, представлявший собой большую крепость [Агаджанов 1969: 72].

В источниках XIV – XV вв. озеро Балхаш именовалось Атраккуль, Могол-куль, или просто Куль – «озеро» [Йазди: 139; МИКК

¹ Так написано в рукописи Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. В других рукописях, на которых основаны издания критического текста, приводится чтение Гаргун (غرغون) [ал-Идриси 2002: 837, 840; ал-Идриси 2016: 219].

² На карте ал-Идриси – Мургар (مرغار), у С. Г. Агаджанова – Музгар [Агаджанов 1969: 70, 71].

1973: 144], а в источниках XVI в. – Кукча-Тенгиз – «Синеватое море» [Хайдар: 501, 502]. На картах XVII – XVIII озеро называется просто Тенгиз – «Море» (1697 г.), или Balkas / Балкас (1738 г.). Современное название озера Балхаш впервые упоминается на карте Ф. И. Соимонова (1760 г.) [Горбунов 2014: 74 – 75]. Джунгары называли это озеро *Balxaš-Nour* – «озеро Балхаш», и это название отражено на карте Ю. Клапрота 1833 г., составленной по съёмкам европейских послов [Большой атлас 2008: 414 – 415].

Гидроним Балхаш / Балкаш / Баркаш производится от слова *балқаш* / *balqaš* (بالقاش / بلقش), которое в татарском, казахском и алтайском языках означает «болотистая местность, покрытая кочками» или «кочки на болоте» [Фасмер 1986 I: 116; Будагов I: 237], или «болотистое озеро, поросшее влаголюбивой растительностью» [Конкашпаев 1963: 28]. В казахском языке слово *балқаш* означает также «пойма», «рельеф местности», «лужайка», «водоросли» и др., в алтайском – «грязь», «глина» [Қойшыбаев 1985: 65], «топь», «болотистое место», а в монгольском и калмыкском – «длинное вытянутое озеро» [Никонов 1966: 42]. В тувинском языке есть слово *балгаиш*, которое означает «грязь», «болото», а в тюркских языках Южной Сибири слово *палгаиш* – «глина», «ил», «кочковатая топь» [Мурзаев 1984: 70]. Название Балкаш связывается также со словом *balçiq* (بالچيق) – «глина», «ил», «грязь», «болото» [Радлов IV (2): 1505, 1506]. Топи очень характерны для южного побережья Балхаша [Горбунов 2014: 75]. В географической номенклатуре встречается также топоформант *бар* / *вар*, который реконструируется от хунно-булгарских языков со значением «ручей», «небольшая речка»: например, хуннское название реки Днепр – Вар [Розен, Малолетко 1986: 26], или от архаичного слова *балык* – «вода» (от древней основы в урало-алтайских языках *bal* / *bar*, связанной с понятием «вода») [Мурзаев 1984: 70; Қойшыбаев 1985: 65]. В персидском языке слово *баркаш* (برقش) имеет два значения: 1) «маленькая птичка зеленого цвета, похожая на соловья»; 2) «разнообразие», «разнородность», «разноцветность», а глагол *баркаша* (برقشه) – «смешиваться», «перемешиваться», «соединяться» [Dehkhoda III: 4601]. Есть также слово *баргаиш* (برغش) – «комар», «мошка» [Dehkhoda III: 4591], от которого образована *нисба* ал-Баргаши (البرغشي). Везиром последних Саманидов был Абу-л-Музаффар Мухаммад ибн Ибрахим ал-Баргаши [Байхаки: 448 – 451; Гардизи: 87 – 88; Бартольд 1963: 325 – 326]. В монгольском языке есть слово *балгас* – «городище», «развалины», «руины» [MPC I: 353], а также глагол *балхас* – «трястись» [MPC I: 355].

Итак, происхождение гидронима Балхаш / Балкаш / Баркаш может быть связано как с тюркскими, так и с иранскими или монгольским языками. Согласно новейшим этимологическим исследованиям, гидроним Балхаш / Балкаш / Баркаш не входит в число названий, которые этимологизируются на основе монгольского языка [ЭСМЯ I], так же как на основе иранских [Bachenheimer 2018] и тюркских языков [Clauson 1972; Севортян 1978; ДТС 1979; EDAL 2003]. Согласно ал-Идриси, в районе озера Гаргуз, которое отождествляется с Балхашем, в горах Мургар (Музгар) и в руслах их рек находились камни *ал-балхаш* (احجار البلخاش)¹, бирюза и другие виды камней [ал-Идриси 2002: 840]. Из этих данных следует, что название озера Балхаш могло быть связано с этими камнями *балхаш*.² Так их, вероятно, называло местное население, поскольку в арабских словарях это слово не упоминается.

По моему мнению, гидроним Балхаш / Балкаш / Баркаш это сложносоставное название, которое можно этимологизировать от древнетюркских слов *baraq* – «лохматый» и *qaš* – «бровь» [ДТС: 83, 431].³ В первом слове конечная буква *q* ассимилировалась с начальной буквой *q* второго слова, а средняя буква *r* превратилась в букву *l*. Такой фонетический переход ($r \rightarrow l$ или $l \rightarrow r$) является обычным во многих языках, в т.ч. и в тюркских. Озеро Балхаш по своим очертаниям действительно похоже на лохматую бровь. К югу от него расположены Чу-Илийские горы, с вершин которых озеро видно как на ладони.⁴ Следовательно, скорее всего, не озеро Балхаш получило

¹ В переводе С. Волина это слово переведено как «рубины» [ал-Идриси 1939: 221]. Но для обозначения рубина в арабском языке используется другое слово: *йакут ахмар* (ياقوت احمر) – «красный яхонт» [Борисов 1993: 884]. Следовательно, здесь, вероятно, речь идет о каком-то другом камне, или это было местным названием рубина.

² Согласно ал-Карши, султан Махмуд [Газнави] отправил своего посла к Иликхану, чтобы передать из Ирана благородную даму, а султану – привезти редкую жемчужину из моря Турана [ал-Карши: 107]. Здесь под «морем Турана», вероятно, имеется в виду одно из озер, расположенных на землях подвластных Караханидам – Иссык-куль или Балхаш.

³ Слово *baraq* (باراق) может означать также «длинный», «густой» [Радлов IV (2): 1477], а *qaš* (قاش) – «выпуклость», «возвышение», «вал», «холм», «высокий берег», «сторона», «рубеж» и др. [Радлов II (1): 386 – 387].

⁴ Этимология «болотистая местность, покрытая кочками» или «кочки на болоте» также допустима, так как в прошлом озеро Балхаш не раз пересыхало и превращалось в болото. Но это может быть поздняя этимология, поскольку она зафиксирована только в поздних словарях, а в этимологических словарях древнетюркского языка слово *balqaš* не упоминается. Другие этимологии, а именно «маленькая птичка», «разнообразие», «городище», «развалины», «руины» или

свое название от камней *балхаш* (بلخاش), а наоборот, эти камни получили свое название от озера, и назывались «балхашскими» камнями. Как бы там ни было, все имеющиеся данные указывают на то, что гидроним Балхаш / Балкаш / Баркаш имеет древнее происхождение и, несомненно, существовал в эпоху раннего средневековья.

Итак, *нисба* ал-Баркаши могла применяться к тюркам Семиречья, кочевавшим в районе озера Балхаш, а также в долине рек Или, бравшей начало в Чу-Илийских горах и впадавшей в это озеро. Примечательно, что именно из этих мест происходил Йукук Ирбис Дулу-хан, который был известен в Тохаристане как Низак Тархан. Здесь происходила война между Йукук Ирбис Дулу-ханом во главе с племенами *дулу* и Ышбара-Толис-шад-ханом во главе с племенами *нушиби*. В 638 г. на реке Или заключили мир, согласно которому все земли, расположенные на западе от реки отходили к Йукуку, а на востоке – к Ышбаре.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам прийти к следующим выводам:

- сведения арабских источников о правителе по имени Низак Тархан относятся не к одному лицу, а как минимум к двум лицам.

- старший Низак Тархан был не кем иным, как тюркским каганом Йукук Ирбис Дулу-ханом, возглавлявшим Западный Туркский каганат с 638 по 653 гг.

- он имел местопребывание в крепости, расположенной в горах недалеко от Балха, откуда руководил борьбой местных правителей против арабских завоевателей.

- младший Низак Тархан был внуком Йукука, от которого он унаследовал свои титулы *тархан* и *низак*.

- оба Низак Тархана стояли во главе национально-освободительных движений жителей Хорасана и Тохаристана против арабов (в сер. VII и нач. VIII вв.).

- оба Низак Тархана исповедовали буддизм или манихейзм, и поклонялись в храме Наубахар в Балхе.

- младший Низак Тархан имел местопребывание в Бадгисе, но он не относился к числу местных эфталитских владетелей этой области, которые носили титул *баразан*. Он был представителем Западного Тюркского каганата в Тохаристане.

глаголы «трястись», «перемешиваться» малоубедительны, и требуют серьезной аргументации.

- *нисба* младшего Низак Тархана ал-Баркаши была образована от этнонима *баркаш*, которым арабы обозначали кочевых тюрков в отличие от оседлых и городских тюрков, и указывала на его происхождение из района озера Балхаш / Балкаш / Баркаш, расположенного в северной части Семиречья.

Использованная литература

Источники

Абу-л-Фида – Абу-л-Фида'. Та'рих Аби-л-Фида' ал-мусамма ал-Мухтасар фи ахбар ал-башар / Изд. Махмуд Даййуб. В 2-х томах. Байрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 1417/1997.

Асади Туси – Абу Мансур 'Али ибн Ахмад Асади Туси. Китаб Лугат-и Фурс / Изд 'Аббас Икбал. Техран: Чапхана-и Маджлис, 1319 шамси.

Байхаки – Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас'уда (1030 – 1041) / Пер. с перс., введение, комментарий и приложения А. К. Арендса. Изд. 2-е, дополненное (ППВ, XXII). М.: Наука, 1969.

ал-Балхи – Абу Бакр 'Абд Аллах ибн 'Умар ибн Мухаммад ибн Давуд Ва'из ал-Балхи. Фада'ил-и Балх / Изд. 'Абд ал-Хайй Хабиби, Техран, 1350/1971.

Беруни 1973 – Абу Райхан Беруни. Канон Мас'уда (Книги I – V) / Вступительная статья, перевод и примечания П. Г. Булгакова и Б. А. Розенфельда при участии М. М. Рожанской и А. Ахмедова. / Избранные произведения. Т. 5 (1). Ташкент: Фан, 1973.

Гардизи – Абу Са'ид Гардизи. Зайн ал-ахбар. Украшение известий. Раздел об истории Хорасана / Пер. с перс. яз. А. К. Арендса. Введение, комментарии и указатели Л. М. Епифановой. Ташкент: Фан, 1991.

Ибн ал-Асир – Ибн ал-Асир, Абу-л-Хасан 'Али ибн Мухаммад аш-Шайбани ал-Джазари. Ал-Камил фи-т-та'рих. В 12 томах. Миср: Булак, 1883 – 1885.

Ибн аш-Шихна – Абу-л-Валид Мухаммад ибн аш-Шихна. Раудат ал-маназир фи ахбар ал-ава'ил ва-л-авахир / На полях XI и XII томов «Тарих ал-камил» Ибн ал-Асира. Миср: Булак, 1884.

ал-Идриси 1939 – Извлечения из «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» или «Китаб Роджер» ал-Идриси / Пер. С. Волина // МИТТ, Т. 1. Арабские и персидские источники VII – XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 220 – 222.

ал-Идриси 2002 – Абу ‘Абд Аллах Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абд ‘Аллах ибн Идрис ал-Хаммуди ал-Хусайни аш-Шариф ал-Идриси. Китаб Нузхат ал-муштак фи-ихтирак ал-афак. Т. 1. ал-Кахира: Мактабат ас-сакафа ад-динийа, 1422/2002 (Репродукция изд. al-Idrisi. Opus Geographicum. Neapoli – Romae, a. D. MCMLXXIV).

ал-Идриси 2016 – ал-Идриси. Нузхат ал-муштак фи-ихтирак ал-афак / Изд. Башир Абу-л-Карайа. Абу Даби: Дар ал-кутуб ал-вата-ниййа, 2016.

ал-Идриси 2020 – Абу ‘Абд Аллах Мухаммад ибн Мухаммад аш-Шариф ал-Идриси. Нузхат ал-муштак фи-ихтирак ал-афак / Изд. Ахмад Фарид ал-Мазиди. Байрут: Дар ал-кутуб ал-‘илмиййа, 2020.

История халифов – «История халифов» анонимного автора XI века / Факсимиле рукописи, предисловие и краткое изложение содержания П. А. Грязневича. Указатели М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича. М.: Наука, 1967.

ал-Йа‘куби – ал-Йак‘уби. Книга стран (Китаб ал-булдан) / Вступительная статья, перевод, комментарии и указатели Л. А. Семеновой. М.: Восточная литература, 2011.

Йазди – Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме / Пер. со старо-узб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: San’at, 2008.

ал-Йак‘уби – ал-Йак‘уби. Книга стран (Китаб ал-булдан) / Вступительная статья, перевод, комментарии и указатели Л. А. Семеновой. М.: Восточная литература, 2011.

ал-Карши – Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах / Введение, перевод с арабско-персидского, комментарии, текст, факсимиле Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова / История Казахстана в персидских источниках. Т. 1. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

Кошгарий – Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони (Девону-луғот ит-турк) / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. 3 томлик. Тошкент: Фан, 1960 – 1963.

ал-Куфи – Абу Мухаммад Ахмад ибн А‘сам ал-Куфи. Китаб ал-Футух / Изд. ‘Али Шири. В 8 томах. Байрут: Дар ал-Адва’, 1411/1991.

Махмуд ибн Вали – Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География) / Введение, перевод, примечания, указатели Б. А. Ахмедова. Ташкент: Фан, 1977.

ас-Сам‘ани – Абу Са‘д ‘Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам‘ани. Ал-Ансаб. / Изд. ‘Абд ар-Рахман ал-Му‘аллими. В 12 томах. Байрут: Мухаммад Амин Дамадж, 1980 – 1981.

Сюань-цзан – Сюань-цзан. Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан (*Да Тан си юй цзи*) / Введение, перевод с китайского и комментарий Н. В. Александровой. М.: Восточная литература, 2012.

ат-Табари 1987 – «История» ат-Табари. Избранные отрывки / Пер. с араб. В. И. Беляева. Дополнения к переводу О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент: Фан, 1987.

Фирдоуси – Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст. В 9 томах. М.: Наука, 1966 – 1971.

Хайдар – Мирза Мухаммад Хайдар. История Рашиди / Введение, пер. с перс. А. Урунбаева, Р. Джалиловой, Л. Епифановой. Изд. 4-е, полная версия. Отв. ред. В. Рахманов. Ташкент: Sharq, 2016.

Халифа ибн Хаййат – Абу ‘Умар Халифа ибн Хаййат ал-Лайси ал-‘Усфури. Та’рих Халифа ибн Хаййат / Изд. Акрам Зийа’ ал-‘Умари. 2-е изд. Ар-Рийад: Дар Таййиба, 1405/1985.

Aboulféda – Géographie d’Aboulféda / Text Arabe publié d’après les manuscrits de Paris et de Leyde par M.Reinaud et M. Le Bon Mac Guckin de Slane. Paris: l’Imprimerie Royal, 1840.

al-Beladsori – al-Beladsori, Ahmed ibn Jahja ibn Djabir, Liber expugnationis regionum, quem e codice Leidensi et codice Musei Britanici / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1863.

Bel’ami – Chronique de Abou-Djafar Mohammed-ben-Djarir-ben-Jezid Tabari, traduite sur la version persane d’Abou-‘Ali Mohammed Bel’ami, d’après les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury, par M. Hermann Zotenberg, t. I – IV. Paris: Imprimerie Impériale, 1867 – 1874.

ad-Dinaweri – Abu Hanifa ad-Dinaweri. Kitab ahbar at-tiwal / Publié par Vladimir Guirgass. Leiden: E. J. Brill, 1888.

Hamzae Ispahanensis – Hamzae Ispahanensis, Annalum, libri X / Ed. M. E. Gottwaldt, t. 1, Textus arabicus. Petropoli – Lipsiae, 1844.

Hudud al-‘Alam – Hudud al-‘Alam. The regions of the world. A Persian geography / Translated and explained by V. Minorsky. 2nd edition. London: E. J. W. Gibb Memorial, 1970.

Hye Ch’o – The Hye Ch’o Diary: A Memoir of the Pilgrimage of the Five Regions of India / Translation, text and edition by Yang, Han Sung, Jan, Yün Hua, Iida, Shotaro and Laurence W. Preston (Regions of Asia Series, No. 2). Seoul: Asian Humanities Press, 1984.

Ibn al-Fakih – Ibn al-Fakih al-Hamadani. Compendium Libri Kitab al-Buldan / Ed. M. J. de Goeje. BGA, pars 5. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967.

Ibn Haukal – Abu'l-Kasim Ibn Haukal an-Nasibi. Opus geographicum / Ed. J. H. Kramers, edition tertia, BGA, pars 2. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967.

Ibn Khordadbeh – Abu-l-Kasim 'Obaydallah ibn 'Abdallah ibn Khordadbeh. Kitab al-Masalik wa-l-mamalik / Ed. M. J. de Goeje, BGA, pars 6. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967, p. 1 – 183.

Ibn Rosteh – Ibn Rosteh, Abu 'Ali Ahmad ibn Omar. Kitab al-a'lak an-nafisa / Ed. M. J. de Goeje, BGA, pars 7. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967, p. 1 – 230.

al-Jakubi – Ahmad ibn Abu Jakub ibn Wadhih al-Jakubi. Kitab al-buldan / Ed. M. J. de Goeje. BGA, pars 7. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967. P. 231 – 273.

al-Ja'kubi – Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'kubi. Historiae. Pars 1 et 2 / Ed. M. Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883.

Jacut – Jacut's geographisches wörterbuch aus den hadschriften zu Berlin, St.-Petersburg, Paris, London und Oxford, auf kosten der deutschen morgenländischen gesellschaft herausgegeben von F. Wüstenfeld. Band 1 – 6. Leipzig, 1866 – 1877.

al-Khowarezmi – Abu 'Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusuf al-Katib al-Khowarezmi. Liber Mafatih al-'Olum / Ed. G. van Vloten. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1968.

Macoudi – Macoudi. Les prairies d'or / Text et traduction C. Barbier de Meynard, t. I – IX. Paris: Societe Asiatique, 1861 – 1877.

al-Masudi – al-Masudi. Kitab at-tanbih wa-l-ishraf / Ed. M. J. de Goeje, BGA, pars 8. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967.

el-Maqdisi – Motahhar ben Tahir el-Maqdisi. Le Livre de la Creation et de l'Histoire, attribute a Abou-Zeid Ahmed ben Sahl el-Balkhi / Publié et traduit par Cl. Huart. T. I – VI. Paris: Editions Ernest Leroux, 1916 – 1919.

al-Moqaddasi – Abu 'Abdallah Mohammad ibn Ahmad Shamsaddin al-Moqaddasi. Descriptio Imperii moslemici / Ed. M. J. de Goeje, BGA, pars 3. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967.

at-Tabari – Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Annales / Ed. M. J. de Goeje. Prima, secunda, tertia series. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1964.

al-Tha'alibi – Abou Mansour 'Abd al-Malik ibn Muhammad ibn Isma'il al-Tha'alibi. Histoire des rois des Perses (غرر اخبار ملوك الفرس و سيرهم) / Text arab publié et traduit par H. Zotenberg. Paris: Imprimerie Nationale, 1900 (reprint: Tehran, 1963).

The History of al-Tabari – The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa-l-muluk). 40 volumes. Vol. 18 / Translated and annotated by Michael G. Morony. State University of New York Press, Albany, 1987.

The Merits of Balkh – “Fada’il-i Balkh” or “The Merits of Balkh”, written in Arabic by Shaykh al-Islam Abu Bakr ‘Abd Allah al-Wa‘iz al-Balkhi and translated into Persian by ‘Abd Allah al-Husayni. Annotated translation by Arezou Azad and Edmund Herzig with Ali Mir-Ansari. London: The E. J. W. Gibb Memorial Trust, 2021.

Научная литература

Агаджанов 1969 – Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX – XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969.

Бабаяров 2007 – Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI – VIII вв. н.э.). Ташкент, Изд-во Национальной библиотеки Узбекистана им. Алишера Навои, 2007.

Байпаков 2007 – Байпаков К. М. Великий Шелковый путь на территории Казахстана. Алматы: Аламар, 2007.

Бартольд 1963 – Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Соч. в 9 томах. Т. 1. М.: Наука, 1963.

Бичурин 1953 – Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1953.

Большой атлас 2008 – Большой атлас истории и культуры Казахстана / Гл. ред. К. М. Байпаков и др.; науч. ред. К. З. Ускенбай. Алматы: Абди компани, 2008.

Борисов 1993 – Борисов В. М. Русско-арабский словарь / Под ред. В. М. Белкина. М.: Сам Интерншнл, 1993.

Будагов 1869 – Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, с включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. В 2-х томах. СПб., 1869. [М., 1960].

Булгаков 2012 – Булгаков П. Г. Вселенная, Земля и Человек в трудах Абу Райхана Беруни. Аналитический свод избранных тематических фрагментов из сочинений Абу Райхана Беруни. Saarbrücken: LAP, 2012.

Гоибов 1989 – Гоибов Г. Ранние походы арабов в Среднюю Азию (644 – 704 гг.). Душанбе: Дониш, 1989.

Горбунов 2014 – Горбунов А. Балхаш // Краткий энциклопедический словарь исторических топонимов Казахстана / Сост. И. В. Ерофеева. Алматы, 2014. С. 74 – 75.

Гукасян 1971 – Гукасян В. Тюркизмы в «Истории албан» Моисея Утийского // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 238 – 250.

- Гумилев 1967** – Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.
- ДТС** – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева и А. М. Щербака. Л.: Наука ЛО, 1969.
- Камолиддин 2012** – Камолиддин Ш. С. Новые арабские документы из Тохаристана (третья четверть VIII в. н.э.). Текст. Перевод. Комментарии. Saarbrücken: LAP, 2012.
- Кляшторный 1964** – Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.
- Қойшыбаев 1985** – Қойшыбаев Е. Қазақстанның жер-су аттары сөздігі. Алматы: Мектеп, 1985.
- Колесников 1982** – Колесников А. И. Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах). М.: Наука, 1982.
- Конкашпаев 1963** – Конкашпаев Г. К. Словарь казахских географических названий. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.
- Крачковский 1955** – Крачковская В. А., Крачковский И. Ю. Древнейший арабский документ из Средней Азии // И. Ю. Крачковский Избранные сочинения в 6 томах. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 182 – 212.
- Кубатин 2016** – Кубатин А. В. Система титулов Тюркского каганата: генезис и преемственность. Ташкент: Yangi nashr, 2016.
- Кумеков 1971** – Кумеков Б. Е. Страна кимаков по карте ал-Идриси // СНВ, вып. 10. М.: Наука, 1971. С. 194 – 198.
- Курбанов 2006** – Курбанов А. Эфталиты (Очерки истории). СПб.: Европейский дом, 2006.
- Мадиева и др. 2008** – Мадиева Г., Сапашев О., Бияров Б., Алимхан А., Смаилова А. Топонимическое пространство Восточного Казахстана. Усть-Каменогорск: Рекламный Дайджест, 2008.
- Малолетко 1992** – Малолетко А. М. Палеотопонимика. Томск: Томский гос. ун-тет, 1992.
- Малявкин 1989** – Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск: Наука СО, 1989.
- МИКК 1973** – Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М.: Наука, 1973.
- МИТТ** – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. Арабские и персидские источники VII – XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
- МРС** – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х томах / Под общей ред. А.Лувсандэвдэва и Ц. Цэдэндамба / Отв. Ред. Г. Ц. Пюрбеев. Около 70 тыс. слов. М.: Academia, 2001.

Мурзаев 1984 – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984.

Мурзаев 1996 – Мурзаев Э. М. Тюркские географические названия. М.: Восточная литература, 1996.

Никитин 1986 – Никитин А. Б. Монеты «иранских гуннов» в Собрании Государственного Исторического музея. Новые нумизматические исследования // ИС. Часть 9. Нумизматические памятники Исторического музея (Тр. ГИМ, № 61). М., 1986. С. 82 – 88.

Никонов 1966 – Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966.

Пилипчук 2018 – Пилипчук Я. В. Военно-политическая история тюргешей (VII – VIII вв.) // Псковский военно-исторический вестник. Научный альманах. Вып. 4. Псков, 2018. С. 30 – 35.

Радлов 1899, 1911 – Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. В 4-х томах (8 частях). СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893 (т. 1), 1899 (т. 2), 1905 (т. 3), 1911 (т. 4).

Розен, Малолетко 1986 – Розен М. Ф., Малолетко А. М. Географические термины Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1986.

Севортян 1978 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. В 4-х томах. Т. 2. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.

Смирнова 1970 – Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970.

Татаринцев 1993 – Татаринцев Б. И. О происхождении тюркского *tarqan – taryan* // Этимология. 1988 – 1990. Сборник научных трудов. М.: Наука, 1993. С. 169 – 180.

Тер-Мкртчян 1979 – Тер-Мкртчян Л. Х. Армянские источники о Средней Азии V – VII вв. М.: Наука, 1979.

Тезджан 2017 – Тезджан М. Некоторые размышления о происхождении эфталитов // Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. Вып. 2. / Отв. ред. Ш. С. Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2017. С. 83 – 97.

Толстов 1938 – Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ, 1938, № 1 – 2. С. 72 – 81.

Фрейман 1939 – Фрейман А. А. Согдийская надпись из Старого Мерва // Записки ИВ АН СССР. Т. 7. М., 1939 г. С. 296 – 302.

Фасмер 1986 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немец. и дополнения О. Н. Трубачева, под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. Изд. 2-е стереотипное в 4-х томах. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.

Ходжаева 2003 – Ходжаева Н. Локализация авестийских гор Хаара Березаити, рек Вахви-Датия, Ранха и моря Ворукаша. Душанбе, 2003.

Ходжаева 2017 – Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе: Дониш, 2017.

Шефер 1981 – Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. М.: Наука, 1981.

Шювен 1995 – Шювен П. О Византийских посольствах к первым тюркским правителям Согда (Проблемы ономастики и топонимики) / Пер. с франц. М. И. Филанович // ОНУ, 1995, № 1-2-3. С. 33 – 38.

ЭСМЯ – Орловская М. Н., Санжеев Г. Д., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков. В 3-х томах. Т. 1 (А – Е). М.: ИВ РАН, 2015, 2916, 2018.

Altheim 1969 – Altheim F. Geschichte der Hunnen. Zweiter Band. Die Nephthaliten in Iran. Zweite, durchgesehene Aufg. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1969.

Babayar 2007 – Babayar G. Köktürk kaganligi sikkeleri katalogu / The Catalogue of the Coins of Turkic Qaghanate. Ankara: TİKA, 2007.

Bachenheimer 2018 – Bachenheimer A. Old Persian: Dictionary, Glossary and Concordance. MA, USA – Oxford, UK: John Wiley and Sons, Ltd., 2018.

Barthold, Allchin 1986 – Barthold W., Allchin F. R. Badghis or Badghhis // EI, vol. 1. Photomechanical reprint. Leiden: E. J. Brill, 1986, p. 857.

Bivar 1971 – Bivar A. D. H. Hayatila // EI, vol. 3. Leiden – London, 1971, p. 303 – 304.

Bosworth 1995 – Bosworth C. E. Nizak Tarkhan // EI, vol. 8. Leiden: E. J. Brill, 1995, p. 67.

Bosworth, Balland 1988 – Bosworth C. E., Balland D. Badgis // Encyclopedia Iranica, vol. 3, fas. 4, 1988, p. 370 – 372.

Bosworth, Doerfer 1978 – Bosworth C. E., Doerfer G. Khaladj // EI, vol. 4. Leiden: E. J. Brill, 1978, p. 917 – 918.

Chavannes 1903 – Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux // Сб. тр. Орхонской экспедиции, вып. 6. СПб., 1903.

Clauson 1972 – Clauson J. An Etymological Dictionary of pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: At the Clarendon Press, 1972.

Dehkhoda – Dehkhoda A. (1878 – 1955) Loghatname (Encyclopedic Dictionary) / Ed. Mohammad Mo‘in and Ja‘far Shahidi, in 16 volumes. Tehran: Tehran University Publications, 1993 – 1994.

EDAL 2003 – Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. (Eds.) An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden: E. J. Brill, 2003.

Esin 1977 – Emel Esin. Tarkhan Nizak or Tarkhan Tirek? An Enquiry concerning the Prince of Badghis Who in A.H. 91/A.D. 709 – 710 Opposed the ‘Omayyad Conquest of Central Asia // *Journal of the American Oriental Society*, vol. 97, No. 3 (Jul. – Sept. 1977), p. 323 – 332.

Frye 1965 – Frye R. N. Ghalzay // *EI*, vol. 2. Leiden: E. J. Brill, 1965, p. 1001.

Ghirshman 1948 – Ghirshman R. *Les Chionites-Hephtalites*. Le Caire: Imprimerie de l’Institut Français d’archéologie orientale, 1948.

Göbl 1967 – Göbl R. *Dokumente zur geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. Band 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967.

Golden 2000 – Golden P. B. Tarkhan // *EI*, vol. 10. Leiden: E. J. Brill, 2000, p. 303.

Grenet 2002 – Grenet F. Regional Interaction in Central Asia and Northwest India in the Kidarite and Hephthalite periods // *Indo-Iranian Languages and Peoples* / Ed. by N. Sims-Williams. Oxford, 2002, p. 203 – 224.

Grenet 2002a – Grenet F. Nēzak (or Nizāk) // *Encyclopaedia Iranica* <https://www.iranicaonline.org/articles/nezak> (2002).

Harmatta 1969 – Harmatta J. Late Bactrian Inscriptions // *Acta Antiquae Academiae Scientiarum Hungaricae*, XVII, 1969, p. 297 – 432.

Harmatta, Litvinsky 1996 – Harmatta J., Litvinsky B.A. Tokharistan and Gandhara Under Western Türk Rule (650 – 750) // *HCCA*, vol. 3. Paris: UNESCO Publishing, 1996, p. 367 – 401.

Inaba 2010 – Minoru Inaba. Nezak in Chinese Sources // *Coins, Art and Chronology II // The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands*, ed. by M. Alram, D. Klimburg-Salter, M. Inaba and M. Pfisterer. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010, p. 191 – 202.

Kalkan 2017 – Kalkan T. Bâdgîs’teki Türk Hâkimiyeti // *Türk Tarihine Dair Yazılar II*. Prof. Dr. Eşref Buharalı’ya Armağan. Ankara: Gece Kitablığı, 2017, s. 487 – 500.

Kamoliddin 2020 – Shamsiddin Kamoliddin. On the Religion of the Nawbahar Temple in Balkh // *O‘zbekiston: til va madaniyat / Uzbekistan: language and culture*, 2020, vol. 1, p. 62 – 74.

Khan 2007 – Khan G. Arabic documents from early Islamic Khurasan (*Studies in the Khalili Collection*, vol. V). London: The Nour Foundation in association with Azimuth Editions, 2007.

Kuwayama 2002 – Kuwayama Sh. The Hephthalites in Tokharistan and Gandhara // *Across the Hindukush of the first millennium*. A collection

of the papers (VII). Kyoto University, Institute for Research in Humanities, 2002, p. 107 – 139 (1st edition 1989).

Lane 1863 – 1893 – Lane E. W. Maddu-l-Kamus. An Arabic-English Lexicon. In 8 parts / Edited by S. Lane-Poole. London: Williams and Norgate, 1863 – 1893.

Litvinsky 1996 – Litvinsky B. A. The Hephthalite Empire // HCCA, vol. 3. Paris: UNESCO Publishing, 1996, p. 135 – 162.

Litvinsky, Zamir Safi 1996 – Litvinsky B.A., Zamir Safi M. H. The Later Hephthalites in Central Asia // HCCA, vol. 3. Paris: UNESCO Publishing, 1996, p. 176 – 182.

Markwart 1938 – Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur Mythischen und Geschichtlichen Landeskunde von Ostiran / Herausgegeben von H. H. Schaeder. Leiden: E. J. Brill, 1938.

Marquart 1901 – Marquart J. Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac’I / Mit historisch kritischem Kommentar ubn historischen und topographischen Excursen. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1901.

Minorsky 1940 – Minorsky V. The Turkish Dialect of Khalaj // BSOS, vol. 10, no. 2. London, 1940, p. 417 – 437.

Rezakhani 2017 – Khodadad Rezakhani. ReOrienting the Sasanians. East Iran in Late Antiquity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017.

Shaban 1970 – Shaban M. A. The Abbasid revolution. Cambridge: At the University Press, 1970.

Sims-Williams 2000 – Sims-Williams N. Bactrian Documents from Northern Afghanistan, I: Legal and Economic Documents, Oxford: the Nour Foundation (in association with Azimuth Editions and Oxford University Press), 2000.

Vondrovec 2010 – Vondrovec, Klaus. Coinage of the Nezak // Coins, Art and Chronology II. The First Millennium C.E. in the Indo-Iranian Borderlands, ed. by M. Alram, D. Klimburg-Salter, M. Inaba and M. Pfisterer. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010, p. 169 – 190.

Vondrovec 2014 – Vondrovec, Klaus. Coinage of the Iranian Hun-sand their Successors from Bactria to Gandhara (4th to 8th century CE). 2 volumes. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2014.

Walker 1941 – Walker J. A Catalogue of the Arab-Sassanian coins (Umayyad governors in the East, Arab – Ephtalites, Abbasid governors in Tabaristan and Bukhara) with 40 plates. London: BM, 1941.

Yu 2011 – Yu Taishan. History of the Yeda tribe [Hephthalites]: Further issues // Eurasian Studies I. Beijing: The Commercial Press, 2011, p. 66 – 119.

Интернет ресурсы

iranicaonline.org – www.iranicaonline.org

zeno.ru – www.zeno.ru – Oriental Coins Database.

ON THE BIOGRAPHY OF NIZAK TARKHAN Part 2

Shamsiddin Kamoliddin

Medieval sources provide contradictory information about the personality of Nizak Tarkhan, who played an important role in events that took place in the middle of seventh century Khorasan and Tokharistan. In the first part of the article, the author concludes that the information from Arab sources about the ruler named Nizak Tarkhan refers to not one person, but at least two people. The eldest of them was none other than the Turkic Qaghan Yukuk Irbis Dulu Khan, who led the Western Turkic Qaghanate from 638 to 653. During his temporary stay in Tokharistan (from 22/642-43 to 31/651-52) he was in his fortress, located not far from Balkh, from which he led the struggle of local rulers against the Arab conquerors. The second part of the article deals with the younger Nizak Tarkhan, whom the author concludes was the grandson of Yukuk Irbis Dulu Khan, from whom he inherited his titles of Tarkhan and Nizak. He had a residence in Badghis, but was not among the local Hephthalite rulers of this region, who bore the title of Barazan. Rather, he was the representative of the Western Turkic Qaghanate in Tokharistan. The younger Nizak Tarkhan had the *nisba* al-Barqashi, which indicates his origin from the region of Lake Balkhash / Balqash / Barqash, located north of Yetisu / Jetisu region.

Key words: Western Turkic Qaghanate, Tokharistan, Badghis, Arab conquest, Qutayba ibn Muslim, Balkh, anti-Arab uprising.

II

О СВЯЗЯХ КАРАХАНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА С КИТАЕМ

Аблат Ходжаев

В статье на основе анализа сведений китайских источников, трудов китайских ученых автор пытается воссоздать картину взаимоотношений Караханидского государства (840 – 1212) и Китая в период правления династии Сун (960 – 1279). Результаты исследования показывают, что во второй пол. X в. Караханидское государство, став ближайшей к средневековому Китаю крупной страной, вела активную равноправную торгово-дипломатическую политику. Правящая китайская династия Сун также проявила желание развивать связи с этим государством. Однако она, продолжая старую традицию, рассматривала этого государство ниже своего достоинства и воздержалась от отправки ответных послов. Более того, привезенные его послами подарки она воспринимала как дань. После этого правящий дом Караханидов осуществлял торгово-дипломатические связи с сунским Китаем не от имени верховного правителя, а от имени правителя Хотана, который входил его состав.

Ключевые слова: Караханиды, Китай, династия Сун, Самарканд, Кашгар, Хотан, Чаньань, торгово-дипломатические связи, тангуты.

Как известно, к сер. IX в. на территории субрегиона Центральной Азии образовалось новое государство, получившее в истории название Караханидское ханство. Относительно времени его образования в исторической науке существует множество предположений. В трудах китайских ученых дата образования данного государства относится к 840 г. [Вэй Лянгтао 2000: 111 – 113, 367]. Первоначальной столицей был город Баласагун, а с 893 г. стал Кашгар.

В 933 – 940 гг. Караханиды установили торгово-дипломатические отношения с киданским царством Ляо (916 – 1125)¹, расположенным на территории Маньчжурии – к северо-востоку от сунского Китая. В конце последнего десятилетия X в. после успешных военных действий против династии Саманидов Караханиды подчинили Самарканд (992 г.), Фергану и Уструшану (995 г.), Илак и Шаш (996 г.), Бухару (999 г.), и установило свой контроль на огромной территории до Аральского моря. В нач. X в. Караханиды окончательно включили Хотанское царство в сферу своего влияния, и расширили свое владение до юж-

¹ Государство, образованное в 916 г. народом *кидань* (*чидань*), обитавшим в Маньчжурии – на северо-востоке территории современной КНР. В 947 г. оно было названо «Ляо». В 983 – 1006 гг. снова было переименовано в «Кидань». В 1125 г. уничтожено вновь образованным в Маньчжурии государством Цзинь.

ного побережья озера Лобнор [Вэй Лянтао 1986: 244 – 245]. По определению крупного китайского тюрколога Вэй Лянтао, после окончательного присоединения Хотанского царства юго-восточная граница государства Караханидов доходила до Чарклика, расположенного в юго-восточной части пустыни Такламакан [Вэй Лянтао 1986: 63; Вэй Лянтао 2000: 97]. После этого оно стало ближайшей самой крупной страной для сунского Китая.

За время существования этого государства в экономической, социальной и культурной жизни субрегиона Центральной Азии произошли большие положительные изменения. Превращение региона в единый политический, экономический и культурный регион, безопасность и развитие внутренних и международных торговых путей явились ключевыми факторами этого роста.

Во внешней политике Караханидского ханства важную роль играли торговые и дипломатические отношения с Китаем. Однако изучение соответствующей литературы, изданной на узбекском и русском языках, позволило сделать вывод, что этот вопрос недостаточно освещен. Прежде всего, не были привлечены труды китайских ученых [Вэй Лянтао 1986; 2000; Ван Чжилай 2000; Хацзи Нурхацзи 2001; Ли Жиншин 2003, и др.]. В связи с этим мы сочли целесообразным попытаться заполнить этот пробел.

Начало развития торгово-экономических связей Караханидского ханства с Китаем относится к последнему периоду правления династии Тан (618 – 907 гг.). Этот период характеризуется усилением внутренних конфликтов в Китае и последующим упадком его экономики. К 907 г., в результате распада Танской империи, страна оказалась в состоянии деградации [Ходжаев 2007: 29 – 30]. Это положение, в свою очередь, препятствовало установлению дипломатических и торговых отношений между Китаем и Караханидами.

В 960 г. в Китае появилось новое государство со столицей в городе Чанъань (совр. Сиань). В истории оно получило название Сун (宋, так же известно как Бей-Сун 北宋 – Северная Сун – 960 – 1279), и просуществовало до 1279 г. Укрепив свою власть, династия Сун уделяла большое внимание развитию торговых отношений с государствами, расположенными к западу от Китая [Хўжаев 2007: 173].

В то же время Караханиды также пытались установить и развивать торговые и дипломатические отношения с династией Сун. В этот период власть находилась в руках Ахмада Туганхана (998 – 1018 гг.). С этой целью в 1009 г. (2-й год периода Дачжун сяньфу)¹ Ахмад Туган-

¹ Дачжун-сяньфу (dazhong-xiangfu 大中祥符) это 9 летний период правления (1008 – 1016) третьего императора династии Сун Чжэнцзуна (Zhenzong 眞宗).

хан отправил своего посла Лосывэнь (罗斯温 – Бойла Сагун)¹ в столицу Сун с ценными дарами и выразил через них заинтересованность в развитии торговых отношений с Китаем. Через своего посла он просил императора отправить послов в его государство [Вэй Лянтао 1986: 138, 145].

В «Истории [династии] Сун» («Суншу»), в разделе «Описание Хотана» («Юйтянь чжуань»), отмечается, что по национальности этот посланник был уйгур (хуэйгу 回鶻) [Беш давр 2012: 200; Вэй Лянтао 1986: 138].

Во время приема у сунского императора Чжэнцзуна (годы правления 998 – 1023) посол сказал следующие слова:

«Я прибыл издалека и для меня большая честь встретиться с вами, желаю Вашему превосходительству долгих лет жизни.

Император спросил:

Сколько времени у вас ушло на дорогу? Сколько *ли*² вы пройдете при возвращении?

В ответ я сказал:

Мы были в пути один год, шли днем и отдыхали ночью. Я не смогу сказать точно сколько мы прошли. Раньше на дорогах промышляли грабители. Сейчас дороги из Хотана через Гуа[чжоу] и Ша[чжоу]³ безопасны, и мы прошли без каких либо происшествий. Если вы захотите послать посла, мы были бы рады.

Император сказал: дорога слишком длинная для отправки посла. К тому же моим послам будет трудно в вашем государстве. Я прикажу написать письмо, которое ты заберешь с собой. Посылка этого [письма] будет равнозначна отправке мною посла» [Вэй Лянтао 1986: 138; Вэй Лянтао 2000: 225 – 226].

¹ В уйгурском переводе «Суншу» («История [династии] Сун») его имя написано Бойла Сагун (بويلاساغون) [Беш давр 2012: 200]. По нашему мнению, его имя было Ризиван, так как люди с таким именем встречаются среди уйгуров.

² Слово *ли* (里) считается в Китае традиционной единицей измерения расстояния. До III в. до н.э. 1 *ли* равнялся 300 – 360 шагам, в средние века равнялся 576 м. В настоящее время соответствует 500 м.

³ Имеются ввиду местности в области Дуньхуан. Топонимы Гуа – Гуачжоу (瓜洲 – долина дынь и арбузов) и Ша – Шачжоу (沙洲 – область или оазис в песках) есть сокращения. Гуачжоу относится к современному уезду Аньси (Аньси сянь). Согласно Китайской традиционной системе управления, (сянь 县) является административной единицей между провинцией и районом. В некоторых описаниях путешественников топонимы Гуачжоу и Шачжоу используются как синонимы названия местности Дуньхуан (Дашт-ота на тюркском языке) [Хўжаев 2007: 71; Ходжаев 2018: 220 – 221].

Свой отказ от отправки ответного посольства в Кашгар сунский император мотивировал тем, что, во-первых, дорога слишком дальняя и утомительная, во-вторых, *кидани* (каракитай)¹, находящиеся на севере, и тангуты² на востоке от Китая, будут недовольны отправкой сунского посольства в государство Караханидов. Но на самом деле причина подобного поступка сунского императора заключалась в следующем: 1) в тот период сунский двор испытывал оправленную финансовую трудность; 2) сунский император считал правителя Караханидов Кулбилге Кадырхана ниже себя по статусу, и не желал признать его равноправным партнером [Вэй Лянтао 1986: 145].

Более того, отправляя своё письмо через прибывшего из Кашгара посла, сунский император обратился в нем к правителю Караханидов словом «хэйхань ван» (黑韩王). В те времена титул «ван» (王) присваивался правителям, принадлежавших китайскому императору областей, или служившим ему при дворе чиновникам.

Более того в отправленном письме в качестве транскрипции титулов *карахан* (велкие ханы), *караханиды* (великие хаканы) был использован иероглиф *хэй* (hei 黑) со значением «черный цвет», «темная ночь» и «темнота» [Ханьюй VII: 4743]. Безусловно, правитель Караханидов Ахмад Туган-хан воспринял это как знак принижения. Но он поступил очень дипломатично.

Ахмад Туган-хан отправил следующую группу послов не от своего имени, а от имени правителя Хотана, одного из принадлежащих ему удельных владений. Эта традиция сохранялась в течение следующих полвека. За этот период послы из Хотана направлялись в Китай 36 раз [Вэй Лянтао 2086: 140 – 145].

В вышеупомянутой работе «Калахан ванчао шигао» Вэй Лянтао, основываясь на сведениях «Истории [династии] Сун» (Суншу) и других китайских источников, сообщает, что первая группа послов из Хотана в столицу Чанъань (совр. Сиань), прибыла в 1025 г. Эту группу

¹ В китайских источниках используется форма *чидань* (qidan 契丹), а в русской литературе – *кидань*.

² Государство Тангутов, в китайских источниках Ся, Сися (夏, 西夏) существовало в 1032 – 1234 гг. на территории Кукунора (современная провинция Цинхай 青海, КНР). Это государство было основано племенем *данся* – потомками древних *кян* (цян 羌), обитавших на территории от Памира до Ордоса, и о которых имеются упоминания в древних китайских источниках [о них подробно см.: Ходжаев 2017: 71 – 115]. Столицей государства был город Харо-хото, находящийся к северу от современного областного центра Синин (Xining 西宁) провинции Цинхай (Кукунор). В 1068 – 1085 гг. империя Сун находилась в состоянии войны с государством Сися. Поэтому для Сун было крайне важно иметь союзнические отношения с государствами, выступавшими против этого царства.

возглавили Ломяньюйду (Luomianyuידו 罗面于多) и его помощник Цзиньсань (Jinsan 金三) [Вэй Лянтао 1986: 138, 145; Вэй Лянгтао 2000: 215]. С тех пор послы из Хотана в Китай приезжали часто, а число сопровождающих их купцов увеличивалось. Со временем был издан императорский указ о том, что число сопровождающих хотанских послов в Китай не должно превышать 50 человек [Вэй Лянтао 1986: 147]. Хотанские послы привозили с собой белые и разноцветные нефритовые камни, седла для лошадей, украшенные ремни, местные цветные ткани, нашатырь, одногорбые верблюды и лекарства естественного происхождения. В ответ хотанцы получали серебряные слитки (китайские деньги), шелковые ткани, одежду, украшенные золотом ремни [Вэй Лянтао 1986: 138; Вэй Лянгтао 2000: 215].

В 1041 г. государство Караханидов разделилось на западную и восточную части. Кашгар остался в качестве столичного города восточного караханидского каганата. Столицей западного караханидского каганата стал город Самарканд.

В результате политической борьбы в 1057 – 1058 гг. на престол Кашгара сел младший брат Мухаммада Бугра-хана Мухаммад-хан (Тугрул Карахан, Махмуд ибн Йусуф – 1058/59 – 1074/75). В 1063 г. этот правитель снова направил в Китай посла Лосывэня (罗斯温) от имени правителя Хотана. Через посла он отправил также письмо императору, в котором выразил желание продолжить торгово-дипломатические отношения. Пригнанные хотанцами верблюды не были приняты сунским двором. Более того, был издан императорский указ о запрещении привозить в дар верблюды [Вэй Лянтао 1986: 138, 145; Вэй Лянгтао 2000: 215].

При дворе династии Сун, прибывший в этот раз посол Кашгара был принят как посол равноправного Китаю государства [Вэй Лянтао 1986: 138–145, 247; Вэй Лянгтао 2000: 226 – 227]. Однако, династия Сун не стала посылать ответное посольство в Кашгар. После этого Восточный Караханидский каганат продолжил отправлять послов в Китай от имени правителя Хотана как и раньше.

В 1068 г. в Китае произошла смена власти. На трон был возведен Чжао Сюй (Zhao Xu 赵瑛 – 1048 – 1085), которому после смерти было присвоено храмовое имя Шэньцзун (神宗). Он, проявляя себя сторонником реформаторов, уделял внимание развитию экономики и торговых связей с ближайшими зарубежными странами.

Согласно сведениям, приводимым в указанных двух работах Вэй Лянтао, следующие посольства из Хотана прибывали ко двору династии Сун в 1071, 1072, 1074, 1077, 1079, 1080 гг. [Вэй Лянтао 1986: 137 – 148]. Вэй Лянтао, ссылаясь на «Сун хуэйяо цзигао: фаньйи 4» (宋会要

辑稿。蕃夷四 – «Собрание описаний важнейших событий: вассальные варвары. Часть 4»), приводит следующие сведения:

- в 1071 г. хотанские послы прибыли в сунский Китай 14-го дня 2-го месяца и привезли изумруд, нефритовые камни, клыки слонов, нашатырь, цветные материи, лекарство и др.;

- осенью 1072 г. Караханиды от имени правителя Яркенда отправили в Китай очередное посольство во главе с Луоасинансавэном (Luo-a-si-nan-sa-wen 罗阿斯难撒温). Послы прибыли в Чанъань накануне нового года с дарами, состоящими из драгоценных камней, золотых украшений, тканей местного производства, инкрустированных нефритом седел для лошадей, лекарственных растений и др.;

- послам из Хотана, прибывшим в Китай в 1078 г., взамен преподнесенных даров позволили купить чай без выплаты налогов;

- хотанское посольство 1080 г. возглавил высокопоставленный чиновник по имени Алин Дяньсанвэнь (Aling Diansangwen 阿令颠颯温)¹;

- сунским двором было установлено пускать в столичный город не более 50 человек, принимать привезенные в Китай нашатырь и другие виды лекарственных предметов и растений после соответствующей проверки [Вэй Лянтао 1986: 139 – 140, 147].

Следуя давней традиции, при дворе династии Сун привезенные послами дары воспринимались как «подношение дани» («лайгун» / lay-gong 来贡) [Вэй Лянтао 1986: 147]. И этот факт подтверждает, что у нового императора династии Сун так же, как у его предшественника не было желания иметь равноправные отношения с Караханидами. Убедившись в этом, последние решили продолжать торговые отношения с Китаем от имени правителя подвластного им владения – Хотана.

Как отмечается в китайских источниках, прибывавших в Китай из Хотана до 1071 г., записывали, что послы прибыли от имени «хотанского правителя» («Юйтянь-ван»). В записях о посольствах прибывавших после этого года, титул правителя Хотана, отправившего посла, указывался как «Хейхан-ван» («правитель Карахан») или «Юйтянь Хейхан ван» («правитель Хотанского Карахана»).

В императорском указе, направленном в управление по торговле чаем 4 июня 1078 г., говорилось, что послы из Хотана могут покупать чай беспошлинно, а недополученный в течение года доход будет покрыт из государственной казны [Вэй Лянтао 1986: 147]. Согласно сведениям, приведенным в коллективном труде «Сычоу чжилу маойи ши» («История торговли на Шелковом пути»), во времена династии

¹ В уйгурском переводе вышеуказанного труда Вэй Лянтао, имя этого посла транскрибировано как Алинг дияньивен (ئالینگ دىيەنيۋەن) [Вэй Лянтао 2000: 217].

Сун (960 – 1279) чай стал основным экспортным товаром Китая [Сычоу чжилу 1997: 487]. Это указывает на то, что среди товаров, которые караханидские купцы везли из Китая, чай играл важную роль.

Здесь необходимо уточнить два момента: в 1079 г. во дворец династии Сун поступила докладная записка от начальника управления по контролю над торговыми путями на западе. В этом документе отмечалось, что некоторые караваны идут в Китай без соответствующего письма от караханидского правителя. Вместе с этим автор записки обратился к сунскому двору с просьбой дать указание по этому вопросу. В указе, изданном сунским императором в этой связи, говорилось: «если прибывшие сообщат, что везут дань», то нужно позволять им выполнять свое намерение [Вэй Лянтао 1986: 139]. Из этого следует, что из Хотана в Китай также прибывали торговые караваны не сопровождающие посольства.

В 1081 г. из Хотана в Чанъань прибыло новое посольство, возглавляемое Асеном (Асинь 阿辛). Это посольство было привлекательно тем, что Асену позволили встретиться с императором Шэньцзунем (Shen zong 神宗 – 1068 – 1085) и лично вручить ему письмо своего верховного правителя в Кашгаре – Абу-л-Хасана Табгач Бугра-хана (Харун Бугра-хан-II, Хасан ибн Сулайман – 1074 – 1103).

В своем письме он обратился к императору, как «хозяин обширных земель на востоке, где восходит солнце» (东方日出大世界田地主) [Вэй Лянтао 1986: 139, 146]. Таким образом, правитель караханидского государства дал понять китайскому императору, что он владеет только землями на востоке, а земли, расположенные на западе от его владений, ему не подчиняются. Очевидно, Абу-л-Хасан Табгач Бугра-хан хорошо знал суть философии китайских правящих кругов о том, что императоры считают себя «сыновьями Неба» («Тянь-цзы») и верховными правителями Поднебесной («Тянься чжичжу» 天下之主), являются хозяевами поднебесной земли (Тянься чжияжу) [Ходжаев 2020: 62]. Возможно непризнание караханидским правителем сунского императора, как «властелина Поднебесной», оказало влияние на воздержание Сунским двором от отправки посла в государство Караханидов.

По данным источников, очередное посольство из Хотана в сунский Китай прибыло в нач. 1083 г. В конце этого года последовала другая группа послов. Затем послы от имени правителя Хотана в сунский Китай прибыли в 1085, 1097, 1088, 1089, 1091, 1096, 1097 гг. После этого приезды послов из Хотана в эту страну стали редкими. Отмечаются приезды послов из Хотана в 1103 и 1107 гг.

Со ссылкой на китайские первоисточники Вэй Лянтао отмечает,

что в 1085 г. хотанские послы пригнали в Китай лошадей. В ответ им заплатили 200 тыс. монет, а затем добавили еще 100 тыс. монет (qian / 錢 / 钱) [Вэй Лянтао 1986: 141]. Это указывает на то, что в тот период в сунском Китае был повышенный спрос на лошадей.¹ Возможно, в условиях усиления давления со стороны царств Сися и Тангутов², данное обстоятельство в определенной степени повлияло на смягчение позиции сунского двора в отношении Хотана.

В 1087 г. династия Сун оказало невиданное уважение послам из Хотана. Кроме традиционно вручаемых даров, правителю Караханидов, были вручены 300 тыс. монет, золотые пояса, халаты инкрустированные драгоценными камнями, одежда и медные монеты. Сунский император издал указ об оказании помощи Караханидам в случае такой необходимости. Некоторые чиновники были наказаны за недостаточно дружелюбное отношение к послам [Вэй Лянтао 1986: 227].

В 4-й день 6-го месяца 1089 г. в докладе, подготовленном для императора церемониальной палатой (Либу 禮部 / 礼部) при дворце династии Сун, указано, что Хотанский Карахан представил список правителей своих вассальных владений, и просит разрешить им приехать в Китай и встретиться с императором. Эта просьба была удовлетворена [Вэй Лянтао 2000: 223 – 224]. После этого приезды послов из Хотана в Китай вновь участились. В китайских источниках зафиксированы прибытия послов в 1090, 1091, 1094, 1096, 1097, 1098, 1103, 1107, 1108, 1117, 1118, 1124 гг. Иногда призывали по 2 – 3 раза в год. Например, в 1087 – 1088 гг. из Хотана в Китай дважды прибыли послы, а в 1091 г. – трижды [Вэй Лянтао 1986: 138 – 145; Вэй Лянтао 2000: 225].

В китайских источниках приводятся также сведения о том, что в 8-й день 2-го месяца 1097 г. (4-го года периода Шаошэн)³ Хотанский правитель прислал своих представителей с различными дарами. Сопровождающий прибывших для вручения даров, переводя слова сына правителя Караханидского государства, сказал:

¹ Если послы и караванщики, прибывавшие в Китай, дарили местным властям и чиновникам лошадей, то такие дары ценились высоко. Конечно, цены на лошадей не всегда были одинаковыми, но в среднем в VII – VIII вв. за каждую лошадь, завезенную в Китай, можно было получить 40 – 50 кусков (по 13,3 м) шелковой ткани. В 827 – 835 гг. за лошадей, продаваемых в Китае уйгурами, правительство выплатило 230 000 кусков шелка [Ходжаев 2018: 179 – 182].

² Во второй пол. XI в. начатое с 1040 г. противостояние между государством тангутов и Китая дошло до кульминации. Это отрицательно повлияло на внутреннюю стабильность Поднебесной [История Китая 1974: 108 – 112].

³ Шаошэн 紹聖 – название пятилетнего периода правления (1094 – 1098) седьмого императора династии Сун Чжэцзуна (Zhezong 哲宗 – 1086 – 1101).

«Наши конные войска совершили набеги на Ганчжоу, Шачжоу и Сучжоу, которые были захвачены тангутами».

На это император ответил: «Повелеваю сообщить Карахану (Хэйхан 黑汗): его преданность двору будет достойно оценена. Если они смогут освободить эти 3 города, то будут достойно вознаграждены» [Вэй Лянгао 1986: 142; Вэй Лянгао 2000; 222].

Данная весьма краткая информация указывает на то, что династия Сун не только сотрудничала с караханидским правительством в политических вопросах, но и была заинтересована в том, чтобы их руками бороться со своими соперниками. Следующие сведения иллюстрируют, как эти планы династии Сун претворялись в жизнь.

Помимо официальных источников по истории Китая, энциклопедий и энциклопедических словарей, до нас дошли родословные, составленные в различные времена [подробно см.: Ходжаев 2018: 370 – 371]. Основная часть приведенных в них сведений была опубликована в 1985 г. издательством «Министерства народного транспорта» («Ренмин цзяотун чубаншэ») в виде книги «Материалы по истории рода Чжэн Хэ» («Чжэн Хэ¹ цзяши цзиляо» 郑和家世资料).

Согласно информации из этой родословной, по приглашению династии Сун в Китай из Бухары прибыл аристократ по имени Наджмиддин Суфи (Нажимэндиэр-суфэйэр – 997 – 1093) во главе большого войска. Об этом в «Родословной дома Ма» («Ма ши цзяпу» 马氏家谱)² написано следующее:

«Войска хана Бухары, владельца великого западного региона могущественны, и нет равных хану в вере и доброте... ханства Ляо и Ся привели свои войска и стали угрожать династии Сун. С миссией привлечь помощь [правителя Бухары] династия Сун отправила к нему посланника. После этого господин [Наджмиддин Суфи] со своим братом Айсо (Айэрша) и тремя сыновьями во главе 7 тыс. воинов и 200 военачальников с более чем 7 тыс. лошадей и верблюдов прибыли в столицу Великой Сун в 3-й год правления императора (1070). Шэньцзун (神宗) был счастлив и просил его остаться в Китае со своими людьми.

Когда в округе все успокоилось, Али, Миршах (Миэршиша) и

¹ Историческая личность Чжэн Хэ (мусульманское имя Махмуд – 1369 – 1433) происходил из рода Умара Камолиддина (1211 – 1279), прибывшего в Китай из Бухары и занимавшего при монгольской династии в Китае высокий пост. 7 марта отплыл в морское путешествие с дипломатической и торговой миссией, посетил побережья полуострова Индостан, Персидского залива и Африки и благополучно вернулся назад [Ходжаев 2018: 250 – 254].

² Когда речь идет о родословной иероглиф *чжи* (zhi 氏) читается как *ши* (shi).

другие, всего около 200 офицеров и сопровождающие их 700 всадников, прибыли в столицу с дарами. Они попросили разрешения для [Наджмиддина Суфи] вернуться. Однако [правитель Сун] присвоил господину титул «нин йи чинго гун» («высочайший князь победитель достойный чествований») даровал 200 *лян*¹ золота, 5000 *лян* серебра, 1000 кусков шелковой ткани и издал указ о ежегодном выделении 500 *дан*² пшеницы, направлении 5300 человек из личной стражи в провинции Шаньдун и Шаньси с разрешением им заниматься сельским хозяйством без взимания налогов на плодородных землях междуречья Сихэ³ и Хэйхэ⁴, с условием, что в случае необходимости они должны быть готовы к участию в военных операциях. [Его младшему брату] Айсо (Айэрша) было поручено вернуться с остальными людьми на родину, взять управление Бухорой в свои руки и работать над ее дальнейшим развитием. На 8-й год [воцарения] Чжэцзуна (哲宗) (1093) его святейшество ушел из жизни на 97 году» [Хўжаев 2007: 242 – 243].

О государстве Ся, упомянутом в приведенном выше письме, комментарий дан в ссылке № 171. Однако, мы не можем не дать разъяснение по государству Ляо, поскольку потомки основателей этого государства – каракитаи прекратили правление и существование Караханидской династии. Топоним Ляо (иероглиф *liao* 遼 / 辽 – имеет значения «долгий», «далекий», «широкий») считается названием государства киданей (907 – 1125, на китайском *чидань* 契丹) основанного в 907 г. в Манчжурии Елюем Абоцзи. Территория государства была расширена за счет включения земель современных Восточной и Внутренней Монголии. В 916 г. Елюй Абоцзи провозгласил себя императором, поэтому часто годом образования ханства киданей указывается именно этот год. Согласно некоторым сведениям, кидани происходили от гуннов, однако по другим сообщениям, их происхождение восходит к сяньбийцам. Однако происхождение гуннов и сяньбийцев связано с древними тюрками (*тиук*, совр. чт. *ди*), поэтому не будет ошибкой считать происхождение киданей связанным с древними тюрками.

Если брать во внимание сведения указанные в «Родословной дома Ма», то напрашивается вывод, что между империей Сун и

¹ Согласно современной мере веса, 1 *лян* равен 16 г.

² В древнем Китае пшеница считалась не по весу, а по объему. В те времена 1 *дан* был равен 103,547 л, и приблизительно равнялся одному 100 кг мешку пшеницы.

³ Название реки в провинции Шаньдун.

⁴ Приток реки Янцзи, протекающий по северо-востоку провинции Хэнань и Аньхуэй.

Западным Караханидским государством были как политические, так и военные взаимоотношения. Однако китайские историки относятся к этому сообщению с подозрением, ссылаясь на то, что об этом нет упоминаний в официальной истории. По нашему мнению, историки династии Сун намеренно не внесли факт просьбы о помощи от Бухарского государства в официальную историю империи дабы не принизить высокий статус государства Сун, т.е. им, скорее всего, было неловко писать правду. Поэтому нет оснований сомневаться в сведениях, найденных в родословных, только потому, что о них нет упоминаний в официальной истории.

Из анализа приведенных данных можно сделать вывод, что торговые и дипломатические отношения между Караханидским каганатом и Китаем имели место с 960 г., после прихода к власти в Китае династии Сун. На начальных этапах этих отношений контакты шли в основном через Хотан, так как Сунская империя не считала Караханидское государство равным себе по статусу, а Караханиды не желали мириться с таким неравенством и ограничивались отправкой послов через подчиненное им Хотанское ханство. Позднее ситуация изменилась в пользу Караханидов, и империя Сун была вынуждена признать их равноправными партнерами.

Династия Караханидов впервые отправила посла в Китай в 1009 г. в период правления династии Сун и ожидала, что от имени правителя этой страны придет ответное посольство. Однако, сунский император ограничился отправкой своего письма через прибывшего посла, и к тому же использовал в отношении правителя Караханидов обращение *хэйхань ван* (黑韩王). Известно, что в те времена титул «Ван» присваивался правителям каких-либо областей, подчинявшихся императору или чиновникам, служившим при его дворце. Помимо этого при транскрипции титулов Великие Ханы, Великие Каганы был использован иероглиф *хэй* со значением «черный цвет». Естественно, что каган Караханидов воспринял это как знак унижения. В свою очередь, то, что правитель Кашгара, в отношении императора Сун, использовал эпитет «хозяин великих земель Востока, [то есть] тех земель, где встает солнце», есть доказательство этому.

В результате, караханидский двор направил следующих послов к императору династии Сун не от имени государства, а от имени правителя подчиненной ему Хотанской области. Тем самым, караханидский хан показал, что ставит свое положение выше императора Сун.

Всего от имени правителя Хотана в Китай было отправлено 36 послов. Через них были установлены торговые отношения и обмен

товарами. Первый посол из Хотана в Китай прибыл в 971 г., а последний – в 1117 г.

Караханидские торговцы вывозили из Китая в основном шелковые ткани, одежду, чай, художественные изделия и монеты из различных металлов. В результате, объем монет, находящихся в обращении в Китае, уменьшался, поэтому со временем династия Сун запретила иностранным торговцам вывозить китайские монеты [Вэй Лян-тао 1986: 192].

Среди товаров, которые везли в Китай послы и торговцы из государства Караханидов, основное место занимали простые и цветные ткани, сотканые из хлопка, шелка и шерсти, а также ковры [Вэй Лян-тао 1986: 183 – 184].

В упомянутой выше работе Вэй Лян-тао «Калахан ванчао шигао» («Краткая история Караханидов») отмечен еще один интересный аспект отношений Китая с государством Караханидов. Китайские императоры часто практиковали вмешательство во внутренние дела государств, выдавая одну из принцесс, рожденных от своих наложниц, в жены правителям западных стран для смягчения их отношения к Китаю в свою пользу. Примечательно, что подобных отношений во время правления Караханидов не было. Так, не обнаружено ни одного подтверждения тому, что какой-либо предводитель племен *карлук* (*гэлолу* 葛邏祿), *ягма* (*янмо* 样磨) или *чигил* (*чуюэ* 处月), участвовавших в становлении государства Караханидов, был бы зятем Китайского императора [Вэй Лян-тао 1986: 183 – 184].

Использованная литература

Беш давр 2012 – Беш давр ва Сун, Ляо, Джин, Юань сулолалари тарихи (بەش دەۋر ۋە سۇڭ، لياۋ، جىن، يۈەن سۇلالىلىرى تارىخى) – История династией Удай, Сун, Ляо, Цзинь, Юань). Урумчи: Синьцзян халк нашриёти, 2012.

Ван Чжилай 2000 – Ван Чжилай. Ўттура Осиё тарихи (ئوتتۇرا ئاسىيا) تارىخى – История Средней Азии). В 2-х томах. Уйгурский перевод с китайского языка. Урумчи: Синьцзян халк нашриёти, 2000.

Вэй Лян-тао 1986 – Вэй Лян-тао. Калахан ванчао шигао (魏良弼. 喀喇汗王朝史稿 – Краткая история династии Караханидов). Урумчи: Синьцзян халк нашриёти, 1986.

Вэй Лян-тао 2000 – Вэй Лян-тао. Қараханийлар тарихидин баён (قاراخانىيلار تارىخىدىن بايان) – Из истории Караханидов). Уйгурский перевод с китайского языка. Кашгар: Кашгар халк нашриёти, 2000.

История Китая 1974 – История Китая с древнейших времен до наших дней. Москва: Наука, 1974.

Ли Жиншин 2003 – Ли Жиншин. Шинжонгда ўтган ислом хонликлирининг қисқича тарихи (سنجاڭدا ئوتكەن ئىسلام خانلىقلىرىنىڭ قىسقىچە تارىخى) – Краткая история исламских ханств, существовавших в Синь-цзяне). Уйгурский перевод с китайского языка. Урумчи: Синьцзян халк наشريёти, 2003.

Сычоу чжилу 1997 – Сычоу чжилу маойи ши (絲綢之路貿易史 – История торговли на шелковом пути). Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 1997.

Ханьюй 1990 – Ханьюй дацзыдянь (漢語大字典 – Большой иероглифический словарь китайского языка). В 8 томах. Чэнду: Сычуань цышу чубаньшэ, 1986 – 1991.

Хацзи Нурхацзи 2001 – Хацзи Нурхацзи. Қадимки уйғурлар ва қарахонийлар (قەدىمقى ئۇيغۇرلار ۋە قاراخانىيلار) – Древние уйгуры и каракханиды). Урумчи: Синьцзян халк наشريёти, 2001.

Ходжаев 2018 – Ходжаев А. Великий Шелковый Путь: связи и судьбы. Ташкент: Навруз, 2018.

Ходжаев 2007 – Ходжаев А. Китайский фактор в Центральной Азии. Ташкент: Фан, 2007.

Ходжаев 2020 – Ходжаев А. Китайский фактор в Центральной Азии. Ташкент: Навруз, 2020.

Хўжаев 2016 – Хўжаев А., Айтбаев А. Қўлдошев Ш. Джуманиёзова Ф. Марказий Осиё тарихи Хитой манбаларида (История Центральной Азии в китайских источниках). Тошкент: Munis design group, 2016.

Ходжаев 2017 – Ходжаев А. Сведения древнекитайских источников по этнической истории Центральной Азии. Ташкент: Навруз, 2017.

Ходжаев 2018 – Ходжаев А. Великий шелковый путь: связи и судьбы (на основе китайских источников и литературы). Второе дополненное издание. Ташкент: Навруз, 2018.

Хўжаев 2007 – Хўжаев А. Буюк ипак йўли: муносабатлар ва тақдирлар. Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2007.

ON THE RELATIONS OF THE QARAKHANID STATE WITH CHINA

Ablat Khodjaev

In this article, based on information from Chinese sources and the works of Chinese scholars, the author attempts to recreate a picture of the relationship between the Qarakhanid state (840 – 1212) and China during the Song dynasty (960 – 1279). The study shows that, in the second half of the tenth century, the Qarakhanid state, as the largest country close to medieval China, pursued an active policy of equal trade and diplomatic status with China. The ruling Song dynasty of China also showed a desire to develop ties with the Qarakhanids. However, following the traditional Chinese approach, the Song dynasty considered the Qarakhanid state below its dignity and refrained from sending reciprocal ambassadors. Moreover, it perceived the gifts brought by Qarakhanid ambassadors as tribute. After that, the ruling house of the Qarakhanids carried out trade and diplomatic relations with Song China not on behalf of the supreme ruler but on behalf of the ruler of Khotan.

Keywords: Qarakhanids, China, Song dynasty, Samarqand, Kashghar, Khotan, Chang'an, trade and diplomatic relations, Tanguts.

Часть 2. Нумизматика.

III

МОНЕТЫ ЧАЧА С СОГДИЙСКОЙ ЛЕГЕНДОЙ, СОДЕРЖАЩЕЙ ТИТУЛ «ТЮРК-КАГАН»

Гайбулла Бабаяров

В данной статье выявлено, что Западно-Тюркский каганат (568 – 740) имел свою собственную денежную систему, где правители чеканили свои монеты (с титулами *ḡrww* «джабгу», *srww x'γ'n* «джабгу-каган» и *x'γ'n* «каган», этнополитическим именем *twrk x'γ'n* «тюрк-каган» и с именами правителей *trδw x'γ'n* «Тарду каган», *twn srww x'γ'n* «Тун джабгу-каган») в Чачской (Ташкентской) области, которые приобрели статус государственных символов принадлежности каганату. Сходство тамг, возможно, также показывает, что в доисламской Центральной Азии правящие династии могли происходить из одного племени или же родственных групп. В конце VI – первой четверти VII вв. в Чаче выпускались монеты с тамгами в форме и легендами, отображающими типичные для Тюркского каганата титулы *ḡrww* «ябгу» или *twrk x'γ'n* «тюрк-каган / тюркский каган». В VII в. в Фергане выпускались монеты с тамгой в форме , а также с древнетюркской рунической надписью *kγm qǵn*, что означает «мой хан / правитель каган». Интересно, что на монетах из обоих этих регионов есть типичные для древних тюрков портреты правителя (безбородое круглое лицо, узкие глаза, волосы, падающие на плечи).

Ключевые слова: Тюркский каганат, древнетюркские монеты, тамги, согдийские легенды, титулы, «тюрк-каган», Чач, Ташкент.

Последние научные достижения в изучении доисламских согдоязычных монет Средней Азии позволяют решить некоторые проблемы, связанные с историей этого региона. В то же время новейшие исследования монет с согдийскими надписями показывают односторонность многих взглядов на прошлое тюркских народов, господствующих и сегодня. В частности, древнетюркские слова и термины, зафиксированные в надписях на многих монетах, найденных на десятках городищ Ташкентского (Чачского) оазиса, показывают, что некоторые из высказанных до сих пор взглядов, по меньшей мере, устарели. Среди них выделяются монеты с изображением правителя с длинными волосами на аверсе и древнетюркской тамгой на реверсе и круговой согдийской легендой с титулом *twrk x'γ'n* «Тюрк-каган» или «тюркский каган». Появление в последнее время большого количества монет с изображением всадника на одной стороне показывает, что монеты с титулами *twrk x'γ'n* следует изучать более детально.

В наших статьях, опубликованных в Узбекистане, Турции, России и Казахстане в 2007 – 2022 гг., мы уже высказали свое мнение о монетах с титулом *twrk x'γ'n*. В частности, мы писали об исторической основе титула «Тюрк-каган» на этих монетах. Находки хорошо сохранившихся монет с изображением всадника из городища Канка в Ташкентском оазисе побудило нас еще раз затронуть тему монет с титулом «Тюрк-каган».

Монеты этого типа, которые известны нумизматам почти четыре десятилетия, вызывали разные мнения. В 1982 г. Э. В. Ртвеладзе первым высказал свое мнение по поводу интерпретации этих монет. По его словам, относящаяся к VII – VIII столетиям надпись на монетах с изображением всадника была прочитана нумизматом В. А. Лившицом как *δ'yk/βwrtw [M]R'γ* «Правитель Дайвурту» [Ртвеладзе 1982: 35; Rtveldadze 1997/98: 325]. Э. В. Ртвеладзе в серии статей, опубликованных позже, предположил наличие нескольких типов чачских монет с изображениями всадника. По его словам, некоторые из этих монет Чача содержат слова *č(?)ny [x]wβ xnzkdnn* «*č(?)ny* правитель *xnzkdnn*» [Ртвеладзе 2006: 63], а некоторые имеют термин *twrn* «Turan» (или *twkn*) [Шагалов, Кузнецов 2006: 99]. Причину его иного подхода можно объяснить сравнительно небольшим количеством найденных в то время монет с хорошо сохранившимися легендами.

В результате наших изысканий, основанных на исследованиях Э. В. Ртвеладзе, было установлено, что в надписях на этих монетах встречается термин «каган». Таким образом, стало ясно, что эти монеты относятся к группе монет Западно-Тюркского каганата (568 – 740 гг.) [Babayar 2007: 64 – 65; Бабаяров 2007: 13 – 14]. В последующие годы обнаружение еще нескольких экземпляров таких монет показало, что на монетах этого типа встречаются слова ... *twrk x'γ'n* «...тюркский каган». На некоторых из этих монет перед словом *twrk* «тюрк» стоят 5 букв, первая из которых согдийская *n* (nun) или *z* (zet), вторая - *y* (yot), третья – *k* (kaf) или *b* (bet), четвертая – *w* (vav) или *r* (pe, fe) и последняя, пятая – *r* (resh). Это слово, которое читается как *nyβwk*, *zyβwk* или *nyβwr*, не поддается объяснению ни на основе тюркского, ни на основе согдийского языков. Потому что под такими или подобными именами не упоминается ни один управляющий каганатом ни в древнетюркских, ни в согдийских, китайских и других письменных источниках этого периода. Такие слова трудно объяснить также на основе тюркского языка.

На монетах этого типа отчетливо написано слово «тюрк-каган», и орфография согдийских легенд на монетах с изображением правителя также подтверждает наше мнение. Однако особенность написания

букв на монетах, на первый взгляд, исключает такое чтение. Вместе тем, мы должны также упомянуть, что в наших первых чтениях мы столкнулись с некоторыми трудностями в идентификации слова «тюрк» на этом типе монет.

1. Типы монет с титулом «Тюрк-каган»

Тип I. Монеты с изображением длинноволосого правителя.

Av. На лицевой стороне монеты изображен правитель с длинными волосами, тонкими усами, широким круглым лицом без бороды, миндалевидными глазами. *Rv.* В центре тамга ☉ , вокруг нее согдийская легенда, начинающуюся в 9-00 против часовой стрелки: *pny 'krt twrk x'γ'n* «Деньга, сделанная (отчеканенная) тюркским каганом».

Диаметр: 4 мм. Вес: 4 г. Место находки: Канка (Ак-курган). Период: последнее десятилетие VI – нач. VII вв. Материал: бронза. Место хранения: частная коллекция (см. Рис. II – III).

- ранние чтения: по Э. В. Ртвелдазе *s'cnk xwβ twrk* «Тюркский правитель Турк?» [Baratova 1999: 247], *twrk[š] č'čnyrk MRYW* «Ту/юрк[еш] Чачан(й)ск(ий) правитель» [Ртвеладзе 2002: 259; 2006: 66 – 67, 104]; по Г. Бабаярову *'šβr' (?) twrk [γ]'γ'n pny* «Деньга Ишбара (?) тюрк кагана»; по М. Исхакову *'sk prn twrk [γ](')γ'n pny* «Деньга высокого благодатного тюркского кагана» [Бабаяров 2007: 16; Babayar 2007: 71]

Тип II. Монеты с изображением всадника

Av. Изображение длинноволосого всадника на лицевой стороне монеты. Всадник находится в положении, в котором он делает какой-то символический жест указательным пальцем. Rv. На обратной стороне монеты были изображены круглые украшения.

На обратной стороне этих монет изображена тамга в виде вышеупомянутого типа I, а под ней – согдийская легенда, состоящая из двух (в некоторых случаях из трех) строк. В большинстве – в первой строке некоторые буквенные знаки сохранились плохо, в некоторых экземплярах первое и второе слово читаются условно (чтение термина *twrk* «тюркский» принимается под вопросом, а термин *x'γ'n* «каган» читается надежно – Г.Б.), только в некоторых экземплярах слова *prn twrk x'γ'n* «(Владелец божественного) благодать тюркский каган» были полностью идентифицированы.

Диаметр: 18 – 22 мм. Вес: 2,0 – 2,1 г. Место находки: Канка (Ак-курган). Период: последнее десятилетие VI – нач. VII вв. Материал: бронза. Место хранения: частная коллекция.

Первые чтения: *δ'yk/βwrtw [M]R'y* «правитель Дайвурту» (В. А. Лившиц); *č(?)ny [x]wβ xnzkdnn* «*č(?)ny* правитель *xnzkdnn*» (Э. В. Ртвеладзе) [Ртвеладзе 2002: 259; 2006: 66 – 67, 104].

* * *

Как упоминалось выше, согдийское предложение на монете I типа состоит из 4-х слов. Первое слово – *pny* «деньга» чаще всего встречается на монетах доисламской Средней Азии с согдийскими легендами. Древнекитайское *fen* в значении «металлическая монета» и древнеиндийское слово *pana* имеют близкое сходство как по значению, так и по словообразованию, слово *pny* использовалось в согдийском языке для обозначения монет, изготовленных из латуни, а слово *δrxt* (дирхам) – из серебра.

Второе слово легенды *'krt* является усеченной формой слова *'krty* «сделанный», причастия прошедшего времени от глагола *kr* «делать» [СДГМ 1962 II: 202; Gharib 1995: 31 – 32]. Различные формы данного глагола, в т.ч., приведенные выше варианты причастия прошедшего времени, представлены в легендах монет правителей местной династии Чача с изображением правителя в шлемообразном головном уборе на аверсе и тамгой в форме на реверсе [Бабаяров 2007: 80]. Причастие *krt* имеется в легенде на одном из вариантов вышеупомянутых монет [Бабаяров 2007: 75].

У нас есть ряд аргументов в пользу рассмотрения термина *twrk*, который встречается как третье слово в надписи на монете типа I и второе слово в надписи на монете типа II, как согдийская форма

этнического термина «тюрк, тюркский». Надо отметить, что в согдийских памятниках данный термин и его производные представлены в двух формах: в Бугутской стеле (584 г.) – *tr'wkt* (тюрки), в Карабалгасунской стеле – *twrkc'ny* «тюркский», написанных правителями I Восточно-Тюркского (552 – 630) и Уйгурского каганатов (745 – 840) в Монголии [Kljaštornij, Livšic 1972: 87].

Кроме того, в документе на согдийском языке, составленном в Чинанчканде (Гаочан / Турфан), датированном 639 г., который был найден в Восточном Туркестане, этнический термин *twrk* «тюрк, тюркский» встречается в составе слова *twrkyst'n* (Туркестан), как этнотопоним [Исхоков 1993; Vaissière. 2005: 169]. Топоним *twrkystn* («Туркестан») записан также в 13-й и 15-й строках документа на согдийском языке , относящегося к VIII в., который был обнаружен в Хотане (Восточный Туркестан) [Bo, Sims-Williams 2015: 262 – 266]. Н. Симс-Вильямс, проводивший исследование этих согдийских документов, интерпретирует встречающийся в этом документе термин «Туркестан» как название одной из исторических стран Средней Азии. По его мнению, в то время этим термином называли земли на северо-востоке, особенно земли, простирающиеся от Сырдарьи до Монголии [Bo, Sims-Williams 2015: 268]. Из этих данных мы видим, что в раннем Средневековье в согдийском языке этноним *тюрк* писался по-разному: в форме *tr'wk* и *twrk*.

Здесь вполне логичен вопрос, почему данный термин зафиксирован в различных формах. Во-первых, это объясняется тем, что в согдийском языке не было единых правил орфографии, и таким образом, одно и то же слово, даже собственно согдийское, могло иметь несколько вариантов написания, а во-вторых, для согдийского языка была очень характерной метатеза *-u-*. Например: *sywδ*, *swyδ* – «Согд, согдийский»; *sywδyk*, *sywδy'nk*, *swyδ'k* – «согдийский»; *xwrm'zt'*, *xwrm'zt'* – «Хормазд (авест. Ахурамазда)» и др. [Kljaštornij, Livšic 1972: 87 – 88; Лившиц, Хромов 1981: 384 – 385].

Четвертое слово легенды на монетах с изображением правителя и третье слово на монетах с изображением всадника – *x'y'n* является стандартной передачей согдийским письмом древнетюркского титула *каган*, который имел верховный правитель государства. В подобной орфографии титул *каган* встречается в легендах собственных монет Западно-Тюркского каганата, чеканенных в Чаче (см. Рис. I. 7, 9, 13 – 24) [Бабаяров 2007: 11 – 13, 18, 20 – 22], монет Ферганы, Отрара, некоторых типов тюрко-согдийских монет Согда [Бабаяров, Кубатин 2012: 14], монет тюркшей, карлуков [Лурье 2010: 280], а также в

согдийских письменных памятниках [Лившиц 2008: 85, рис. 16; 133, рис. 25).

2. Орфография

2.1. На монетах с изображением головы правителя

Легенда выполнена неразвитым полукурсивным согдийским письмом, в котором многие буквы имеют близкие к архаичным формам начертания, что можно видеть на приведенных ниже прорисовках монетных легенд хорошей сохранности:

1) *x'γ'n* – *twrk* – *'krt* – *pnu* (Рис. II, 1 – Рис. III, 1);

2) *x'γ'n* – *twrk* – *'krt* – *pnu* (Рис. II, 4 – Рис. III, 4).

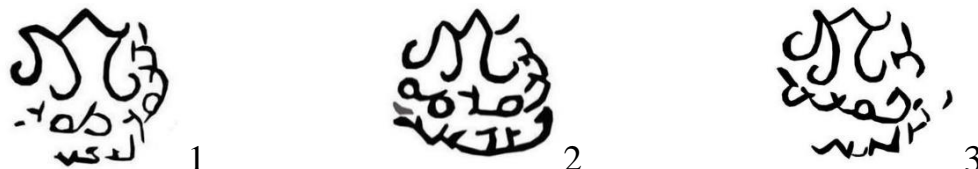
Таким образом, рассмотрим монетную легенду в палеографическом плане. Следует отметить, что буква *алеф* в начале второго слова легенды, а также во втором слоге слова *x'γ'n* имеет архаичное написание, очень близкое к написанию *алефа* в легендах ранних монет Чача, относимых исследователями к «Группе 1. Период 1 Вариант 7» [см. Шагалов, Кузнецов 2006: 41, 43, № 13]. Схожий *алеф* представлен также в легендах ранних монет Согда, в «Старых письмах», надписях из Афрасиаба, Шатиала и др. [см. Исхаков 2008: Таб. IX, XI, XVI, XVII, XIX – XX]). При этом, буква *алеф* в начале и середине, и буква *йод* в конце слова очень схожи между собой в написании *ср.* (** алеф* – ** йод*) (Рис. II, 1), (** алеф* – ** йод*) (Рис. II, 4 – Рис. III, 4). Стоит отметить, что буква *йод* в данной легенде также имеет архаичное написание, и сходные графические варианты данной буквы также представлены в легендах ранних монет Согда, в надписях из Шатиала и долины Верхнего Инда [см. Исхаков 2008: Таб. IX, XVI, XVII]. В написании слова *x'γ'n* наблюдается следующая особенность. Так, если в первом слоге слова буква *алеф* представлена в виде вертикального росчерка *λ*, очень схожего по форме с буквой *нун*, то во втором слоге ее написание стандартно *⋈*, как в других словах легенды. Такое написание титула *каган* в легендах характерно для всех монет, чекан которых связан с Западно-Тюркским каганатом [см. Бабаяров 2007: 9 – 23; Бабаяров, Кубатин 2012: 14; Шагалов, Кузнецов 2006: 70, 84 – 102, 192 – 195, 280 – 288]. В легенде данных монет также близки по написанию буквы *реш* и *каф*, причем их размер почти одинаков, хотя при стандартном написании *реш* от *каф* отличался более меньшим размером. Здесь же отличием буквы *каф* от *реш* является небольшой нижний росчерк, опускающийся ниже основной линии соединения букв (*ср.* *каф* - *реш*) , хотя обычно этот росчерк

бывает более крупным. Эта характерно, также и для буквы *ne* в слове *пу*, который, как известно, обычно имеет такой же росчерк как и буквы *каф*. Последняя палеографическая особенность легенды, которую хотелось бы отметить, это маленький росчерк у буквы *тау* в конечной позиции во втором слове легенды (𐰽). При этом, следует учитывать, что в таком виде оно написано и в других согдийских письменных памятниках. Схожесть букв в рассматриваемой монетной легенде во много объясняется тем, что в полукурсиве, и особенно в курсиве ряд букв близки и идентичны по начертанию [Лившиц, Хромов 1981: 369 – 370].

2.2. На монетах с изображением всадника

Монеты с титулом «Тюрк-каган» с изображением коня используют полукурсивную форму согдийского алфавита. В то же время из приведенных ниже прорисовок монетных легенд следует, что некоторые виды монет этой категории также используют курсивную форму согдийского алфавита:

Вариант 1.

- 1) *nyβwr twr(k) x'γ'n*; 2) *nyβwr tw[r](k)cy x'γ'n*; 3) *nyβwr t[wr](k) x'γ'[n]*

Вариант 2.

- 1) = ... *x'γ'(n)*; *tw[rk]*; *pr(n)?* (рис. V. 1);
- 2) = ... *x'γ'n*; *twr(k)*; *[pr]n?* (рис. V. 7).

Из этих рисунков, на большинстве монет с изображением всадника согдийская надпись наложена и выполнена в два ряда. Только на некоторых монетах видны три строки, написанные внахлест (см. Рис. IV. 22). Как видно из приведенных выше монетных легенд и монет на следующих рисунках IV – V, полностью прочесть легенды монет с изображением всадника не представляется возможным. Здесь следует отметить, что в некоторых экземплярах монет часть букв сохранилась плохо, а в некоторых экземплярах буквы сохранились почти полностью, но при полном прочтении надписей монеты возникают некоторые трудности.

Прежде всего, есть некоторые различия в легендах этого типа монет, в некоторых экземплярах согдийские слова начинаются сверху

вниз с *prn twrk x'γ[n]*; «(Владелец божественного) благадать Тюрк-каган», а в некоторых экземплярах это предложение пишется снизу вверх: слова *prn* внизу, *twrk* в среднем ряду и слова *x'γ[n]*; в третьем ряду вверху (см. Рис. IV. 22).

Согдийские слова *prn twrk x'γ'n* на некоторых вариантах монет с изображением всадника переводятся как «(Владелец божественного) благадать Тюрк-каган». Эта ситуация тесно связана с идеологическими концепциями тех времен, и на большинстве Среднеазиатских монет раннего средневековья с согдийской надписью встречается слово *prn* «благадать». Однако было обнаружено, что это слово, наложенное на божественность и священные понятия, появилось не раньше титула правителя на монетах ни согдийских династий, ни Чачских Тегинов (605 – 750), Чачских тудунов (640 – 750) и ферганского дома Ашина (правил в 630 – 810 гг.) тюркского происхождения. В отличие от них, на большинстве монет Западно-Тюркского каганата, чеканенных в Чаче, привлекает внимание упоминание слова «фарн» (благадать) наряду с главным титулом правителя (см. Рис. I. 9, 19 – 21, 24). В древнетюркском языке слово *Qut* означает «Божественное счастье», «судьба», «благословение», «блаженство», «состояние», «покой» и др. [Еркеоҗ 2008: 74]. Это слово часто употреблялось, когда упоминалось о деятельности главного правителя – кагана, особенно о его заслугах перед народом и государством, его достижениях [Şirin 2016: 408].

На всех экземплярах этих монет, принадлежащих Западно-Тюркскому каганату, заметно, что изображение всадника представлено практически в одинаковом виде. Однако, как было сказано выше, в легенду на оборотной стороне монет имеются некоторые отличия. На некоторых экземплярах монет вместо слова *фарн (qut)* стоят другие буквы, а перед словом *twrk* (тюрк) стоит некое слово, состоящее из 4 – 5 букв, которое до сих пор полностью не прочитано (см. Рис. V. 2-5, 9-10). Весьма вероятно, что это слово означает имя одного из главных правителей Западно-Тюркского каганата. Здесь следует отметить, что в некоторых экземплярах этих монет хорошо сохранились первая и вторая буквы, обозначающие слово *twrk* - *tw*.... Заметные следы 3-й буквы сохранились, а 4-я буква реконструировалась нами как *k* до последних лет, и читалась приблизительно (см. Рис. IV). По нашему мнению, буквы 3 – 4 были написаны перед словом *x'γ'n* (каган) во второй строке. В некоторых экземплярах монет были доказательства, подтверждающие это мнение. Только после обнаружения в прошлом году хорошо сохранившегося экземпляра было окончательно подтвер-

ждено наличие слова *twrk* на монетах этого типа (см. Рис. V. 1, 4 – 5, 7).

3. Комментарии к чтению монет с титулом «Тюрк-каган»

3.1. Сначала остановимся на вопросе о том, когда были чеканены данные монеты и с каким правителем связан их чекан. Э. В. Ртвеладзе легенду на монетах данного типа читал как *c'cnk xwβ twrk?* (Чачский правитель Турк?) [Baratova 1999: 247], а позже как *twrk[š] č'čnyrk MRYW* «Ту/юрк[еш] Чачан(й)ск(ий) правитель» [Ртвеладзе 2002: 259; Ртвеладзе 2006: 66], и связывал их чекан с правителем по имени Тюркеш, выдвинув предположение, что это возможно подлинное имя основателя Тюркешского каганата. Исследователь, предполагал, что данные монеты чеканились в конце VII – нач. VIII вв., или несколько ранее [Ртвеладзе 2002: 259; Ртвеладзе 2006: 66 – 69, 104]. Однако, в «Каталоге монет Чача» (Шагалов, Кузнецов 2006) монеты с подобной тамгой он относит к VI – нач. VII вв. [Шагалов, Кузнецов 2006: 292]. Надо отметить, что Э. В. Ртвеладзе в легенде верно выявил слово *twrk*, но, по-видимому, следующую за ними букву *x* (*xem/зимел*) от следующего слова *x'γ'n* «каган» исследователь воспринял в качестве буквы *š* (*шин*), отнеся ее к первому слову, читая его как *twrk[š]*. Это, скорее всего, было связано с тем, что исследователь имел дело лишь с одним экземпляром монеты данного типа с легендой, где многие буквы были полустерты. В свое время, нами была отмечена дискуссионность данного чтения [Бабаяров 2007: 33 – 34].

В свою очередь, М. Федоров, на основании вышеупомянутого чтения Э. В. Ртвеладзе, считал, что слово Тюркеш следует читать как *теркеш* (*тиркеш*), и отождествлял с иранским словом со значением «колчан». Исследователь, связывает данное слово с именем Западно-тюркского кагана Шегуя, правившего в 610 – 618 гг., и по его мнению, имя Шегуй в китайском языке имело то же значение [Fedorov 2005: 178]. Однако, как показывает нумизматический материал, во-первых, слово Тюркеш (*twrkš*) в легенде отсутствует, а во-вторых, иероглифы которыми передано имя Шегуй в китайском языке не имеют такого значения.

В свое время М. Исхаков легенду на данных монетах предлагал читать как *'sk prn twrk [γ](')γ'n pny* «Деньга высоко благодатного тюркского кагана», а мы как *'šβr' (?) twrk [γ]'γ'n pny* «Деньга Ишбара (?) тюрк кагана». При этом, мы связывали чекан данных монет с правителями Западно-Тюркского каганата [Бабаяров 2007: 16; Bаbауаr 2007: 71]. Как видно из этих чтений, данные исследователи больше всех приблизились к истине.

Однако в последующие годы, когда было идентифицировано 10 экземпляров таких монет, и прорисовки их были прочитаны в полном восстановлении, было замечено, что некоторые из наших прежних мнений были ошибочными. Ранее мы подвергали критике мнение В. А. Лившица и Э. В. Ртвеладзе, которые подчеркивали, что на монете написано только слово «каган», а все попытки прочесть остальные слова основаны на большом количестве предположений [Babayar 2007: 64 – 65; Бабаяров 2007: 13 – 14]. Проводивший после нас исследование этих монет П. Б. Лурье предложил прочесть надпись на монете как *bwkw x'γ'n* (Бёгю каган), но это прочтение не нашло поддержки [Lurje 2010: 149 – 150].

4. Когда были чеканены монеты с титулом «Тюрк-каган»?

Рассматриваемые типы монет Западно-Тюркского каганата с изображением погрудного портрета правителя с длинными волосами, округлым лицом, миндалевидным разрезом глаз и тонкими усами на аверсе и с легендой *pny 'krt twrk x'γ'n* «Деньга, сделанная Тюрк-каганом» и с изображением всадника с легендой *prn twrk x'γ'n* «(Владелец божественного) благодать тюркский каган» или *nyβwr? twrk x'γ'n* «Нивар? Тюрк-каган» по своим характеристикам и технике изготовления близки к монетам правителей Чача с тамгой в виде двух полукружий **Ж** и легендой *zyrt pny 'krty c'synk xwβw* «Желтая (бронзовая) монета, сделанная Чачским правителем» или «Деньга, сделанная Чачским правителем *n/zyrtom*» и др., время чекана которых датируется концом VI – нач. VII вв. [Бабаяров 2007: 74, 80, 85].

Это особенно заметно на монетах типа I (с легендой *pny 'krt twrk x'γ'n* «Деньга, сделанная Тюрк-каганом»), которые по своим весовым характеристикам и размеру, технике изготовления очень близки к монетам правителей Чача (с тамгой в виде двух полукружий **Ж** и легендой *zyrt pny 'krty c'synk xwβw* «Желтая (бронзовая) монета, сделанная Чачским правителем»). Этот факт, а также наличие общего выражения *pny 'krt(y)* «Деньга сделанная» в их легендах, позволяет нам сделать вывод, что данные монеты Западно-Тюркского каганата чеканились почти в одно и то же время с вышеупомянутыми чачскими монетами. Кроме того, в пользу такой датировки свидетельствует и форма тамги (**Ж**), занявшей место на реверсе монет, и рассмотренные выше палеографические особенности легенды (полукурсив), что позволило нам отнести их ко второму этапу становления Западно-Тюркского каганата – *Ябгуйству*, который датируется последней четвертью VI – нач. VII в. Однако, если исходить из наличия в легенде данных монет титула «каган», то их логично было бы относить к

последнему этапу становления Западного крыла – *Каганату*. В данном случае титул не может являться основным показателем, так как нами были выявлены некоторые типы монет, относящиеся к этапу *Ябгуйства*, но имеющие в своих легендах титул «каган». В частности, монеты с легендой *trδw x'γ'n* «Тарду каган» (Рис. I, 23) были связаны нами с одним из основателей Западно-Тюркского каганата – Тарду каганом (576 – 583; 600 – 603) сыном Истеми ябгу (552 – 576)¹ [Бабаяров 2007: 9, 25 – 26].

Кроме того, монеты с изображением всадников на аверсе и тамгой в форме ᠬᠦ (Рис. I, 9), характерной для этапа *Ябгуйства*, на реверсе, в легенде (в две строки под тамгой) которых занял место титул «каган» (... *twrk x'γ'n*), также являются свидетельством того, что и на упомянутом этапе некоторые Западно-тюркские правители чеканили монеты с данным титулом. Возможно это объясняется борьбой между Восточно-тюркскими и Западно-тюркскими правителями за верховную власть, когда некоторые из последних пытались объявить себя каганами и данный исторический факт нашел отражение в монетном чекане. С меньшей долей вероятности можно также предположить, что правители Западного крыла чеканили данный тип монет от имени верховных правителей каганата (т.е. Восточно-тюркских каганов), и в связи с этим их титул нашел отражение в монетной легенде.

5. Раскрытие термина «Тюрк-каган» на монетах

Здесь уместен вопрос, в каком значении использовался термин *twrk x'γ'n* (Türk-qayan) на монетах данного типа. В частности, заслуживает внимания тот факт, что данный термин в период от Тюркского каганата до Караханидов, не зафиксирован ни в легендах монет, ни в

¹ Мы считаем, что монеты с легендой «Тарду каган» являются одними из первых монет Западно-Тюркского каганата. Это мнение подтверждается параметрами этих монет и техникой их изготовления. Монеты этого типа очень просты, на них отсутствуют изображения правителей, знаки власти и т.п. Кроме того, монеты с легендой «Тарду каган» по сравнению с другими монетами Западно-Тюркского каганата встречаются значительно реже. Согласно китайскими источникам, дающим ценные сведения о периоде деятельности Тарду кагана, в нач. 580-х гг. VI в. он добился независимости западного крыла Тюркского каганата, но в сер. 80-х гг., лишившись своей власти, ушел на восток, т.е. в Монголию. Добившись там успеха, он захватил власть в Восточном (Центральном) каганате и в дальнейшем, на короткое время (600-603), объединил Восточный и Западный каганаты, объявив себя «великим каганом» [Бичурин 1950, I: 242; Тазағілі 2003: 57]. Нам представляется, что монеты с именем Тарду кагана могли быть выпущены именно в этот период.

письменных источниках в связи Тюргешским, Уйгурским каганатом и Карлукским ябгуйством / каганатом. Однако, при этом, он встречается в древнетюркских письменных памятниках (Монголия), относящихся к Тюркскому каганату, а также в форме *türk xāqān* (*türk-qayan) в легендах монет Караханидов, чеканенных в Фергане, наряду с именами и титулами правителей [Кочнев 2006: 29 – 31; Hunkan 2007: 76 – 80].¹

На наш взгляд, внести ясность в данный вопрос позволят следующие факторы. Как известно, имелись некоторые особенности, связанные с управлением и, в особенности, с правящим родом упомянутых выше тюркских династий. Это проявилось, в частности, в использовании в системе титулов определенных этнонимов, отражавших этническую принадлежность династий. Например, в Тюркском каганате – *türk-qayan*, Уйгурском каганате (745 – 840) – *uğur-qayan*, Тюргешском каганате (699 – 756) – *türgeš-qayan*, Карлукском ябгуйстве / каганате (756 г. – IX в.) – *qarluq-qayan*, у Караханидов – *türk xāqān* (*türk-qayan) и др. При этом, важен тот факт, что большинство упомянутых выше династий отразили свою этническую принадлежность в монетном чекане. В качестве примера можно привести следующие монетные легенды, выполненные согдийским и производным от него уйгурским письмом, в которых заняли место выражения *βуу twrkyš x'γ'n pny* «Монета божественного / господина тюргешского кагана» [Бернштам 1940: 105 – 111; Смирнова 1981: 61], *kwyl pylk' tnkry pwxwx 'wuywr x'x'n* «Кюль Бильге Тенгри Букук уйгур каган» [Thierry 2002: 751 – 762], *βуу x'rlwx x'x'n pny* «Монета божественного / господина карлукского кагана» [Лурье 2010: 279 – 284]. Т.е., представители династий из *уйгуров, тюргешей, карлуков*, имеющих тюркское происхождение, выставляя на передний план свое племенное название, в качестве политического акта отразили его в своем монетном чекане.

В этом плане надо рассматривать и употребление термина *twrk x'γ'n* «Türk-qayan» на монетах Западно-Тюркского каганата. Как отметил в своих трудах И. Кормушин, термин «тюрк» с начала своего появления и до последнего времени применялся в двух значениях: а) узком («национальном») – как обозначение конкретного племенного объединения, народа (много позже – нации); б) широком («наднациональном») – как обозначение всех тюркоязычных племен [Кормушин 2004: 8; Kormuşin 2010: 144].

¹ Термин *türk xāqān* (ترك خاقان) встречается в надписи на караханидских дирхемах, чеканенных в 381/991-92 г. в Фергане.

Данный термин использован в монетной легенде Западно-Тюркского каганата, скорее всего, в узком значении для обозначения этноса – основателя Каганата. Именно в этом значении он использовался в стелах Второго Восточно-Тюркского каганата, где Бильге каган в официальных воззваниях к народу именуют себя *Тюрк Бильге каган* [Tekin 2003: 34, 56, 78, 94]. Термин «тюрк» также нашел свое отражение в китайских хрониках в составе титулов таких тюркских правителей, как Ишбара каган (581 – 587) и Эльтериш каган (682 – 691), которые восстанавливаются в форме **täñridä bolmiš uluγ türk tört buluŋqa üzä olurmiš bilgä qutluγ tinsi illig küil baya išbara qaγan*¹; **täñridä bolmiš türk bilgä täñri qutluγ (el teriš qaγan)*.² По-видимому, таким же образом следует интерпретировать и выражение *türk xāqān* на монетах Караханидов, пытавшихся отразить свое происхождение, которое, как считают исследователи, связано не с таким тюркскими племенами как *карлуки, ягма, чигили* и *уйгуры*, а с племенем Ашина, основавшим Тюркский каганат [Togan 1981: 58; Hunkan 2007: 75 – 80].

Отсюда видно, что термин «тюрк» в узком смысле употреблялся для правящего класса или конкретной тюркоязычной общности, а в широком – для всех тюркоязычных родов и племен. В то же время, вопреки тому, что подчеркнул И. Кормушин, следует отметить, что основа термина «тюрк» восходит к гораздо более древним временам, а благодаря монетам с согдийскими надписями, относящимися к раннему средневековью, и древнетюркским (орхонским) надписям, китайским хроникам, среднеперсидским (пехлеви), согдийским, армянским, греческим, тибетским и другим письменным источникам, термин «тюрк» получил более широкое распространение. Иными словами, подразумевается, что в то время как в этих языках упоминаются десятки тюркских родов, термин «тюрк» подчеркивался как их общее название, а термин «тюркский» использовался для языка, на котором говорили жители большей часть Центральной Азии и соседних стран.

Заключение

Одним словом, прочтение слова «Тюрк-каган» в согдийских надписях на двух типах монет, найденных на древних городищах

¹ Данный титул зафиксирован в китайских источниках в форме *цун тянь шэн да ту-цзюэ тянь ся сянь шэн тянь цзы или цзюй-лу шэ мо-хэ ши-бо-ло ке-хан* [Трепавлов 1993: 124 – 125, прим. 124 – 125].

² Данный титул в китайских источниках передан в форме *тянь шэн дэ го-я-бао тянь нань ту-цзюэ шэн тянь гу-ду-лу (сйе-ди-ли-ши ке-хан)* [Трепавлов 1993: 124 – 125, прим. 124].

Ташкентского оазиса, привело к решению ряда проблем, связанных с прошлым тюркских народов, особенно с Тюркским каганатом, занимавший особое место в истории тюрков. Среди более чем 20 видов монет, чеканенных Западно-Тюркским каганатом в Чачском оазисе, эти два типа монет занимают важное место. Появление на этих монетах термина *twrk x'γ'n* («Тюрк-каган»), вероятно, связано с этнической принадлежностью правителей, чеканивших эти монеты, и этим, по-видимому, каганы подчеркивали этническое происхождение политического объединения, в котором они правили, когда наносили на монетах слово «Тюрк-каган». Такая этнополитическая концепция, характерная для Тюркского каганата, показывает, что династия Ашина, основавшая каганат, связывала его этническое происхождение с «тюркизмом», стремилась объединить все тюркские народы под опекой каганата и под этим термином.

Правители Западно-Тюркского каганата, одним из административных центров которого был Джабгукат (на северо-востоке совр. г. Ташкента) в Чачском оазисе, выпускали свои монеты в данном регионе с именами и титулами, такими как *trδw x'γ'n* (Тарду каган), *twncpγw x'γ'n* (Тун джабгу-каган), *cpγw x'γ'n* (Джабгу-каган), *'rpy 'šp'r'sy(r) cpγw x'γ'n* (Эльби Ишбара Сыр джабгу-каган), *twwn x'γ'n* (Тон (великий) каган). В то же время, изображая на монетах слово «Тюрк-каган», они стремились показать свое этническое происхождение. Итак, термин «Тюрк-каган» (Türk-qağan) на монетах может быть объяснен не каким-либо правителем, а этнополитическим названием Тюркского каганата – «Тюрк-каганлыгы» (Türk Qağanlığı).

По некоторым признакам, монеты Чачской области с термином «Тюрк-каган» чеканились в последние десятилетия VI – нач. VII вв. н.э. Мы можем сказать это, исходя из характерных признаков обоих типов монет: тамга, стиль письма, иконография и т.д. Более того, культурные слои городищ Ташкентского оазиса, в которых были найдены такие монеты, соответствуют этим столетиям.

Появление на монетах термина «Тюрк-каган» свидетельствует не только о принадлежности этих монет Западно-Тюркскому каганату, но и о том, что Чач (Ташкент) являлся одной из стран, где этноним «тюрк» впервые появился в письменной форме. До этого тюркоязычные народы, жившие в Центральной Азии и соседних с ним регионах – на бескрайних просторах, простиравшихся от оконечности Восточной Европы до Дальнего Востока, наряду с объединяющими общими терминами типа «хун» («гунн»), «ди» («тур» ?), «эфтал» («абдал»), именовались также сотнями внутриродовых терминов, такими как «огуз», «карлук», «уйгур», «кыпчак», «кыргыз», «тургеш». Термин

«тюрк», употреблявшийся в более узком смысле до раннего средневековья, приобрел более широкое значение в период каганата, и все тюркские народы стали называться другими народами «тюрк» вместо «хун» и «тур» (?). Термин «тюрк» впервые встречается в форме *tr'wk* в согдоязычной Бугутской надписи, принадлежавшей Первому Тюркскому каганату (580-е гг.), в VI – VII вв. передается в форме *ту-цзюэ* «тюрки» и *ту-цзюэ кэ-хан* (тюркский каган) в китайских хрониках, а в 30-х гг. VIII в., упоминается в виде «Тюрк Бильге каган» в древнетюркских орхонских надписях. Как было сказано выше, монеты Чача соответствуют последним десятилетиям VI – нач. VII вв., т.е. они старше китайской летописи и надписей Бугута и Орхона. Поэтому тот факт, что эти монеты, имеющие прямое отношение к государственному управлению, как, например, орхонские надписи, содержат надпись с термином «Тюрк-каган» / «тюркский каган», и что этот термин соответствует первым этапам Тюркского каганата, некоторые неясности, связанные с прошлым каганата, такие как опорные территории каганата, административные центры, разделение на два крыла – Восточное и Западное, показывает, что все эти спорные вопросы, должны быть пересмотрены.

Использованная литература

Бабаяров 2007 – Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса VI – VIII вв. Ташкент: НБУ им. Алишера Навои, 2007.

Бабаяров 2012 – Бабаяров Г. Государственный строй Западно-Тюркского каганата / АР дисс. ... д.и.н. Ташкент: ИВ АН РУз, 2012.

Бабаяров, Кубатин 2012 – Бабаяров Г., Кубатин А. Доисламские монеты Согда: новые чтения и интерпретации легенд // Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида. ЎзРФА Археология институтида 2012 йил 6 – 7 апрелда ўтказилган ёш олимлар Республика конференцияси материаллари. Самарқанд, 2012. С. 11 – 23.

Бернштам 1940 – Бернштам А. Н. Тюргешские монеты // Тр. Отдела Востока ГЭ, № 2. Л., 1940. С. 105 – 111.

Бичурин 1950 – Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Исхаков 2008 – Исхаков М. М. Центральная Азия в системе мировой письменной культуры. Ташкент: УМЭД, 2008.

Кормушин 2004 – Кормушин И. В. Древние тюркские языки. Учебное пособие для студентов ВУЗов. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2004.

Кочнев 2006 – Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского Каганата (991 – 1209). Часть I. Источниковедческое исследование. М.: София, 2006.

Лившиц 2008 – Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2008.

Лившиц, Хромов 1981 – Лившиц В. А, Хромов А. Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М.: Наука, 1981. С. 347 – 514.

Лурье 2010 – Лурье П. Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 279 – 284.

Ртвеладзе 2002 – Ртвеладзе Э. В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. 1. Ташкент: Media Land, 2002.

Ртвеладзе 2006 – Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача (вторая пол. III – сер. VIII в. н.э.). Ташкент: Media Land, 2006.

Смирнова 1970 – Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М.: Наука 1970.

Смирнова 1981 – Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981.

СДГМ 1962 – Согдийские документы с горы Муг. Чтение, Перевод. Комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. М.: Наука, 1962.

Трепавлов 1993 – Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Восточная литература, 1993.

Шагалов, Кузнецов 2006 – Шагалов В. Д., Кузнецов А. В. Каталог монет Чача III – VIII вв. Ташкент: Фан, 2006.

Babayar 2007 – Babayar G. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu - The Catalogue of the Coins of Turkic Qaghanate. Ankara: TİKA, 2007.

Babayarov 2012 – Babayarov G. The Phrase of “Türk-qaghan” on the Coins of the Western Turkic Qaghanate //

<http://www.groups.yahoo.com/group/Sogdian-L> (2012).

Babayarov, Kubatın 2013 – Babayarov G., Kubatın A. Byzantine impact on the iconography of Western Turkic coinage // Acta Orientalia

Academiae Scientiarum Hung. Volume 66 (1). Budapest, 2013. P. 47–58.

Baratova 1999 – Baratova L. Alttürkische Münzen Mittelasiens aus dem 6. – 10. Jh. N. Chr. Typologie, Ikonographie, historische Interpretation // Archalogische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 31. Berlin, 1999. P. 219 – 292.

Fedorov 2005 – Fedorov M. On Some Articles in the Recent Issues (Nos. V, VI, VII) of the Нумизматика Центральной Азии (Numismatics of Central Asia) // Central Asiatic Journal, № 49. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. P. 175 – 203.

Gharib 1995 – Gharib B. Sogdian Dictionary. Sogdian – Persian – English. Tehran: Farhang Publications, 1995.

Hunkan 2007 – Hunkan S. Türk Hakanlığı (Karahanlılar), 2. Baskı. İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2007.

Kljaštornyj, Livšic 1972 – Kljaštornyj S. G., Livšic V. A. The Sogdian Inscription of Bugut revised // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Tom XXVI (1). Budapest, 1972. P. 69 – 102.

Kormuşin 2010 – Kormuşin İ. Orhon, Karahanid ve Memlükler dönemlerine ait olan Türk yazıtlarında «Türk halkı» ve «Türk dili» // I. Uluslararası Uzak Asya'dan Ön Asya'ya Eski Türkçe Bilgi öleni Bildirileri. Ed.: Cengiz Alyılmaz, Özgür Ay, Metin Yılmaz. Afyonkarahisar, 2010. S. 143 – 146.

Taşagıl 2003 – Taşagıl A. Gök-Türkler. I, 2. Baskı. Ankara: TTK, 2003.

Thierry 2002 – Thierry F. The Currency in the Turkish Khanates from the Turgish to the Great Uygur (9th Century) // Turks, vol. 2. Ankara: Yeni Türkiye, 2002. P. 751 – 762.

Tekin 2003 – Tekin T. Orhon yazıtları. Kül tigin, Bılge Kağan, Tunyukuk. İstanbul: Bilgesu Yayıncılık, 2003.

Togan 1981 – Togan A. Z. Umumi Türk tarihine giriş. 1. cilt. En eski devirlerden 16. asra kadar, 3. baskı. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1981.

COINS OF CHACH WITH A SOGDIAN LEGEND CONTAINING THE TITLE “TÜRK-QAGHAN”

Gaybulla Babayarov

This article shows that the Western Türkic Qaghanate (568 – 740) had its own fiscal system, with the rulers minting their own coins – with the titles of *žpɣw* “Jabghu”, *cpɣw x'ɣ'n* “Jabghu-Qaghan” and *x'ɣ'n* “Qaghan”, the ethno-political name of *twrk x'ɣ'n* “Türk-Qaghan” and the rulers’ names of *trδw x'ɣ'n* “Tardu Qaghan” and *twn cpɣw x'ɣ'n* “Tun Jabghu-Qaghan” – in the Chach (Tashkent) region, coins which featured state symbols relative to the Qaghanate. The similarity between tamgas also indicates that in pre-Islamic Central Asia ruling dynasties could originate from one tribe or kindred groups. Thus, from the late sixth century to the first quarter of the seventh century, there were coins in Chach with the tamga and a legend containing the Türkic Qaghanate-specific titles of *žpɣw* (‘Yabghu’) or *twrk x'ɣ'n* (‘Turk Qaghan / Türkic Qaghan’). In the seventh century in Ferghana some coins had the tamga and the ancient runic inscription ‘*kɣm qǵn*’ “my Qaghan / my lord the Qaghan”. Interestingly, coins from these two regions have portraits on them of typical Türkic rulers (with a beardless round face, narrow eyes and hair dropping onto the shoulders).

Key words: Türkic Qaghanate, Old Türkic coins, tamga seals, Sogdian letters, titles, “Turk-Qaghan”, Chach, Tashkent.

IV

РЕДКИЙ ТИП МОНЕТ ВОСТОЧНОГО СОГДА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЛУЧНИКА

А. А. Мусакаева

Статья посвящена редкому чекану серии монет с изображением лучника. Удалось выявить четыре экземпляра монет с изображением на лицевой стороне правителя с согдийской легендой за головой, передающей его имя, и с изображением лучника на оборотной стороне. Ранее публиковавшиеся три монеты вида не имеют хорошей сохранности, согдийские легенды полустертые и трудно различимы. В коллекции Государственного музея истории Узбекистана АН РУз хранится один экземпляр монеты с достаточно четко выписанными знаками согдийской легенды. Эта монета ранее не публиковалась, предлагается новое прочтение легенды, выделены два типа монет и несколько вариантов внутри первого типа. Иконографический анализ показал, что статус правителя ввиду отсутствия титула и других признаков ниже, это подчиненный правитель. Предложена датировка монет этого уникального выпуска.

Ключевые слова: Монета, легенда, подражания эллинистическим прототипам, согдийские легенды, лучник, диадема, денежное обращение, клад, деградация изображений, чекан.

Монеты с изображением лучника известны уже более чем 100 лет, Эдвард Друэн в 1894 г. опубликовал монеты с лучником [Друэн 1894: 175]. Первый опыт классификации монет этой серии принадлежит Аллотту де ла Фюи [Allotte de la Fuye 1910: Pl. X (VI), № 1 – 12].

В 1939 г. Г. В. Григорьевым был найден на городище Тали Барзу клад монет с лучником в количестве 29 экз. в слое ТБ IV, он датировал их концом I в. до н.э. При этом отметив, что Аллотт де ла Фюи датировал подобные монеты, но с именем Антиоха, концом II в. до н.э. [Григорьев 1940: 30 – 31, рис. 4, № В]. В 1955 г. В. М. Массон, рассматривая денежное хозяйство Средней Азии, впервые публикует самый ранний экземпляр монеты с лучником весом в 3.95 г, две другие монеты с деградировавшими изображениями выпущены гораздо позднее. Попутно он отмечает, что были высказаны две точки зрения о характере и начальной дате денежных отношений в Средней Азии: первая о том, что здесь была развитая монетная система и денежное обращение уже в II – I вв. до н.э. [Тревер 1950: 107], и вторая – неразвитое денежное хозяйство, меновая торговля [Гафуров 1952: 89]. Сам В. М. Массон относит начало денежных отношений – «широкого распространения монеты» в Согде и Бактрии, к III в. до н.э., а

товарное обращение начинает там развиваться в еще более ранний период [Массон 1955: 40, № 7 – 9; 38].

В 1973 г. М. Митчинер ошибочно локализовал чекан с лучником в Хорезме, и связал его с дахами. Им опубликованы редкие экземпляры этих монет из его коллекции и из коллекции Британского музея [Mitchiner 1973: Pl. I, № 4 – 16].

Монеты Талибарзинского клада попали на хранение в фонды Государственного Эрмитажа и были опубликованы Е. В. Зеймалем, который предложил датировать эти поздние монеты нач. VI – первой пол. VII вв. [Зеймаль 1972: 74]. В 1972 г. Т. Ш. Ташходжаев приводит сведения о находке большого клада в количестве 1500 экземпляров с городища Афрасиаб. В числе монет поздних типов он отмечает экземпляры с согдийской легендой на лицевой стороне [Ташходжаев 1974: 12 – 13]. Т. С. Ерназарова приводит сведения о монетах этого клада, в т. ч. весовые данные и инвентарные номера – ГЭ, Инв. СА 15121 – СА 15149 [Ерназарова 1974: 234 – 236].

О. В. Обельченко отмечает находки монет лучника в Сазаганских курганах, в частности, в кургане № 1 была найдена серебряная монета с согдийской легендой над головой правителя на лицевой стороне и с лучником на оборотной стороне, вокруг него согдийская легенда – над головой, слева и под ногами. Её вес 0.5 г, диаметр 1.5 см. Материал кургана он датирует III – IV вв. О. В. Обельченко ошибочно относит эту монету к серии Гиркода [Обельченко 1966: 68 – 69; 80, рис. 4]. Однако описание монеты и приведенный О. В. Обельченко рисунок друг другу не соответствуют. На оборотной стороне монеты нет никаких знаков, в то время как автор описывает наличие согдийской легенды вокруг изображения лучника.

Так, ареал распространения этого чекана ограничен пределами Восточного Согда. Пока нет данных для того, чтобы считать этот чекан южносогдийским. Ссылка Е. В. Зеймаля (Кабанов, 1958) на статью С. К. Кабанова оказалась ошибочной, на иллюстрации в этой статье представлена монета с изображением Геракла и Зевса [Кабанов 1965: 84, рис. 6].

О. И. Смирнова опубликовала 4 монеты с изображением лучника, найденные на городище Пенджикент. По ее наблюдению одна из этих 4-х монет имеет правосторонний портрет [Смирнова 1963: 56]. Относительно монеты № 4 нужно отметить, что вряд ли монета с лучником могла иметь правосторонний портрет, на фото каталога портрет влево [Смирнова 1963: Табл. 1, № 4], как и на всех остальных монетах этой серии. Причем – это самые поздние выпуски монет с изображением лучника.

На Большом Кызтепа С. К. Кабановым отмечена одна монета – Вес 0.32 г, Д. 1 см., которая датирована им V – VI вв., как происходящая из синхронных слоев [Кабанов 1981: 90, рис. 40, 8 – 9]. Эту монету здесь нужно считать привозной, т. к. основной ареал находок ограничен пределами Восточного Согда.

В 1983 г. выходит Каталог монет Таджикистана, огромный труд Е. В. Зеймаля, где небольшая часть посвящена монетам с изображением лучника. Самые ранние монеты с лучником он предложил датировать концом I – II вв. н.э. Причем, самые ранние монеты за № 02 – 012, как пишет Е. В. Зеймаль, не из Таджикистана, и откуда они не указывает. Представлена периодизация монет с лучником, разделенная на 4 периода: ранние с согдийской легендой – «'št'm» на лицевой стороне и греческой, и искаженной греческой на оборотной стороне. К этому раннему времени он относит монеты с головой коня вправо на оборотной стороне и портретом влево [Зеймаль 1983: 269 – 270; № 01 – 05]. Только на приведенном фото в Таблице XXII, № 01 согдийская легенда не видна, а во весь монетный кружок изображен портрет правителя влево с острой бородкой.

Ко второму периоду им были отнесены монеты, на которых нет греческой легенды, а только раннесогдийская, более поздняя ее разновидность «βγwrty» и «hprwrnh». При этом он отмечает замену изображения лучника легендой «hprwrnh» во все поле, но фото этих монет им не приведено.

Третий период представляют монеты с легендой «кудг», таких монет им зафиксировано менее 10 экз.

Четвертый период – так он определяет монеты самого позднего чекана, к которому относит все известные три клада монет с лучником (Тали-барзу, Афрасиаб, Пенджикент). Если ранее он датировал окончание чеканки монет с лучником нач. VI – первой пол. VII вв., то по находке клада в одной из бойниц Пенджикента дата была изменена на V – нач. VI вв. Е. В. Зеймаль связывает выпадение этих трех кладов с захватом в 506 г. Самарканда эфталитами [Зеймаль 1983: 271, 273].

Монеты с изображением лучника из коллекции Государственного музея истории Узбекистана АН РУз, судя по всему, Е. В. Зеймалем не были использованы, и будут опубликованы впервые. Анализ иконографии монет этой серии позволил классифицировать их по-новому.

Если монеты поздних выпусков известны хорошо, их число, по данным научных публикаций, превышает 1500 экземпляров, то монет с новым портретом с зачесанными назад волосами и новой согдийской легендой за головой удалось зафиксировать всего 5 экземпляров. Первая монета была опубликована Аллоттом де ла Фюи [Allotte de la

Fuye 1910: Pl. X (VI), № 7 B], вторая – М. Митчинером [Mitchiner 1973: Pl. I, № 11], третья – Е. В. Зеймалем [Зеймаль 1983: Табл. 31, № 06].

Четвертая и пятая монеты никогда не публиковались и впервые вводятся в научный оборот, они хранятся в Государственном музее истории Узбекистана АН РУз (Инв. № Н-136/4; Н-136/15).

Приведем описание этих четырех монет:

Монета № 1.

Тип 1. Вариант 1.

Л.с. Портрет нового, другого «правителя» не лучника, без диадемы влево. Изображение выполнено достаточно схематично: волосы зачесаны назад, просматривается крупное ухо, длинные усы и острая бородка. Разделенная на две части. Нижняя часть портрета – это обрез шеи, который передан в форме единой линии, очерчивающей обрез шеи, плечи. Шея очень короткая.

За головой согдийская легенда: «κ/γ`čwtsw» – «κ`wtsw» – «γ`wtsw» – «κčwtsw» – «γčwtsw». Скорее всего, это «γ`wtsw» или – «γčwtsw» – «Раутсу» или «Рчутсу» (см. Табл. 5, № 1). Перед лицом 5 точек крупноточечного ободка.

О.с. Стилизованное изображение лучника, левая рука повернута к зрителю. Правая рука согнута в локте и заведена за спину, над правым плечом штрих, вероятно передающий верх горита со стрелами за спиной. Голова с точками справа и слева – то, что осталось от точечного нимба. Вокруг точечный ободок. И четко просматриваются края штемпеля. Изображение лучника достаточно искаженное.

ГМИУз. Инв. № Н-136/4.

Вес 1,003 г. Д. 16.2 x 15.6 мм. Серебро. Соотношение осей – 11 часов. Монета немного скифатная (см. Табл. 3, № 1).

Монета № 2.

Тип 1. Вариант 2. Малый номинал.

Л.с. Портрет того же правителя влево, без диадемы. Изображение несколько стилизовано, вероятно ввиду того, что уменьшено в несколько раз. Подтверждением является изображение крупного уха, которое отсутствует на всех других типах монет этой серии, а также изображение нижних двух прядей волос, как на монете № 1. На других типах монет таких прядей не две, а три. Но самый важный признак идентичности – это знаки легенды, из которых первый стерт, а последний за краем монетного кружка: «[r]`wts[w] / [r]čwts[w]».

О.с. Изображение воина, слегка схематичное, левая рука поверх тетивы крупного изогнутого лука. Монета сильно коррозирована, нот все детали одежды и вооружения лучника просматриваются.

ГМИУз. Инв. № Н-136/15.

Вес 0.36 г. Д. 9.9 x 9.7 мм. Серебро.

Соотношение осей – 11 часов. Монета скифатная (см. Табл. 3, № 2).

Монета № 3.

Тип 1. Вариант 3.

Л.с. Портрет тот же, но легенда менее четкая, последние два знака (5-ый и 6 -ой) просматриваются более четко и сохранились лучше: «κ/γ`čwtsw» – «κ`wtsw» – «γ`wtsw» – «κčwtsw» – «γčwtsw» – «Каутсу / Кчутсу». Скорее всего это «γ`wtsw» или – «γčwtsw» – «Раутсу» или «Рчутсу» (см. Табл. 5 № 2). Перед лицом такие же 5 точек. Изображение волос более стерто.

О.с. Той же степени деградации изображение лучника: права и слева по одной точке, то, что осталось от нимба. Остальное то же, но лучше сохранилось изображение левой руки и стрелы, тогда как на других монетах, в том числе и более ранних, изображение стрелы не видно, а лучник держит лук за изогнутую часть.

БМ? Вес 1.30 г. Серебро. Остальные метрические данные отсутствуют [Allotte de la Fuye 1910: Pl. X (VI), № 6] (см. Табл. 3, № 4).

Аллотт де ла Фюи расположил эту монету в один ряд с самыми ранними монетами с изображением лучника, в т.ч. и с монетой с протомой коня [Allotte de la Fuye 1910: Pl. X (VI), № 1 – 7B]. Та же монета опубликована Е. В. Зеймалем в его первой статье о монетах с лучником [Зеймаль 1972: 73, рис. № V]. Е. В. Зеймаль отнес эту же монету ко второму периоду. На монете более поздняя разновидность раннесогдийской легенды: «βγwrtу» и «hprwrnh». При этом он отмечает замену изображения лучника легендой «hprwrnh» во все поле, но фото этих монет не приведено [Зеймаль 1983: Табл. 31, № 06]. То есть, по его мнению, легенда состоит из 6 и 7 знаков, тогда как на описываемой ташкентской монете четко просматриваются только 6 знаков. Как и на монете № 1 (ГМИУз Н-136/4) из Ташкентского музея согдийская легенда читается как: «κ/γ`čwtsw» – «κ`wtsw» – «γ`wtsw» – «κčwtsw» – «γčwtsw» – «Каутсу / Кчутсу». Скорее всего, это «γ`wtsw» или – «γčwtsw» – «Раутсу» или «Рчутсу».

Монета № 4.

Тип 1. Вариант 4.

Л.с. Портрет тот же, но легенда менее четкая, хотя последние два знака довольно ясно видны: «...sw».

О.с. Той же степени деградации изображение лучника: справа и слева по одной точке, то, что осталось от нимба. Остальное то же, но лучше сохранилось изображение левой руки и стрелы, тогда как на других монетах, в т.ч. и более ранних, изображение стрелы не видно, а лучник держит лук за изогнутую часть.

БМ. Вес 1.33 г. Серебро. Остальные метрические данные отсутствуют [Mitchiner 1973: Pl. 11] (См. Табл. 3, № 3).

Монета № 4 опубликована М. Митчинером, который считает, что монеты этого типа выпускали хорезмийские дахи, в частности, «Atagart» [Mitchiner 1973: Pl. 11].

Возможно, легенда та же, что и на предшествующих экземплярах, судя по окончанию. Качество изображения не позволяет это точно установить.

Монета № 5.

Тип 2. Вариант 1.

Л.с. Портрет тот же, но отличия просматриваются в форме букв легенды: первый знак искажен так, что он изображен в форме острой скобки, острием вверх, второй знак «'» соединен с первым знаком, остальные буквы не сохранились (см. Табл. 5, № 3).

О.с. Той же степени деградации изображение лучника.

Серебро. Сведений по метрическим данным нет (см. Табл. 3, № 5).

Эта монета № 5 опубликована Е. В. Зеймалем [Зеймаль 1983: Табл. 31, № 06].

Иконографический анализ показал, что на самых ранних монетах с лучником есть диадема, но на монетах позднего времени, в т.ч. и на описываемых пяти редких монетах, ее также нет. Диадема – важный элемент, который указывает на то, что это – портрет правителя, царя, князя. Ее отсутствие говорит о том, что изображенный на монете персонаж, хотя и изображен на монете на месте правителя, но таким не является. Возможно, это подчиненный правитель. Это подтверждается еще и содержанием легенд.

На монетах, стоящих очень близко к прототипам, диадема присутствует, а также есть греческая легенда с именем Антиоха и царским титулом «ΒΑΣΙΛΕΩΣ». Хотя на этих редких ранних выпусках

есть титул «ΒΑΣΙΛΕΩΣ», но он определяет статус Антиоха, но не Аштама. Имя этого согдийского правителя Аштама титулом не сопровождается. Добавим к отсутствию титула левосторонний портрет и получим правителя, который подчинен, по всей вероятности, селевкидскому царю Антиоху.

Не удивительно, что на подражаниях драхам Антиоха очень быстро исчезает как диадема, так и титул. На монетах с лучником уже нет ничьих титулов, а есть только согдийские имена. По всей видимости, эти правители не были самостоятельными, а являлись подчиненными – сатрапами. Об этом говорит не только отсутствие титула, но и левостороннее изображение портретов. Все античные выпуски монет Александра Македонского, Селевкидов, императоров древнего Рима и другие портреты правителей изображались вправо, левосторонние портреты, как правило, – выпуски монет сатрапов, подчиненных правителей. Таким образом, этот кратковременный чекан Каутса / Кчутса или Раутса / Рчутса был монетным выпуском сатрапа, подчиненного правителя.

Три признака: левосторонний портрет, отсутствие диадемы, отсутствие титула – прямое доказательство того, что эту серию монет выпускали подчиненные, а не самостоятельные правители. Серия эта, судя по прототипам и множеству разновидностей монет, была, как и все древнейшие раннесогдийские серии, долговременным чеканом, продолжительность которого охватывает несколько столетий. Самые ранние монеты (см. Табл. 2, № 1 правая и № 1 левая сторона) датируются по наличию читаемых греческих легенд II – I вв. до н.э., а последние выпуски, как показывают археологические исследования, обращались до V – нач. VI в. Начальная дата чекана достаточно условна, присутствие читаемых греческих легенд позволяет самые ранние монеты датировать столь ранним временем.

Основная масса находок приходится на городище Афрасиаб (1500 экз.) и Пенджикент (68 экз.), Тали-барзу (29 экз.) т.е. на территорию Восточного Согда, но в Южном Согде монеты с лучником, судя по количеству находок, являются привозными монетами. Сведений о месте находки самых ранних экземпляров нет. Это беспаспортные находки из музейных собраний. Основная масса монет этого иконографического типа, таким образом, происходит из Восточного Согда. В этой связи и монеты «Каутса / Кчутса» или Раутса / Рчутса являются чеканом Самаркандского Согда первых веков н.э.

Монеты с изображением коня, отпочковавшиеся от подражаний драхам Антиоха с конем, отчетливо разделяются на два вида (см. Табл. 1, № 2 и № 3). Один из них, вероятно, происходит из коллекции

Британского музея [Allotte de la Fuye 1910: Pl. X (VI), № 5], а место хранения второго с легендой «'št'm» не известно [Зеймаль 1983: Табл. XXII, № 01].

Монеты эти с явно разными портретами правителей, хотя, судя по одинаковой степени деградации изображения протомы коня, выпуск их мог происходить параллельно. Такое параллельное развитие чеканов указывает на работу двух монетных дворов. Два разных левосторонних портрета на этих монетах с протомой коня влево на одной монете, а на второй – вправо. Е. В. Зеймаль монету с портретом влево с легендой «Аштам» на лицевой стороне и протомой коня вправо на оборотной стороне относит к чекану лучника по наличию легенды Аштам. Эта монета в самом начале, от него (от № 01), он считает, и произошел лучник с греческой легендой, передающей имя и титул Антиоха [Зеймаль 1983: Табл. XXII № 01]. Аллотт де ла Фюи наоборот – помещает монету с легендой Аштам с конем влево не в начало ряда, а за ранними монетами с лучником [Allotte de la Fuye 1910: Pl. X (VI), № 5].

Е. В. Зеймаль определил, что на одном из последних этапов «композиционная схема на грани окончательного распада и близка к потере содержания». Однако этого не произошло, а резчики так восстановили фигуру лучника, что она становится вновь узнаваемой.

Однако проведенный анализ иконографии монет этой серии показал, что это не совсем так. Есть еще один фактор, доказывающий работу двух, а не одного монетного двора. Выявленные две параллельные линии развития этого чекана Аштама с лучником и монеты с конем, отражают работу двух монетных дворов. Также и поздние монеты с почти потерявшими содержание изображениями сосуществовали параллельно с теми, где фигура лучника узнаваема. Это их параллельное сосуществование подтверждает наши предположения о работе двух монетных дворов в Согде. Развитие многих серий подражательных чеканов показывает, что процесс стилизации, разложения изображений, если прерывался, то с заменой типа, но никак не с восстановлением уже деградировавших изображений. Скорее всего, налицо конечный результат параллельного развития чекана двух монетных дворов. Причем, очень рано выделяется и третий монетный двор, который проработал очень короткое время. Иконографический анализ монет серии с лучником позволил выявить этот третий монетный двор, его представляют 4 редких экземпляра монет «Каутса / Кчутса» или Раутса / Рчутса. Иконографический анализ показал, что на уровне стилизации лучника до стадии, когда вокруг головы еще хорошо различим нимб, есть монеты с разными портретами прави-

телей. И они также сосуществуют параллельно. Лучник, изображенный на монетах «Каутса / Кчутса» или Раутса / Рчутса такой степени стилизации, как и на крупных номиналах серии с лучником, где за головой правителя изображены искаженные греческие легенды. Т.е. линия 2 с искаженными греческими легендами параллельна линии 1 с искаженными греческими и читаемыми согдийскими легендами. Внутри линии 1 отпочковались два разных чекана: как продолжение линии 1 и новый с «Каутсу / Кчутсу» или Раутсом / Рчутсом. Новый чекан этого правителя – это результат работы третьего монетного двора.

Выпуск этих монет «Каутса / Кчутса» или Раутса / Рчутса относительно всей серии монет с лучником достаточно ранний, изображения лучников стилизованные, но пока вполне узнаваемы (см. Табл. 2, левая сторона, № 4). Они сосуществуют параллельно с выпусками монет с искаженными греческими легендами (см. Табл. 2, левая сторона № 4 – 6). О кратковременности этого выпуска «Каутса / Кчутса» или Раутса / Рчутса говорит и тот факт, что монет всего 5 экземпляров, а подражаний этому типу вообще нет, тогда как подражаний монетам Аштама и монетам Антиоха множество. Нужно отметить, что легенда на одном из 5 экземпляров несколько отличается тем, что первый знак несколько искажен. Если первая буква имени «R» или «K» имеет зигзагообразное горизонтальное ответвление слева (см. Табл. 3, № 1), то на одной из монет она так практически соединена со вторым знаком и это ответвление имеет не зигзагообразную форму, а форму прямого штриха, присоединенного под наклоном, образуя острый угол (см. Табл. 3, № 5). Поэтому воспринимается как знак «β».

Датировка монет «Каутса / Кчутса» или Раутса / Рчутса затрудняется тем, что ни одна из этих четырех монет не найдена при проведении археологических исследований, а происходят из беспаспортных музейных собраний. Вместе с тем, монеты «Каутса / Кчутса» или Раутса / Рчутса хронологически далеко отстоят от датированных поздних экземпляров монет с лучником V – нач. VI вв. Возможно, предположительно пока, до получения более точных данных, их можно датировать очень широко – первыми веками н.э.

Все монеты с изображением лучника обращались в пределах Восточного Согда. Серия эта, как и все древнесогдийские монеты, длительная. Длительность развития первых чеканов – одна из характерных черт развития денежных отношений Согда. Вторая характерная черта – это уменьшение веса и размеров монет к концу развития серии, когда прототипом является эллинистическая драхма. Монеты с

лучником, как и все древнесогдийские серии, от драхмовых прототипов сильно теряют вес, но при этом количество выпускаемых экземпляров в десятки, сотни раз увеличивается. Это свидетельствует об увеличении торговых сделок внутри Согда, внутри каждого его локального княжества. В дальнейшем мельчайшие чеканы трансформируются в медные. Самые мелкие древнесогдийские чеканы являются предвестниками медных монет, признаком перехода во внутренней торговле к денежному обращению на основе субератных и медных выпусков. А также они свидетельствуют о подъеме, интенсивности внутренней торговли.

Эти три монетных двора, выпускавших монеты с изображением лучника, работали в пределах Самаркандского Согда. Вполне возможно, что один из них находился в пределах городища Афрасиаб, в крупном городском центре Восточного Согда. Параллельно в Восточном Согде работали монетные дворы, выпускавшие монеты по типу драхм Антиоха с протомой коня и с головой правителя вправо, их было несколько, судя по 5 самостоятельным чеканам. Причем 4 из них с изображением правителя влево и один вправо [Мусакаева 2018: 130]. Эти факты свидетельствуют о нескольких локальных княжествах с самостоятельными чеканами в пределах Восточного Согда. Их число увеличивается в первых веках н.э.

Использованная литература

Гафуров 1952 – Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. Том 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952.

Григорьев 1940 – Григорьев Г. В. Поселения древнего Согда (По данным исследования городищ Самаркандского района) / КС ИИМК, вып. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 24 – 43.

Ерназарова 1974 – Ерназарова Т.С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до нач. IX в.) // Афрасиаб, Вып. 3. Ташкент: Фан, 1974. С. 155 – 237.

Зеймаль 1972 – Зеймаль Е. В. Тали-барзинский клад монет с изображением лучника // Сообщения ГЭ, вып. 34. Л.: Аврора, 1972. С. 70 – 75.

Зеймаль 1983 – Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983.

Кабанов 1958 – Кабанов С.К. Согдийское здание V в. в долине р. Кашкадарья // СА, вып. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 144 – 151.

Кабанов 1965 – Кабанов С. К. Руины поселения III – V вв. в долине Кашкадарья // ИМКУ, вып. 6. Ташкент: Фан, 1965. С. 71 – 86.

Кабанов 1981 – Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III – VI вв. По материалам исследований в зоне Чимкурганского водохранилища. Ташкент: Фан, 1981.

Массон 1955 – Массон В. М. Денежное хозяйство в древней Средней Азии // ВДИ, 1955, № 2. С. 37 – 47.

Мусакаева 2018 – Мусакаева А. А. К вопросу о начальном этапе денежных отношений в Согде // ИМКУ, вып. 40. Самарканд, 2018 (2019). С. 115 – 133.

Обельченко 1966 – Обельченко О.В. Сазаганские курганы // ИМКУ, вып. 7. Ташкент: Фан, 1966. С. 66 – 81.

Смирнова 1963 – Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949 – 1956 гг.) М.: ИВЛ, 1963.

Ташходжаев 1974 – Ташходжаев Ш. С. Археологические исследования древнего Самарканда в 1973 г. // Афрасиаб, вып. 3. Ташкент: Фан, 1974. С. 3 – 24.

Тревер 1950 – Тревер К. В. История народов Узбекистана. В 2-х томах. Том 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950.

Allotte de la Fuye 1910 – Allotte de la Fuye. Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines // Revue Numismatique, t. 14, Paris, 1910, p. 281 – 333.

Droin 1894 – Droin E. Monnaies de deux nouveaux rois de la Sogdiane // Revue Numismatique. 3ème série, t. 12. Paris, 1894. p. 174 – 182.

Mitchiner 1973 – Michael Mitchiner. The Early Coinage of Central Asia. London: Hawkins Publications, 1973.

A RARE TYPE OF COIN FROM EASTERN SOGD WITH THE IMAGE OF AN ARCHER

Alfiya Musakaeva

This article is devoted to the rare minting of a series of coins with the image of an archer. It was possible to identify four copies of coins with the image of the ruler on the obverse of the ruler, (with a Sogdian legend behind his head that conveyed his name) and with the image of an archer on the reverse. Three coins of this type that were previously published are not well preserved; the Sogdian legends are half-erased and difficult to distinguish. The collection of the State Museum of the History of Uzbekistan of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan contains a fourth example of this type of coin with a Sogdian legend that is fairly clearly written. This coin has not been published before. A new interpretation of the legend is proposed and two types of coins and several variants within the first type are identified. Iconographic analysis

shows that the ruler was a subordinate ruler, due to the lack of a title and other signs below. A date is proposed for the coins of this unique issue.

Keywords: Coin, legend, imitations of Hellenistic prototypes, Sogdian legends, archer, diadem, monetary circulation, treasure, degradation of images, coinage.

Часть 3. Памятники материальной культуры.

V

ОЧЕРК ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО СОГДА В VI в. до н.э. – V в. н.э.

(по результатам изучения Варахши и её сельской округи)

Ш. Т. Адылов

Первая часть статьи посвящена исследованиям на территории сельской округи древнего города Варахша (к западу от городища), в частности раскопкам поселения Урта-тепа. Во второй части публикации рассматриваются вопросы хронологии объекта, история сложения его крепостных стен, периоды обживания. В третьей части полученные результаты изучения поселения сопоставляются со сведениями письменных источников по истории региона данного периода, с нумизматическими материалами, а также с информацией, полученных в результате исследований других древних городов и селений Западного Согда, которые позволяют сделать некоторые выводы касательно его политической и социально-экономической истории в указанном отрезке времени.

Ключевые слова: Бухарский оазис, Западный Согд, согдийцы, Варахша, Дахфандун, Бухара, Нумиджкат, Навакмитан.

Западную часть сельской округи древнего города Варахша составляет особая зона сосредоточения остатков пунктов расселения, которая называется Баш-тепинской – по обозначению основного и наиболее известного объекта данной группы археологических памятников (Рис.1). Зона расположена на ныне сухом хвостовом участке исторического канала (протока) Рамитанруд, берущего начало из другого магистрального канала Вабкентдарья (древнее название – Гау-Хитфар). Данный проток упоминается в письменных источниках (ал-Истахри) в числе крупнейших каналов области Бухары под названием Рамисана [Бартольд 1963: 163], и своим названием он был обязан раннесредневековой столице региона, располагавшейся на его берегу (городище Курган-Рамитан). В прошлом Рамитанруд в своём нижнем течении разветвлялся на территории Варахшинского массива на множество более мелких русел, также ныне сухих. На это указывают как письменные источники (ан-Нишабури) [Frye 1954: 17], так и современные археолого-топографические изыскания [Мухамеджанов 1978: 96 – 99]. Одно из проточных русел снабжало водой непосредственно сам древний город и, согласно письменным источникам (ал-

Истахри), носило то же самое название, хотя и отражённое в несколько иной форме – Фарахша [Бартольд 1963: 163]. Согласно другим источникам (ан-Нишабури), в глубокой древности город носил другое название – Раджфандун (точнее – Дахфандун) [Frye 1954: 17]. Возможно, точно так же в те времена именовался и сам отводной канал-проток, обозначенный в письменном источнике как Фарахша. Основное русло канала Рамитанруд в прошлом пересекало весь этот район с востока на запад и достигало Баш-тепинской зоны.

Ещё в довоенные и первые послевоенные годы археологическая экспедиция под руководством В. А. Шишкина, наряду с раскопками городища Варахша, проводила исследования на данном участке земель древнего орошения [Шишкин 1956: 163 – 172; 1963: 137 – 144; Жуков 1956: 173 – 204]. В числе прочих объектов исследователи зафиксировали и поселение Урта-тепа на северо-западе зоны примерно в 1 км южнее Баш-тепа. В. А. Шишкин упоминает об этом объекте, правда без каких-либо подробностей [Шишкин 1963: 139].

В 1985 г. на Варахшинском массиве проводил исследования археологический отряд под руководством А. Р. Мухамеджанова. В ходе работ поселение было визуально обследовано, снят топографический план, определены размеры памятника и его предварительная датировка – IV в. до н.э. – IV в.н.э. [Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Вульферт, 1990: 156].

В 1990 г. во время очередной экспедиции в зону памятник обследовался вторично.¹ Основные задачи заключались в уточнении хронологии памятника, его размеров, в выяснении характера оборонительной системы, а также перспектив дальнейших стационарных работ. В результате получены данные по укреплениям, планировкам нескольких строительных периодов, а также обширные комплексы керамики. В силу некоторых причин и обстоятельств подготовку развёрнутого научного сообщения по итогам работ пришлось отложить на долгое время, и только в наши дни появилась возможность для реализации замысла. Тем не менее, результаты этих исследований в общих чертах уже получили отражение в более ранних публикациях. В частности, в них отмечено более точное время запустения поселения Урта-тепа и всей зоны – III в. н.э. [Адылов 1995: 50; 2002: 77].

¹ В раскопках принимали участие следующие сотрудники разных учреждений: Ш. Т. Адылов (Институт археологии АН РУз), Г. Л. Семёнов и И. К. Малкиэль (Государственный Эрмитаж), Н. Насырова и Б. Ибрагимов (Бухарский историко-архитектурный музей-заповедник). Финансирование работ осуществлялось со стороны Бухарского музея.

Урта-тепа в его нынешнем состоянии представляет собой аморфный в плане холм площадью около 0,25 га с крутыми обрывистыми краями с севера, запада и востока. Поверхность холма полого снижается с севера на юг, высота достигает 6 м от уровня дневной поверхности. После того, как были начаты раскопки в северо-западном секторе памятника, выяснилось, что аморфность плана только кажущаяся. В действительности же поселение квадратное в плане со стороной 50 м (Рис. 2). К югу на небольшом удалении от поселения на такырах отмечены скопления керамики, которые свидетельствуют о некогда существовавших на этих местах жилищах, впоследствии полностью размытых водой при разливах. Преимущественно – это обломки посуды первых вв. н.э., однако местами зафиксированы также фрагменты сосудов цилиндрических и баночных очертаний, а также с другими признаками, характерными для VI – V вв. до н.э.

Оборонительные сооружения

Оборонительные сооружения исследовались в северо-западном углу поселения. Открыто пять рядов крепостных стен, относящихся к разным периодам и этапам обживания Урта-тепа (Рис. 3).

Оборонительная стена I строительного периода сооружена из пахсы, имеет вертикальную внутреннюю поверхность и фасад с наклоном около 78 градусов. Толщина стены поверху составляет 1,6 м. Расчищен угол стены, и он указывает на отсутствие угловой башни. Изнутри к стене прилегает жилая застройка. Вдоль западного фасада стена расчищена на 10 м, вдоль северного – на 1,5 м.

Оборонительная стена II периода пристроена снаружи к более ранней стене. Её толщина поверху составляет 1,5 м. Она сооружена из пахсовых блоков, а между блоками – «строчка» из одного ряда сырцовых кирпичей размерами 43 х 39 х 12 см и 43 х 34 х 14 см. Наклон фасада около 73 градусов, башня отсутствует.

В III строительном периоде к предыдущей стене пристраивается пахсовая «рубашка». На уровне сохранившегося верха эта стена сходит на нет к фасаду укрепления II периода и утолщается к низу за счёт угла наклона, который составляет около 60 градусов. По западному фасаду пахса разделена на блоки размером 90 х 90 х 83 см, а по северному фасаду блоков не отмечено. Башня на углу, бойницы и прочие элементы обороны отсутствуют.

Далее снаружи от стен I – III периодов сооружено очередное укрепление. При этом между фасадом более ранней «рубашки» и

внутренней поверхностью стены IV периода образуется обводной коридор. По раскопанному уровню на западе ширина коридора составляет около 3 м, на севере – столько же, а к основанию из-за сильного уклона фасада стены III периода ширина коридора существенно уменьшается. Толщина стены по гребню на западе составляет 4 м, на севере – 2,3 м. Внутренняя поверхность стены IV периода вертикальная, фасад имеет наклон под углом около 80 градусов. Стена сооружена из пахсовых блоков размерами 82 х 60 х ? см с прокладкой ряда кирпичей между блоками. Размеры кирпичей: 38 – 42 х ? х 12 см, 43 х ? х 13 см и 47 х ? х 12 см. Впоследствии коридор между стенами с северной стороны был залит жидкой пахсой, а с западной стороны до сохранившегося верха стен заполнен культурными отложениями. При этом верхние прослойки поверху перекрывали остатки стен I – III периодов (Картина напластований внутри западного коридора отражена на разрезе 1 – 1).

По разрезу сверху залегает дерновый слой толщиной до 5 см. Ниже отмечен слой земли светло-серого цвета с прожилками светло-коричневого оттенка. Он образовался как результат разрушения стены, состоит из обломков сырцовых кирпичей и комков глины. Толщина слоя местами достигает 0,7 м. Из слоя получен небольшой комплекс керамики (Рис. 4). В юго-западном углу слой прерывается опущенной сверху ямой, заполненной обломками сырцовых кирпичей, кусками обожжённой глины, песком и лёссом. Глубина ямы составляет 1,2 м, ширина не установлена. Под слоем с обломками кирпичей и комками глины залегает пахсовый грунт светло-серого цвета с горизонтальной поверхностью. Он, видимо, служил для создания платформы под более поздние прослойки и перекрывал поверхность стен I – III строительных периодов. Слой пахсы имеет толщину до 0,4 м на юге, и сходит на нет на севере. Ниже находится прослойка мягкой земли – возможно, древесный тлен. Так же как и все последующие прослойки имеет наклон с севера на юг. Далее вниз залегает плотный глинистый слой серого цвета, ещё ниже – снова прослойка древесного тлена и т.д. В этой части разреза постоянно чередуются слои плотной глины с лежащими на них прослойками древесного тлена. Общая толщина этих прослоек глины и тлена составляет 0,7 м на севере и 0,3 м на юге. Самая нижняя из этих прослоек залегает уже горизонтально в направлении на юг. Под этой прослойкой отмечен слой земли серого цвета с включением обломков сырца, костей и большого количества фрагментов керамики (Рис. 5 – 6). Толщина слоя около 0,6 м. Ниже вскрытие не проводилось.

Все эти слои и прослойки заполнения возникли как результат функционирования коридора в качестве элемента обороны и коммуникации. Прослойки тлена, скорее всего, могли быть остатками циновок, которыми застилали многочисленные уровни полов.

Почти все образцы керамики из заполнения западного коридора изготовлены на станке, выделяются высоким качеством, представлены как фрагментами, так и целыми формами: хумы, хумчи, тагары, корчагообразные, горшковидные и кувшиновидные сосуды, чаши, миски. Общей чертой хумов и большинства хумчей является отсутствие шейки или её слабая выраженность. У всех бочкообразная, приближающаяся к цилиндрической форма с поверхностью в виде гофр. Днище подкошено, причём переход к нему от тулова выделен рельефно и обработан по кругу ножом. Эти архаические черты унаследованы от сосудов аналогичного назначения «ахеменидского» периода. Ещё одной особенностью является красный ангоб различных оттенков на подавляющем большинстве хумов и хумчей, тогда как посуды с красными черепками мало. Преобладают сосуды с черепками желтоватых, коричневых и розовых оттенков. Касаясь подробнее этих особенностей, отметим, что красный ангоб был широко распространён на хорезмийской керамике ещё в Архаическом периоде (VII – V вв. до н.э.). Это сугубо региональная специфика, в других историко-культурных областях Средней Азии подобный ангоб появляется позже [Воробьёва 1959: 52; 1979: 45; Вайнберг 1979: 38;]. В т.н. «Раннекангюйском» периоде (IV – III вв. до н.э.) посуда с красным ангобом как хозяйственного, так и столового назначения на территории Хорезма получает ещё более массовое распространение [Воробьёва 1959: 86 – 87]. К слову, в указанное время красный ангоб характерен для тонкостенной столовой посуды центральных и южных районов Согда, однако нет сведений, что он также широко применялся на толстостенной тарной керамике этих частей региона. Часть хумов и хумчей имеют типично «раннекангюйские» черты в профиле венчика: слегка отогнутая и заострённая к низу закраина, переходящая в желобок наподобие шейки, который завершается ребристым выступом. Разновидностью этого же типа являются сосуды, у которых вместо ребристого выступа имеется поясок-валик, а закраина венчика в сечении вытянуто-округлых очертаний, напоминающих манжет. Подобные пояски-валики под закраинами присутствуют на многих хумах и хумчах Хорезма уже в Архаическом периоде [Воробьёва 1959: 70]. По-видимому, это тоже локальная черта. Однако на этом сходство с синхронными сосудами Хорезма завершается. Большая часть других сосудов тарного назначения тоже покрыта ангобом преимущественно

желтоватых и светло-коричневых оттенков. Особо отличительными признаками сосуда, похожие на корчаги, горшки и кувшины, не обладают. Можно отметить разве что отогнутые закраины венчиков, слегка утолщённые и заострённые к низу, а также имеющиеся у некоторых сосудов невысокие в рельефе ребристые выступы или опять-таки пояски-валики в месте перехода от шейки к тулову. Столовые сосуды в основном тоже покрыты ангобом тех же оттенков. По очертаниям чаши делятся на три основных типа: цилиндрико-конические, полусферические и сосуды промежуточного профиля. Все миски имеют отогнутые венчики в виде коленчатого изгиба. Выделено три варианта: миска со слегка утолщённой закраиной, близкой в сечении к треугольнику, миска с тонкой закраиной, отогнутой строго горизонтально, миска с более крутым отгибом к низу, что сближает её с «рыбным блюдом». Наиболее крупные среди мисок первого типа, возможно, относятся к разряду тагара. Придонные части чаш и мисок нередко затёрты, но ещё не до лоска. Их днища после формовки срезались с круга нитью, сосудов с поддонами не отмечено.

Керамика из слоёв заполнения западного коридора ничем не отличается от синхронной посуды из других объектов Западного Согда: Бухары (период Бухара-I), городища Рамиш (период Рамиш-I) и городища Пайкенд (нижние слои цитадели). Все эти комплексы хорошо изучены, их датировка определяется в рамках IV – III вв. до н.э. Все исследователи, изучавшие керамику региона этого времени, указывают на широкие аналогии в синхронных комплексах из археологических памятников Хорезма и Центрального Согда [Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов 1982: 83 – 84; Сулейманов, Ураков 1977: 63; Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Семёнов 1988: 148 – 153].

К последнему V строительному периоду относится пристройка к стене кладки из пахсовых блоков толщиной на западном фасаде до 0,7 м, на северном – чуть меньше. Фасадная поверхность сильно разрушена, и установить на открытых участках её профиль и точную толщину не удалось. На западном фасаде расчищен отрезок кирпичной кладки из крупноформатного сырца размером 62 x 38 x 13 см.

Общей чертой оборонительных сооружений всех строительных периодов является использование пахсы в качестве основного строительного материала, отсутствие башен на расчищенном северо-западном углу, а также бойниц. Стены I – III периодов можно выделить как 1-й большой этап в строительстве укреплений поселения, а стены IV – V периодов обозначить 2-м этапом. На последнем этапе ранние оборонительные стены были перекрыты слоем глины и использовались в качестве платформы.

Если сопоставлять данные по укреплениям Урта-тепа с материалами из других поселений зоны, то можно отметить, например, выявленные при зачистках на Баш-тепа 4 ряда оборонительных стен [Шишкин 1963: 139].

Жилая застройка

В жилой застройке пока что выделено два строительных периода – верхний и нижний, хотя в действительности их было, несомненно, больше; самые ранние периоды застройки раскопками пока не затронуты.

К верхнему периоду относится слой глины, кроющий остатки укреплений I – III периодов и две хозяйственные ямы, вырытые в северо-западной части раскопа в кладке ранних стен.

Восточная яма имеет прямоугольную форму, её размеры составляют 3,3 x 1,5 м, ориентирована по линии В – З. Стены ямы в восточной части сохранились на высоту 0,9 м, наклонны вовнутрь и оштукатурены несколькими прослойками глины общей толщиной до 12 см. За штукатуркой – мягкий грунт земли, в которой была вырыта яма. Из этого грунта земли получены несколько фрагментов керамики с красным черепком, покрытых ангобом того же цвета, а также со следами лощения. Следует добавить, что западную стену ямы образует внутренняя поверхность стены I-го строительного периода, покрытая штукатуркой. В яме выявлена начинавшаяся от пола кладка из сырца размером 47 x 49 x 10 см. Кладка приставлена к поверхности стены с запада. Ширина кладки – 0,9 м, толщина раствора – 10 см. Заполнение ямы составляют мягкие прослойки с включением гумуса. Отмечены фрагменты бокалов на вытянутых ножках. Внешняя поверхность сосудов покрыта красным ангобом под цвет черепка и залощена. На полу ямы в 0,7 м к востоку от приставной кладки выявлена щель шириной 10 см и глубиной 30 см.

Западная яма тоже имеет прямоугольную форму; её размеры 1,9 x 2,9 м, ориентирована по линии С – Ю, сохранившаяся глубина – 0,9 м. Яма опущена в тела крепостных стен I – II периодов на северо-западном углу и отчасти в участок заполнения более раннего слоя, прилегающего к первой стене. Угол стены расчищен по полу и по восточной стене ямы. Само заполнение ямы составляет рыхлый грунт земли с прослойками гумуса. В яме отмечено большое количество керамики (Рис. 9). Среди наиболее частых форм следует выделить цилиндрико-конические кубки на вытянутых и конических ножках. Сосуды имеют коричневый или красный черепок, слегка пористый, не

очень хорошего качества. Ангоб преимущественно красный и только по внешней поверхности, часто со следами сплошного лощения. Характерной формой комплекса являются и одноручные кувшины с широкими и короткими горловинами. Отличительный признак этой формы – три ряда валиков на закраине венчика. Черепок у этих сосудов розовый или красно-розовый, ангоб под цвет черепка, поверхность подвергнута сплошному лощению. Отмечены также фрагменты бокалов с узкими резервуарами на вытянутых ножках, аналогичных тем, что отмечены в соседней яме, фрагменты фляг, покрытых серым ангобом, фрагменты сосудов типа кувшинов и корчаг с валиками на закраинах венчиков и др. Все вышеотмеченные формы широко представлены в комплексах керамики из Бухары (период Бухара-III) и городища Рамиш (период Рамиш-III) [Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов 1982: 86 – 89; Сулейманов, Ураков 1977: 64]. Вся керамика из ям датируется в рамках II – III вв.

К нижнему периоду жилой застройки относится частично вскрытое помещение, прилегающее изнутри к северо-западному углу крепостной стены I периода. Крепостные постройки образуют западную и северную стены самого помещения. Ширина помещения составляет 4,5 м, длина не установлена; глубина вскрытия составила 1,5 м. Заполнение поверху представляет собой слой земли с включением гумуса, расположенный под уклоном на запад и на юг от северной линии стены. В слое выявлено множество костей животных, два ткацких грузила и обширный комплекс керамики (Рис. 7-8). Он состоит из хумов, хумчей, больших и малых кувшинов, кубков, чаш, мисок, сосудов типа корчаг и горшков. При сопоставлении с керамикой из заполнения обводного коридора сразу же бросаются в глаза заметные отличия в формах сосудов, фактуре черепков и способах вторичной обработки. Появляется посуда с серым черепком среди столовой керамики, однако преобладают всё же образцы с красным и красно-коричневым черепком; ангоб преимущественно красный, на поверхности сосудов, как правило, следы сплошного лощения. На многих хумах и хумчах ангоб отсутствует, на остальных покрытие желтоватых, коричневатых и красных оттенков. Очертания хумов и хумчей в целом и профили их венчиков в частности в силу традиционной консервативности меняются незначительно, разве что проявляется тенденция к более чёткому выделению шейки. То же самое относится к кувшинам и сосудам типа корчаг и горшков. Ребристый выступ в месте перехода от горловины к тулову исчезает, но в то же время у некоторых сосудов всё ещё сохраняется поясок-валик в указанном месте, а закраины венчиков приобретают более

вытянутые и овальные в сечении очертания. Довольно много образцов цилиндрико-конических кубков на конических и вытянутых фигурных ножках мисок с отогнутыми закраинами венчиков. Все они имеют ангоб под цвет черепка и подвергнуты лощению. Все эти сосуды широко представлены в комплексах из Бухары (период Бухара-II), городища Рамиш (период Рамиш-II), а также курганах рубежа н.э. из Лявандакского и Куимазарского могильников на восточной окраине Бухарского оазиса [Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов 1982: 84 – 85; Сулейманов, Ураков 1977: 64; Обельченко 1956: 224 – 225; 1961: 150 – 155]. Они датируются в пределах конца II в. до н.э. – нач. II в. н.э. Слой гумуса в заполнении помещения подстилает завал из обломков пахсы, возникший в результате частичного разрушения стен. Ниже раскопки не проводились.

Вопросы эволюции и хронологии поселения

Можно со всей определённостью утверждать, что поселение Урта-тепа возникло не позднее IV в. до н.э., хотя самые нижние слои не были достигнуты. Исследованиями предыдущих лет уже доказано, что зона плотно обживалась уже в VI – V вв. до н.э., тогда как на основной территории Варахшинского массива, да и всего Бухарского оазиса, памятников этого периода не зафиксировано. Учитывая данные факты, а также недостаточно ясную стратиграфию поселения, нельзя исключать дату его возникновения в пределах указанного времени. Скопления керамики «ахеменидского» периода, отмечаемые в окрестностях холмов-тепа практически на всём ареале Баш-тепинской зоны, залегают на поверхности такыров. Скорее всего, поселения этого времени состояли из жилищ типа землянок или полуземлянок. Поэтому они визуально не выделяются в рельефе местности, а их остатки, если такие сохранились, могут быть выявлены только раскопками. Тем не менее, на примере поселений Кумрабад-I – II на территории Канимехского оазиса (к северо-востоку от Бухарского оазиса) можно утверждать, что жители окраин Западного Согда в VI – V вв. до н.э. уже были знакомы с пахсовой архитектурой [Мухаммаджонов 1991: 31 – 32].

Согласно современным данным, раннее поселение на месте городища Варахша возникло ещё в IV в. до н.э., и уже с самого начала оно представляло собой урбанизированный пункт [Адылов 2002: 77; Адылов, Мирзаахмедов 2008: 67]. Этим же временем датируются и первоначальные укрепления древнего города, выявленные вблизи северо-западного угла шахристана. Раскопками прошлых лет здесь

расчищены полукруглая башня и участок крепостной стены, сооружённые из сырцовых квадратных кирпичей нестандартного формата: от 36 x 36 x 9 до 44 x 44 x 10 см. Стены башни и куртины пронизаны стреловидными бойницами, и они указывают на наличие обводной стрелковой галереи. По всем признакам эти укрепления были рассчитаны на специализированную оборону, свойственную крупным крепостям и городам. Первоначально они были датированы в рамках II в. до н.э. – II в. н.э., однако это противоречит находкам на полу башни. Судя по иллюстрациям, выявленный здесь комплекс керамики характерен для периода Бухара-I или Рамиш-I [Кабанов 1959: 134 – 136, 149].

В непосредственной близости от древнего города и на дальних подступах в одно время сложилась и его сельская округа в виде небольших поселений, одним из которых являлось Урта-тепа. Его укрепления 1-го этапа (I – III периодов) строились в течение всего IV в. до н.э.; в целом они синхронны ранней крепостной стене Варахши. С учётом малых размеров поселения (первоначально – примерно 30 x 30 м) следует предполагать, что оно являлось местом обитания одной большой патриархальной семьи. В «Авесте» она известна под названием «мана» [Дандамаев 1985: 14]. Одновременно Урта-тепа подобно другим поселениям Баш-тепинской зоны играло роль небольшой крепости на границе земель древнего орошения со степью. Оборона этих пунктов осуществлялась с поверхности крепостных стен под прикрытием парапетов. Подобного рода малые укрепленные поселения (большие дома), возникшие в IV в. до н.э., хорошо известны по материалам Хорезма [Толстов 1948: 100 – 101]. Поначалу (I период) внешняя стена Урта-тепа представляла собой скорее забор-ограду. Затем (II период) мощность укреплений значительно возросла, и стало возможным осуществлять оборону с поверхности стен. Далее (III период) произошло укрепление первоначальных стен «рубашкой».

В начале 2-го этапа (IV период) произошло значительное расширение площади поселения. В его планировке появился новый элемент – обводной коридор, имевший значение в качестве средства коммуникации для обеспечения защитникам мобильности при обороне. Кроме того, он мог играть роль казематов, склада боеприпасов или даже своеобразного рва-ловушки перед более ранним ярусом обороны. Обводной коридор не являлся стрелковой галереей, поскольку в стене по-прежнему отсутствовали башни и бойницы, и оборона всё также осуществлялась с поверхности стен. Однако при этом был создан не просто дополнительный, а качественно новый ярус фортификации. В конце 2-го этапа (V-й период) мощность укреплений снова увели-

чилась за счёт внешней пристройки. Судя по находкам в заполнении образовавшегося коридора и в теле стен, укрепления 2-го этапа строились в течение III – II вв. до н.э. Стало быть, стену IV периода можно датировать в рамках III в. до н.э., а стену V периода – концом III – нач. II вв. до н.э.

Отсутствие на Урта-тепа угловых башен, бойниц и попутно стрелковой галереи можно объяснить исходя из малых размеров поселения-крепости. Все вышеотмеченные элементы фортификации рассчитаны на интенсивную оборону с большой кучностью поражения от стрел на единицу площади. Но при этом подобная система предусматривает и большое количество обороняющихся защитников. А между тем на этом поселении полезная площадь обживания внутри стен первоначально составляла не более 20 x 20 м. Понятно, что число людей и потенциальных воинов, проживавших на данной площади, было ограниченным. Ввиду этого, на каждого защитника выпадали дополнительные нагрузки – каждый из них в отдельности должен был иметь возможность обзирать без помех окружающее пространство. Каждый воин должен был контролировать достаточно большой сектор обстрела, не говоря уже о мобильности. Поэтому в данном случае двухъярусная оборона с поверхности стен под прикрытием парапетов являлась наиболее рациональной. В дальнейшем, возможно с конца II в. до н.э., происходит забутовка обводного коридора, крепостные стены поселения теряют своё прямое функциональное назначение, и оно больше не играет роль крепости на границе оазиса со степью. Тем не менее, поселение продолжает интенсивно обживаться на площади внутри первоначального периметра стен, пока культурные наслоения полностью не заполняют пространство ранних жилищ. Затем примерно во II в. н.э. поверх забутовки более ранних комнат, обводного коридора и над утратившими своё назначение укреплениями возводятся стены новых помещений. Однако на вершине холма Урта-тепа эти постройки не сохранились, поскольку располагались на вершине холма и подвергались воздействию осадков и ветров. Тем не менее, об их былом существовании свидетельствуют сохранившиеся мусорные ямы II – III вв. К этому времени община, обживавшая поселение, сильно разрослась, и поэтому люди стали расселяться отдельными домами за пределами старых укреплений в ближайших окрестностях на равнине. Не исключено, что процесс расселения жителей за пределами крепостных стен наметился ещё на рубеже II – I вв. до н.э., о чём можно судить по подъёмному материалу в ближайших окрестностях. Причём эта тенденция была характерна не только для Урта-тепа, но и других поселений зоны.

В III в. перестают обживаться не только все пункты расселения зоны, но и сама Варахша с другими поселениями своей сельской округи [Адылов, Мирзаахмедов: 66 – 68]. Прежде данный период запустения датировался III – IV вв. и увязывался с социально-экономическим кризисом – разложением рабовладельческого строя [Шишкин 1963: 230]. Однако данная точка зрения является устаревшей, поскольку на остальном ареале региона в указанное время никаких признаков какого-то формационного кризиса не наблюдается. Скорее всего, запустение связано с прекращением водоснабжения в низовьях Рамитанруда – вода достигала только окрестностей городища Рамиш примерно в 20 км к востоку от Варахши. Во второй пол. IV в. водоснабжение было полностью восстановлено, и жизнь в массиве возобновилась за исключением Баш-тепинской зоны.

Вопросы политической и социально-экономической истории

Начало освоения западных окраин Бухарского оазиса, а также поймы канала Канимех (древнее название – Верхняя Харкана) в VI – V вв. до н.э. связано, скорее всего, не с основной территорией Согда, а с культурой Хорезма «Архаического» периода (VII – V вв. до н.э.). Иными словами, они возникли в результате проникновения на данные окраины Западного Согда в VI в. до н.э. переселенцев из низовьев Амударьи.

Из письменных источников (Гекатей Милетский) известно о существовании царства хорасмиев, которое возникло ещё до образования империи Ахеменидов и соприкасалось на западе с Мидией а на востоке с Бактрией. Оно включало северные предгорья Копед-Дага, Кучано-Мешхедскую долину, долину Теджена, области Нишапура и Герата. Однако низовья Амударьи (т.е. собственно исторический Хорезм) располагались за пределами этого царства. При Кире II оно вошло в состав Персидского царства. Во время административной реформы область Герата (историческая Арейя) получила статус отдельной «страны». Затем Хорасмию и Арейю присоединили к Парфии, а прежде она входила в состав Мидии. Тем самым образовалась XVI сатрапия с центром в Парфии. Во времена Дария I к XVI сатрапии присоединили и Согд. К северу от оазисов, которые населяли хорасмии, обитали массагеты и дербики. Поход Кира II в их страну закончился гибелью царя. Поход Дария I в низовья Амударьи завершился захватом этой территории и присоединением её к X (Мидийской) сатрапии. Позднее Артаксеркс II учредил в низовьях Амударьи отдельную сатрапию с резиденцией на месте городища

Калалы-гыр-І. Пытаясь укрепиться в низовьях Амударьи, персы насаждали здесь земледельческие колонии. Самые ранние из них, относящиеся к «Архаической» культуре, возникли здесь ещё до персов в VII – VI вв. до н.э. – их основали переселенцы из верховьев Амударьи. Новые переселенцы происходили главным образом из среды хорасмиев. В обязанности местного сатрапа, кроме всего прочего, входила забота о развитии земледелия в стране [Пьянков 1972: 19].

В дальнейшем, скорее всего, ареал распространения «Архаической» культуры стал расширяться к югу – вверх по течению Амударьи. В VI – V вв. до н.э. возникли колонии-поселения на участках, смежных с поймой Амударьи и низовьями Рамитанруда, т.е. в Баштепинской зоне. Одновременно поселенцы проникли и на территорию Канмехского оазиса. В то же время основная территория Западного Согда всё ещё оставалась неосвоенной.

На рубеже V и IV вв. до н.э. в результате каких-то событий новые колонии хорасмиев и местные кочевники перестают подчиняться Ахеменидам. Сюда в низовья Амударьи перемещается политический центр хорасмиев, образуется самостоятельное государство, и теперь этот регион получает название Хорезм. Южные области хорасмиев, оставшиеся в подчинении у персов, утрачивают статус отдельной страны и входят в состав Арейи [Пьянков 1972: 20].

Исследователи Хорезма отмечают, что формирование самостоятельного государства на данной территории сопровождалось мощным культурным всплеском, выразившимся в интенсивном освоении земель под орошаемое земледелие, градостроительстве и возникновении множества новых пунктов расселения [Неразик 1985: 221 – 222]. Именно в этом контексте и следует воспринимать начало антропогенного освоения заповедных земель в низовьях Зарафшана в IV в. до н.э. и возникновение на этом ареале первых поселений городского типа, таких как Нумиджкат (древняя Бухара), Дахфандун (древняя Варахша), Рамиш, Аркуд (городище Ходжа-Бустон), Харганкат (городище Кузимон-тепа) и др. На тесную культурную и политическую взаимосвязь Хорезма и Западного Согда в это время указывают не только предметы ремесленной продукции (керамика), но и синхронность в возведении крепостных сооружений. Результаты изучения древней фортификации центральных и южных районов Согда позволяют сделать вывод о полном отсутствии в этих регионах крепостного строительства в периоды расцвета и заката империи Ахеменидов. Например, на таких ключевых объектах, как городища Кок-тепа и Афрасиаб (древний Самарканд) в Центральном Согде, Ер-курбан

(древний Нахшаб) в Южном Согде, крепостных стен или ремонтных «рубашек», датированных V – IV вв. до н.э., не отмечено. Что касается более ранних крепостных сооружений VII – VI вв. до н.э., то они перекрыты укреплениями уже эллинистического времени [Исамиддинов 2002: 46, 95; Сулейманов 2000: 26]. Ничего странного в этом нет, поскольку эти регионы вплоть до нашествия Александра Великого всё ещё находились в составе Персидского царства. Стало быть, крепостные стены городов и селений большей части Согда в то время по своему прямому назначению не функционировали, а гарантом безопасности местных жителей от набегов северных кочевников была сама администрация Ахеменидов. А в Хорезме в конце V – нач. IV вв. до н.э. сложилась совсем иная политическая ситуация; ставшее самостоятельным царство стало укреплять свой суверенитет, отражением чего явилось крепостное строительство. На древних пунктах расселения Западного Согда, так же как и Хорезма, зафиксированы оборонительные сооружения IV в. до н.э.: на Арке Бухары [Некрасова 1990: 15, 26], на цитадели Байканда (городище Пайкенд) [МБАЭ 2000: 23], на шахристане Варахши, на поселении Урта-тепа (стена I-го периода). Поэтому, скорее всего, западные земли Согда в первой половине и третьей четверти IV в. до н.э. находились в сфере политического влияния Хорезмийского царства, жители которого первыми колонизировали эту территорию. А собственно согдийцы стали переселяться сюда в преддверие карательного похода Александра и после того.

По сообщению Арриана в 329 г. до н.э. Александр, преследуя Спитамена, достиг тех мест, где река Политимет (Зарафшан) теряется в песках. Спитамена он не настиг (тот укрылся у хорасмиев), и на обратном пути подверг страну опустошению, а согдийцы тщетно пытались укрыться за стенами своих поселений [История Узбекистана: 101, 180]. Скорее всего, Спитамен и Александр, двигаясь вдоль русла Гау-Хитфара (Вабкентдарья), достигли Баш-тепинской зоны. К западу от неё сухое русло Рамитанруда занесено песками, однако не исключено, что в глубокой древности вода протока достигала поймы Амударья. По-видимому, во времена Александра вода Рамитанруда действительно уже терялась в песках, тогда как два других основных протока реки в низовьях Самджан (Каракульдарья) и Руди-Зар (Шахруд) подпитывали исторические озёра. Самджан впадал в одноимённое озеро Бухайра-и Самджан или Бахр ал-Бухара (ныне Денгизкуль), а Руди-Зар – в озеро Оваза-и Байканд или Каракуль (ныне высохшее). И водосток из этих протоков в озёра продолжался ещё в Средние Века [Адылов, Бабаев 2011: 42 – 45]. О том, что

Александр с войском достиг или мог достигнуть Баш-тепинской зоны свидетельствует и драхма этого правителя, обнаруженная в окрестностях Варахши и как бы отметившая направление маршрута его похода. Возможно, она происходит из полевой казны и была утеряна одним из греческих воинов [Ртвеладзе 2002: 158 – 159]. Можно также предположить, что жители Урта-тепа укрепили своё поселение стеной II периода как раз накануне карательного похода в качестве превентивной меры. Чуть позднее правитель Хорезма Фарасман нанёс визит Александру в Мараканду (Самарканд) [История Узбекистана: 102] и, скорее всего, он двигался по тому же самому пути, но в обратном направлении.

После походов Александра Хорезм сохранил самостоятельность в пределах своей основной территории, однако западная часть Согда оказалась под властью греков, так же как и другие территории на Ближнем и Среднем Востоке. После смерти Александра в 323 г. до н.э. их поделили на сатрапии соратники полководца. Один из них – правитель Сирии Селевк I – возвысился и провозгласил себя царём. Около 305 г. до н.э. он присоединил к своим владениям Бактрию и Согд, а своего сына Антиоха I до его восшествия на престол назначил соправителем на востоке государства [История Узбекистана: 16, 157]. Вся территория царства Селевкидов делилась на большие и малые административные районы: сатрапии и гиппархи [Массон, Ромодин 1964: 100 – 101; Бикерман 1985: 160 – 161]. Не исключено, что стена Урта-тепа III периода была построена как раз в преддверие похода Селевка на Согд, т.е. ближе к концу IV в. до н.э. Монеты Селевка I и его преемников, хотя и нечасто, но всё же отмечаются на территории Согда. На территории Согда они оказались не случайно и являлись средством местного денежного обращения. Как следствие, в дальнейшем на данном ареале возникли чеканы по типу монет Селевкидов. Известно, что древние самаркандские монеты с лучником и западно-согдийские т.н. монеты Гиркода (с протомой коня на реверсе) по своей иконографии восходят к драхмам Антиоха I [Зеймаль 1983: 81 – 88, 269 – 273].

После того, как в сер. III в. до н.э. сатрап Бактрии Диодот I и сатрап Парфии отделились от Сирийского царства и провозгласили каждый себя царями, Согд фактически также оказался отрезанным от метрополии [История Узбекистана: 16, 160, 164, 177]. Поэтому имеются веские основания предполагать существование, хотя и кратковременное, Греко-Согдийского царства. В научной литературе уже высказывалась мысль, что царь Греко-Бактрии Евтидем I ещё до своей коронации (ок. 235 г. до н.э.) был сатрапом Согда (или Западного

Согда) в составе Сирийского царства [Мусакаева 2014: 263]. Поэтому начало его полномочий в качестве сначала правителя Греко-Согдийского царства, скорее всего, также восходит к сер. III в. до н.э. В своей предполагаемой резиденции Нумиджкате (Бухаре) он основал монетный двор, на котором наладил выпуск тетрадрахм со своим изображением в молодости, демонстрируя тем самым самостоятельность [Адылов 2011: 76]. Сферу розничной торговли обслуживали мелкие серебряные монеты Гиркода двух типов. Предположительно, монеты первого типа с протомой коня на реверсе чеканил гиппарх, управлявший территорией на юго-западе региона с резиденцией в Фарабе (городище Куи-кала). Монеты второго типа с изображением Арты (божества с языками пламени на плечах) на реверсе – гиппарх южной окраины региона с резиденцией в Маймарге-Джикаме (городище Кум-Совтан в степной зоне к югу от Бухары).¹ На самых ранних монетах Гиркода греческие легенды ещё не искажённые, поэтому вполне резонно их тоже можно датировать III в. до н.э. [Мусакаева 2004: 86 – 87]. Как отмечал древнеримский историк Полибий, уже во времена Евтидема I существовала ощутимая угроза северным владениям греков со стороны кочевников-саков, и данное сообщение касается событий 206 г. до н.э. [История Узбекистана: 184]. В связи с этим, очевидно, приходилось укреплять обороноспособность пунктов расселения на границах с кочевой степью. Как результат, при Евтидеме I, скорее всего в сер. III в. до н.э., были построены укрепления IV периода на поселении Урта-тепа. Во всяком случае эта стена была построена ещё до того, как на северной границе Бактрии с Согдом (в Гиссарских горах) возникла монументальная крепостная система Дарбанд, фактически обозначившая этот рубеж, и направленная против кочевников. Можно добавить, что на цитадели Байканда (городище Пайкенд), которая первоначально играла роль крепости на юго-западной окраине региона, тоже выявлена крепостная стена III – II вв. до н.э. [Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Семёнов 1988: 38]. Обстоятельства, при которых Евтидему I пришлось оставить Согд, чтобы затем захватить трон Греко-Бактрии, неизвестны. Во времена его сына Деметрия в Согде, скорее всего, утвердились династии правителей местного происхождения. Во всяком случае, из античных письменных источников известно, что следующий царь Греко-Бактрии Евкратид предпринимал попытки отвоевать Согд обратно [История Узбекистана: 161]. Так что вполне вероятно датировка стены V-го периода на Урта-тепа временами походов Евкратида на север. Новые

¹ Подробнее об этом и локализации бухарского Маймарга см.: Адылов 2011: 65 – 66; 2021: 309 – 323].

правители из местной среды, захватившие власть над Западным Согдом после греков, наладили на старых монетных дворах серебряные чеканы по образцам тетрадрахм Евтидема и ранних монет Гиркода. Эти подражательные чеканы, изменяясь со временем, просуществовали на территории региона до IV в. н.э. [Мусакаева 2004: 87].

В сер. II в. до н.э. северные кочевники (саки-юечжи) захватили Согд. Затем они двинулись на юг и разгромили Греко-Бактрию. Западный Согд наряду с другими территориями вошёл в состав полукочевой империи-конфедерации Кангюй. В китайской хронике «Хоу Хань Шу» (История династии Хань) это владение обозначено иероглифом Цзи (китайская передача названия Нумиджкат) [Бичурин 1950: 186]. В древней согдийской надписи из городища Куль-тобе (II – III вв.) оно именуется как Навакмитан [Sims-Williams, Grenet 2006: 95 – 111]. Так называлась другая древняя столица региона, которая локализуется на месте городища Наумитан-тепа (Авлиё Хазрат Кыз-биби) к югу от Бухары [Адылов 2011: 68 – 69]. По свидетельству китайских источников Кангюй был могущественным государством [Бичурин 1950: 186]. Серьёзных проблем на границах у него не было; на его обширнейшей территории долгое время сохранялись условия для более или менее мирной жизни. Всё это благоприятно отражалось на внутреннем развитии, в частности и демографии. Кочевники на захваченных ими территориях вступали в тесное культурное взаимодействие с местными земледельческими племенами, закладывая основу для последующего оседания на землю и ассимиляции. Исследования на Урта-тепа и других поселениях зоны свидетельствуют о том, что во времена Кангюя местным жителям становилось тесно в пределах утративших своё назначение старых укреплений, мест обитания, а также участков землепользования, и они были вынуждены переселяться не только в ближайшие окрестности старых поселений, но и в более отдалённые зоны. Переселенцы располагались не только отдельными домами, но и целыми массивами, осваивая всё новые площади под орошаемое земледелие. В. А. Шишкин отмечал следы этих жилищ в окрестностях многих поселений Баш-тепинской зоны [Шишкин 1956: 166]. Исследованиями новейшего времени установлено, что во времена Кангюя на территории Согда работ по строительству новых и укреплению старых крепостных стен практически не велось; оборонительных сооружений, возведённых в этот период времени, на ключевых объектах Согда так и не выявлено, и по понятным причинам необходимости в этом не было. Крепостное строительство на территории Западного Согда возобновилось примерно в конце III – нач. IV вв., когда Кангюя уже не существовало, и стала назревать угроза с юго-запада (Сасанид-

ский Иран) и с севера (кочевники-хиониты). Оборонительные сооружения с этой датой постройки выявлены, например, на цитадели Байканда [Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Семёнов 1988: 81, 102].

В III в. период процветания в пределах Варахшинского массива сменяется полным запустением, так как вода канала Рамитанруд перестаёт достигать данной территории. Время запустения, скорее всего, совпадает с политическим кризисом в Кангюе и прекращением его существования в качестве конфедеративного объединения в силу внутренних центробежных тенденций. В т.н. «Каабе Зороастра» (надписи шаханшаха Шапура I), которая датируется примерно 262 г., когда-то входившие в состав Кангюя регионы, в т.ч. и Согд, упомянуты сами по себе и без всякой привязки к какому-то крупному государству [История Узбекистана: 42 – 43]. Стало быть, Кангюй прекратил своё существование где-то к сер. III в. В китайской хронике «Бэй Ши» (История династии Северный Вэй) в числе регионов, входивших в состав Кангюя, упомянуты владения Ань и Сяо (Малый) Ань [Бичурин 1950: 271]. Под этими иероглифами в китайской передаче отражены соответственно названия Навакмитан и Харганкат. Во времена династии Северный Вэй конфедерации Кангюй уже давно не существовало, и данное сообщение явно является анахронизмом. Скорее всего, оно было позаимствовано из несохранившейся хроники времён Троецарствия [Адылов 2011: 70] и без привязки к изменившейся со временем политической ситуации. Таким образом, после распада конфедерации в пределах Западного Согда возникли два государства. Более крупное из них со столицей в городе Навакмитане располагалось на землях Бухарского, Древнепайкендского (Каракульского), Фарабского Маймаргского (Кум-Совтанского) оазисов. Более восточное владение со столицей в городе Харганкате включало территории Нурского (Нуратинского). Канимехского, Карминийского и Карнабского оазисов [Адылов 2011: 71 – 75].

После распада Кангюя монетный чекан Западного Согда по-прежнему оставался пёстрым. Следовательно, данные владения продолжали существовать в децентрализованном состоянии, как объединения небольших уделов. Возможно, одновременно с распадом конфедерации обострились противоречия и между этими малыми владениями. Следствием междоусобиц могло стать перераспределение водных ресурсов в ущерб отдельным территориям.¹ Как показали

¹ Подобная мера принуждения и наказания по традиции широко практиковалась на территории региона в периоды политической неустойчивости. Конфликты подобного рода, причиной которых являлся произвол феодальной верхуш-

топографические исследования, прежде естественный исток Вабкентдарьи (Гау-Хитфар) располагался в другом месте – несколько севернее нынешнего (искусственного) в местности Хархур. В рельефе до сих пор просматривается участок старого русла [Мухамеджанов 1978: 32]. Можно предположить, что на этом месте когда-то построили дамбу, которая существенно сократила поступление воды в этот магистральный канал, и его низовья сильно обмелели или даже частично высохли. Но в то же время за счёт этой дамбы резко повысился уровень воды в других основных протоках Самджан (Каракульдарья) и Руди-Зар (Шахруд), что было чревато наводнениями в поймах этих каналов. Подтверждением тому являются результаты археолого-топографических исследований в окрестностях Байканда, располагавшегося в низовьях канала Руди-Зар. Ещё в первых вв. до и н.э. недалеко от северо-восточных окраин его цитадели существовало придаточное поселение, которое разрушилось в результате наводнения. Судя по керамике из размытых слоёв этого поселения, наводнение произошло не позднее III в.н.э. [Адылов 1992: 68].

Во времена Раннего и Развитого Средневековья Варахша была не просто одним из крупных городов Западного Согда, но и административным центром территориального образования. До арабского завоевания здесь располагалась резиденция X-н-к-худатов – удельных правителей Западного Согда. После арабского завоевания город стал резиденцией Бухархудатов (Тугшады и его потомков) и центром автономного удела в составе округа Бухара в наместничестве Хорасан. А во времена Саманидов в окрестностях Варахши существовал *рустак* (сельскохозяйственный район) под названием Задний Самджан [Адылов, Мирзаахмедов 2008: 76]. Поэтому не исключено, что и во времена Кангюя в окрестностях города Дахфандуна (древняя Варахша) уже сформировался удел. Его правитель в III в. н.э., как можно предположить, вошёл в противостояние с верховной властью регионального владения, что привело к запустению данного небольшого территориального образования. Лишённые водоснабжения жители оставили эти насиженные места и основали новое поселение под старым названием Дахфандун где-то выше по течению канала Рамитанруд. О селении Дахфандун, отдельном от Варахши, упоминает географ XII в. ас-Сам‘ани [Камалиддинов 1993: 66].

ки и чиновников в сфере распределения воды, были типичными для средних веков и нового времени. И сопровождалась она именно строительством дамб и плотин на головных участках арыков и магистральных каналов. Известно, что низовые участки по Вабкентдарье (Рамитанруд) и Каракульдарье чаще других районов страдали от недостатка воды во времена эмирата [Шишкин 1963: 25].

Ближе к сер. IV в. низовья Зарафшана наряду с другими регионами подвергаются нашествию племён хионитов. Имеются все основания связывать этот процесс с движением на юг кочевников, принадлежавших к кругу носителей Каунчинской культуры и обитавших в бассейне Сырдарьи. Затем со второй пол. IV в. на всей территории Западного Согда наблюдается бурный подъём. В частности, возрождается жизнь на развалинах старого Дахфандуна, и теперь возрождённый город получает новое название – Варахша (Фарахша). Дамбу у истоков Гау-Хитфара (Вабкентдарьи) разрушать не стали – просто заложили новый участок водоотвода, действующий и в наши дни. Для возрождения Варахши и её округи местные жители не только расчистили старые русла протоков в низовьях Рамитанруда, но и вырыли новые каналы. В результате были освоены под орошаемое земледелие ранее необжитые участки степной полосы на большом удалении от древнего города. Одним из таких новых обводнённых участков была Кызылкырско-Сеталакская зона к северу от Варахши. По археологическим данным, поселения в данной местности возникли во второй пол. IV – V вв. [Культура Древнебухарского оазиса: 26]. Однако для возрождения Баш-тепинской зоны воды уже не хватало. Кроме того, прекратилось стабильное водоснабжение древнего города Рамиш; по археологическим данным, он приходит в запустение в V в. [Культура Древнебухарского оазиса: 64] т.е. в одно время с возрождением Дахфандуна-Варахши или чуть позднее. По-видимому, в указанное время его жители стали переселяться в другие расположенные поблизости крупные пункты расселения – в город Варахшу и крепость Рамитан. Цитадель Рамитана возникла именно во второй пол. IV – V вв. [Сулейманов 1984: 128]. Правда, жизнь на Рамише продолжалась и в дальнейшем, однако пункт полностью утратил статус города. Небольшое селение с этим названием существует и поныне, о нём упоминают средневековые авторы: ан-Нишабури [Frye 1954: 17] и ас-Сам‘ани [Камалиддинов 1993: 68]. Что касается Варахши и Рамитана, то первая в дальнейшем стала резиденцией удельных князей Х.н.к-худатов, а второй – во времена Первого и Западного Тюркских каганатов (в конце VI – сер. VII вв.) – политическим центром всего Западного Согда.

Использованная литература

Адылов 1992 – Адылов Ш. Т. Новые сведения по исторической топографии и водоснабжению Пайкенда // Узбекистан в Древности и Средневековье. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 1992.

Адылов 1995 – Адылов Ш. Т. Поселение Урта-тепа // ОНУ, 1995, № 5-6-7-8. С. 47 – 50.

Адылов 2002 – Адылов Ш. Т. Западные окраины Бухарского оазиса на ранних стадиях обживания (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // ИМКУ, вып. 33. Ташкент: Фан, 2002. С. 72 – 80.

Адылов 2011 – Адылов Ш. Т. Нумиджкат, Навакмитан, Байканд, Рамитан // Археология Узбекистана (Самарканд), 2011, № 1. С. 62 – 81.

Адылов 2021 – Адылов Ш. Т. Маймарг Бухарский и карательный поход Бахрама Гура // Археологические вести, вып. 32. СПб.: Изд-во ИИМК, 2021. С. 309 – 323.

Адылов, Бабаев 2011 – Адылов Ш. Т., Бабаев С. Т. Историческая гидрография Западного Согда // Археология Узбекистана (Самарканд), 2011, № 2. С. 27 – 52.

Адылов, Мирзаахмедов 2008 – Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К. Новые сведения по истории обживания Варахшинского массива // ИМКУ, вып. 36, Ташкент: Фан, 2008. С. 61 – 78.

Бартольд 1963 – Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. в 9 томах. Т. 1. М.: Наука, 1963.

Бикерман 1985 – Бикерман Э. Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985.

Бичурин 1952 – Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. В 3-х томах. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Вайнберг 1979 – Вайнберг Б. И. Памятники Куюсайской культуры // Тр. ХАЭЭ, т. 11. М.: Наука, 1979. С. 7 – 76.

Воробьева 1959 – Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // Тр. ХАЭЭ, т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 63 – 220.

Воробьева 1979 – Воробьева М. Г. Проблема «Большого Хорезма» и археология // Этнография и Археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 38 – 42.

Дандамаев 1985 – Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985.

Жуков 1956 – Жуков В. Д. Материалы к изучению Баш-тепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса // Тр. ИИА АН УзССР, вып. 8. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. С. 173 – 204.

Зеймаль 1983 – Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983.

Исамиддинов 2002 – Исамиддинов М. Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент: Изд-во народного наследия им. А. Кадыри, 2002.

История Узбекистана – История Узбекистана в источниках. Ташкент: Фан, 1984.

Кабанов 1959 – Кабанов С. К. Раскопки жилых построек и оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953 – 1954 гг. // ИМКУ, вып. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959. С. 109 – 153.

Камалиддинов 1993 – Камалиддинов Ш. С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Са‘да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам‘ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент: Фан, 1993.

Культура Древнебухарского оазиса – Культура Древнебухарского оазиса III – VI вв. Ташкент: Фан, 1983.

Массон В.М., Ромодин – Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. В 2-х томах. Т. 1. М.: Наука, 1964.

МБАЭ – Материалы Бухарской Археологической Экспедиции. Вып. 1. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000.

Мусакаева 2004 – Мусакаева А. А. Монеты Гиркода // ИМКУ, вып. 34, Ташкент: Институт археологии АН УзССР, 2004. С. 76 – 87.

Мусакаева 2014 – Мусакаева А. А. Становление и динамика развития денежных отношений в Западном Согде в эпоху Античности и Раннего Средневековья. Ташкент: Fan va texnologiya, 2014.

Мухамеджанов 1978 – Мухамеджанов А. Р. История орошения Бухарского оазиса. Ташкент: Фан, 1978.

Мухамеджанов 1982 – Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Д. К., Адылов Ш. Т. Керамика нижних слоёв Бухары // ИМКУ, вып. 17. Ташкент: Фан, 1982. С. 81 – 97.

Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Вульферт 1990 – Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Д. К., Адылов Ш. Т., Вульферт Э. Ф. Результаты исследования памятников Варахшинского массива (по материалам работ 1985 г.) // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент: Фан, 1990. С. 141 – 162.

Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, Семёнов 1988 – Мухамеджанов А. Р., Мирзаахмедов Д. К., Адылов Ш. Т., Семёнов Г. Л. Городище Пайкенд. Ташкент: Фан, 1988.

Некрасова 1990 – Некрасова Е. Г. К истории сложения стен Арка Бухары // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент: Узбекистан, 1990. С. 15 – 27.

Неразик 1981 – Неразик Е. Е. К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство Древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 219 – 227.

Обельченко 1956 – Обельченко О. В. Куюмазарский могильник // Тр. ИИА АН УзССР, Вып. 8. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. С. 205 – 227.

Обельченко 1961 – Обельченко О. В. Лявандакский могильник // ИМКУ, вып. 2, Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1961. С. 97 – 176.

Пьянков 1972 – Пьянков И. В. Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ, 1972, № 1. С. 8 – 24.

Ртвеладзе 2002 – Ртвеладзе Э. В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент: Фан, 2002.

Сулейманов 1984 – Сулейманов Р. Х. Результаты предварительного изучения городища Рамитан // ИМКУ, вып. 19. Ташкент: Фан, 1984. С. 118 – 129.

Сулейманов 2000 – Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. Ташкент: Фан, 2000.

Сулейманов, Ураков 1977 – Сулейманов Р. Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш // ИМКУ, вып. 13. Ташкент: Фан, 1977. С. 55 – 64.

Толстов 1948 – Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во АН СССР, 1948.

Шишкин 1956 – Шишкин В. А. Археологическая разведка на Баш-тепа // Тр. ИИА АН УзССР, вып. 8. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. С. 163 – 172.

Шишкин 1963 – Шишкин В. А. Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Мухаммаджонов 1991 – Мухаммаджонов А. Қадимги Бухоро. Тошкент: Фан, 1991.

Frye 1954 – Frye R.N. The History of Bukhara. Cambridge, Massachusetts, 1954.

Sims-Williams, Grenet 2006 – Sims-Williams N., Grenet F. The Sogdian Inscriptions of Kultobe // Shygis (Алматы), 2006, № 1. P. 95 – 111.

**ESSAY ON THE POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC HISTORY
OF THE WESTERN SOGD
In the sixth century BCE – fifth century CE
(according to the results of the study of Varakhsha and its rural district)**

Shuhrat T. Adylov

This article is divided into three parts. The first part is devoted to research on the territory of the rural district of the ancient city of Varakhsha (to the west of the settlement), in particular, the excavations of the Urta-Tepa settlement. The second part deals with the chronology of the site, the history of its fortress walls, and the periods of settlement. In the third part, the results of studying the settlement are compared with

information from relevant written sources and numismatic materials, as well as with information obtained from studies of other ancient cities and villages of Western Sogd, which allow us to draw some conclusions regarding the political and social economic history in a given period of time.

Key words: Bukhara, Western Sogd, Sogdians, Varakhsha, Dakhfandun, Numijkat, Navakmitan.

VI

THE BIRTH OF AFRASIAB (SAMARQAND) IN THE TERRITORY OF ANCIENT SOGDIANA (6th CENTURY BCE – 2nd CENTURY CE)

Başak Kuzakçı

The phenomenon of the urbanisation and the emergence of the city can be explained as a result of the combination of many factors, such as population expansion, the increase of surplus products, the emergence of a strong ruler, and the complexity of social structure. The same dynamics played a crucial role in the emergence of the ancient city of Afrasiab (Samarqand), which is examined within the scope of this study. The construction of irrigation systems and increase in agricultural productivity in the Sogdian territory of Central Asia in the fifth and sixth centuries BCE started the process of evolution of rural settlements into cities, together with political institutionalization. This study deals with the emergence of the city of Afrasiab, the construction process and topography, as well as the evolution of architecture. The socio-cultural and economic developments that led to the emergence of the city of Afrasiab, its architectural elements, its geography, its fortification system, and its topography are included in the study. In addition to the physical transformation of the city, political periods and occupations were evaluated in the context of their effects on the city. Both archaeological and historical data have been used in the study. The study aims to eliminate the data gap caused by a lack of written sources, which is the main limitation encountered in studies on this period. This study aims to explore the strong foundations of Central Asian urban culture by revealing the origins and characteristics of the urbanization dynamic in Sogdiana through the city of Afrasiab. This city was chosen as the object of research due to its status as the sophisticated capital city of Sogdiana.

Keywords: Afrasiab, Samarqand, Sogdiana, Urban History, Central Asia, Transoxiana.

Introduction

The emergence, origins, and formation of the urban phenomenon are all important fields of study in history, archeology, and anthropology. The emergence of Afrasiab, founded in the 6th century BCE, and the conditions that prepared the city can be explained within the framework of city origin theories. Theoretical approaches to the history of urbanization define the city by determining the characteristics that distinguish the settlement area or rural area from the city. In this definition, population increase, the growth of surplus products and the emergence of new occupational groups in the social structure, along with the complexity of social relations, are considered the main factors in the emergence of the urban phenomenon

[Mumford 1961: 45]. The specialization of the social unit that founded the city in the division of labor is considered the dominant factor that distinguishes the city from the rural settlement [Childe 1950: 3 – 17; 2006: 103 – 107; Emberling 2003: 254 – 256; Smith 2009: 2 – 9 Liverani 2006: 19 – 20]. Max Weber identifies the castle, market, administrative section, and court area as the main elements that characterize the city's historical origins in Asia and the Near East. He emphasizes the differentiation in economic activities as another distinguishing feature of the city. Trade, craft and commodity exchange are the main activities on which the economic system of the city is based; from this point of view, the city is a marketplace [Weber 2012: 89 – 109; Childe 1950: 9 – 16]. In the context of this conceptual framework, Afrasiab is among the early examples of the urban phenomenon in Central Asia that rose around Mesopotamia in the 4th millennium BCE with its social organization, diversification of economic activity, ruling class, elite stratum, institutional political structure, hierarchy, and appropriation of surplus product.

The Environment of Afrasiab and the Historical Basis of the Settlement

Samarqand – or Afrasiab, as it was known in antiquity and as it will be called within the framework of this study – has, since ancient times, been one of the main political and socio-economic centers of Central Asia. As with many other Central Asian cities, written sources on the construction and urban development of the city are quite inadequate. Thankfully however, systematic information about the birth of Afrasiab has emerged from archaeological studies. The magnificent hills of Afrasiab, located on the northeastern border of Samarqand today, first attracted the attention of the scientific community about a century ago [Shishkin 1969: 3 – 12]. Excavations initiated by Russian / Soviet archeologists beginning at the end of the 19th century continue today with the work of French-Uzbek and Italian-Uzbek archaeologists [Grenet 2004: 1056; Grene[t], Karev, Isamidinov 2005: 30, Mantellini, Berdimuradov 2016: 60 – 63].

Thanks to the expansion of these archaeological excavations the literature includes data on the topography, structure, and city life of Afrasiab in ancient times, which are quite remarkable and which will update the existing information. The city, discovered during 19th century excavations in the hilly terrain around Samarqand, was thought to be the city of Maracanda / Marakanda, which was founded during the reign of Alexander the Great of Macedonia and mentioned by historians of the time [Grenet 2004: 1056; Strabo 2006: 283]. However, after more investigation,

the settlement was dated to the 4th century BCE [Vyatkin 1927: 64]. After examining the findings on the city's foundations, it was later agreed that the city was founded during the Achaemenid period [Terenzhkin 1947: 127 – 130]. Excavations at the Samarqand archaeological site in 1958 revealed findings that would weaken this claim. Ancient materials unearthed in the excavations strengthened the view that the city was founded even earlier [Pachos 1966: 16, 17; 1967: 60 – 73; 1965: 29]. In fact, with the expansion of excavations around the region and the progress of investigations in the ancient settlement, it has become certain that the founding of the city predates the 4th century BCE [Grenet 2002: 1]. On the right bank of the Oxus River lie Gurganch [Ivanitskiy, Abisheva 1986: 32 – 35], Sad-Tepa [Isamiddinov 1989: 106] and Lolazar [Buryakova 1981: 7 – 23; Avanesova 1986: 13 – 14]. These settlements that were formed near the city of Afrasiab and were spread over a wide area – as understood from the common pottery sherds, the market where the surplus products of the rural area around Afrasiab were collected, the ruler of the region was settled, and the economic activity diversified – support the approach that accepts the status of the main city [Marshak, Negmatov 1996: 223 – 280]. Indeed, once the surrounding settlements unearthed near Afrasiab reached a level that allowed urbanization to emerge, they served as the foundation for the cities that arose in the nearby regions in later periods [Avanesova 2001: 57 – 68; Mantellini, Berdimuradov 2016: 60 – 63].

The defining character of rivers in the determination of urban settlement is almost a historical constant since the first urban centers rose along important rivers. There is no doubt that the same model is followed when it comes to Afrasiab. The water resources around the city, which was established in the oasis between the Afrasiab, Amu Darya and Syr Darya Rivers, were the main natural factors in the development of the city. The region where Afrasiab was founded was recorded as Suguda, named after the founders of the city, as understood from the Behistun inscription erected in the name of Darius, the Achaemenid ruler, in the 6th century BCE [Kuzakçı 2022: 32 – 33; King, Thompson 1907: 96]. In fact, this region was named Sughdha and Sogdiana in Avestan and Greek sources [Jacobson 1935: 8 – 9]. For this reason, those who settled in the region were named Sogdians, and the Zarafshan River was called the Sughd River. Based on these geographical definitions, it is clear that Sogdiana was a strong center of urban culture in Central Asia, with a settlement history going back to ancient times [Soucek 2000: 6; Bosworth 2000: 852 – 859].

The most important water source in the territory of Afrasiab is the Zarafshan River [Le Strange 1930: 446]. It takes its source from the Pamir Mountains and flows through the plain near Afrasiab, forming a western

valley in Transoxiana (Ma wara' al-nahr).¹ The function of the Zarafshan River is vital for Afrasiab and other settlements in the region. Apart from Afrasiab, the Zarafshan River also played a critical role in the emergence and continuation of cities such as Bukhara and Panjikent, which are the other important cities of Sogdiana [Frye 1998: 23; Dyakonov 1954: 83 – 158]. In addition to the Zarafshan, the Qashqa Darya River, which flows in a more limited area, is another important water source in the region and is the main reason for the rise of historical settlements such as Kesh (Shahr-i Sabz), Nasaf (Qarshi), which were Sogdian settlements established near Afrasiab [Frye 1983: 5 – 6]. The water resources mentioned in the establishment of the earliest urban structures in Sogdian territory seem to dominate, but the proximity to the water resources alone cannot create enough dynamism and momentum for the emergence and rise of the city. Also important in urban origins are the natural environment, agricultural production, culture, and writing. Sogdian territory can be considered as the area where settled urban culture was established by Sogdians, areas such as Panjikent, Numijkat (Bukhara) and Tashkent. However, we cannot ignore the fact that cities in Sogdian territory underwent a rapid transformation after Antiquity, in both naming and topography. Similar to the transformation in the naming of Samarqand, another important city of Sogdiana, Bukhara, was called Numijkat or Bumiskat in ancient times. Considering the pronunciation in Chinese sources, Numijkat comes from “Nawmichkat” and is composed of the Tajik-Persian word *naw* (new) and the Sogdian words *mich* (castle) and *kath* (settlement-city) [Narshakhi 1954: 120]. According to another etymological explanation, *numij* means “the ninth” in Sogdian and *-kath*, *-kand* means “city” in Sogdian [Frye 1999: 16]. The Sogdian word *-kath*, *-kand*, “city” which is found in the names of many Central Asian cities, constitutes important linguistic evidence for the strong urban traditions of the Sogdians. Among the cities of Sogdiana, Afrasiab was in the center, but Sogdian urban culture extended to Bukhara and Baykand in the west, to Panjikent in the Upper Zarafshan Valley, to Tashkent and beyond it to Yetisu in the foothills of the Tian Shan.

Afrasiab is among the first and most distinguished examples of the Central Asian city type in terms of architectural morphology and topography, and its urban layout follows a standardized prototype. Samarqand's ancient and medieval settlements are located in the high region called Afrasiab, to the north of the present city area. Although it is

¹ Barthold states that the name Zarafshan has not been found in the sources of the eighth century, probably, in ancient times this river was given in a different names [Barthold 2012: 82 – 83].

thought that the high plateau on which the city was founded was named after the legendary ruler Afrasiab, this view has no historical validity. Afrasiab is rather a corrupted version of the Sogdian term “Paršvāb”, the name of the founder of the city. This word, which means “above the black river”, seems to be associated with the name of the Siab / Siyob / Siahab River which flows to the north of the settlement area. The so-called Black River is probably the Siab Canal, built on the Zarafshan River. The Siab / Siob Market, which was established near the canal, is the main economic activity area of Samarqand even today. It is understood that this region also served as a market in Afrasiab’s ancient period and was one of the reference points in naming the city¹ [Rahmatov 1973: 44; Pugachenkova, Rtveladze 1984: 576].

In the 4th – 5th centuries BCE, The settlement area of Afrasiab was spread over an area of 219 hectares and was in the form of a triangle. The irrigation canal Ab-e Mashad to the east of the settlement and the Atcapar Valley to the west formed a natural border that separated the city’s plateau from the surrounding area. The valley to the west of the plateau also functioned as a moat, an important part of the city’s defense system. To the north of the city of Afrasiab, along the eastern front, the Citadel / Acropolis rose 90 meters high on the hill [Mantellini, Berdimuradov 2016: 60 – 63; Mantellini 2017: 333 – 335]. The archaeological site is surrounded by earthen levees and the remains of city walls and castles from various historical periods.

The description of the natural environment and geography, as well as the explanation of the general lines of the urban environment and texture in the context of archeology, is important in terms of revealing the origins of Afrasiab and the dynamics of urbanization in Sogdian territory. The Afrasiab oasis is a rich, fertile alluvial plain in the middle of the Zarafshan Valley. The agricultural productivity of the region should not be evaluated solely on the basis of soil, the influence of different ecological zones on the oasis and the fact that the Dargom Canal became active in the 5th – 6th centuries BCE enabled the diversification of agricultural products and agricultural techniques, as well as efficient agriculture [Mantellini, Rondelli, Stride 2011: 387 – 396; Mantellini 2015: 1 – 14; Malatesta and others 2012: 91 – 105; Mantellini, Berdimuradov 2010: 99 – 106; Stride, Rondelli, Mantellini 2009: 73 – 87].

¹ The name Samarqand is written as “*sm’rknδc, smarkanč*” in Sogdian [Gharib 2004: 355].

Early Settlers of Afrasiab

Current archaeological data indicates that village type settlement in the Afrasiab area started in the 6th – 7th century BCE. However, this dating is not final, due to the nature of the excavations carried out in and around Afrasiab and the complex structure of the archaeological site. Since the excavations were carried out partially in narrow areas, a newly opened site leads to the change of information on issues such as dating and the nature of the settlement. Findings from partial excavations make it necessary to keep the perspective of Afrasiab and its surrounding settlement constantly up-to-date [Rapin, Isamiddinov 2013: 113 – 133; Rondelli, Mantellini 2004: 35 – 39].

For a brief time after the first settlement, the entire perimeter of Afrasiab was surrounded by strong rectangular ramparts made of unbaked bricks on a mud-brick platform. The main material used in the construction of the city wall consisted of compressed and molded earth bricks, a type of building element called “pakhsa” in Sogdian territory [Shishkina 1994: 85]. The city’s water needs were secured by a canal, and water reservoirs were created to the north and east of Afrasiab. Archaeological finds from the first settlement in Afrasiab include pottery wheels, conical or cylindrical shaped pots with sloping bottoms, grain mills and leaf-shaped bronze arrowheads. During the transition from village to city, ceramic production in Afrasiab was quite remarkable. Pottery and ceramic production indicate that rural needs were changing, and demands were diversifying with the increase in welfare. In terms of Afrasiab finds, the production of high-quality ceramics should be considered indicators of relative prosperity of the city [Terenozhkin 1950: 152 – 169]. Materials made of soil and pottery found in a large area have also proven the existence of settlement areas that are dated earlier than the earliest cultural layers of Afrasiab. In addition to these, raw pottery sherds and burial finds dating to the first quarter of the second millennium BCE discovered on the right bank of the Suyab River flowing along the northern edge of Afrasiab constitutes other archaeological evidence supporting this view [Lyonnet 2018: 420 – 424; Terenozhkin 1972: 95 – 99].

Emergence of the City of Afrasiab

Sogdian and other ancient Central Asian cities share certain architectural characteristics. These cities are considered to consist of three parts, both before and after Islam: the citadel (*qala*), the *shahristan* (city center / *madina*) and the *rabad*. The citadel is generally the administrative

district of the city. The *shahristan* is the main residential area in the city. Another term that expresses the entire residential area and building complex of the city is *ballad* [Barthold 1966: 173 – 174]. The *rabad*, on the other hand, refers to the settlement in the suburbs around the city. In other words, the urban areas located in the suburbs of the city outside the borders of the *shahristan* are considered to be the *rabad* [Barthold 1984: 8 – 9]. Fortification structure can be seen in almost all medium and large-scale cities located along important trade routes and in strategic regions [Weber 2012: 103 – 105]. Afrasiab is an early example of the characteristic structure division into citadel, *shahristan* and *rabad*. After settlement began in the 6th – 7th centuries BCE and the entire perimeter of Afrasiab was surrounded by rectangular walls, the area's urban texture and borders emerged, and the idiosyncratic character of the first city settlement (its morphology, topography, and general appearance) became evident. The following components appeared: a fortification line surrounding the plateau, the inner city wall line in the north that separates the city from the acropolis, and the fortress rising on an artificial platform within this line, as well as production and settlement areas around the outer city wall outside of the city [Pachos 1965: 29]. As long as the main settlement remained in the area of Afrasiab, the topographical and formal structure of the city did not undergo major changes. The 220-hectare hilly plateau on which Afrasiab rises was isolated from its surroundings by deep riverbeds; due to these geographical features, the monolithic and steep Afrasiab plateau was consciously chosen for its strategic advantages and the shape of the first fortification line and the architectural character of the settlement emerged in accordance with the terrain. The outer wall line surrounding the plateau and the city settlement is 5.5 kilometers long and 7 meters thick. Transforming Afrasiab into a fortified city required intense construction activity, given the harsh natural topography of the area chosen for settlement. Terracing the hard rock plateau and leveling the coasts to make them suitable for settlement and fortification was only possible with intense labor. In fact, while the dynamic workforce, mobilized in a brief time, arranged the outer perimeter of the settlement and leveled the land around the entire plateau, the 15-meter-wide defensive wall / barrage was filled with loess and the rampart line was exposed [Shishkina 1969: 68; Filanovich 1973: 86; Kabanov, Shishkina 1968: 53 – 55]. In addition to the construction of the fortification, the existence of a complex irrigation and water supply system and canal network, which was built in the early phase of settling the region, should not be overlooked. Aside from the huge cost of all this construction activity, the engineering skill and the number of workers involved give an idea of the region's development at the time.

Both the initial construction process and the subsequent maintenance of the buildings suggest the existence of a very sophisticated and complex urban administration. Such a huge initiative required external funding, and it was not possible to provide stable and sustainable external support unless there was a compelling motivation. Based on this view, the initial fortification line was built with the joint labor of various settlements. We can thus assume that the social structure of ancient Samarqand was both resilient and strong. The nature of the construction activity at this early stage proves that Afrasiab's urban society was extremely complex, based on a sophisticated division of labor and a diversification of professions. Afrasiab's suburbs (the *rabad*) became a prominent part of the city after the main settlement area (the citadel and *shahristan*). Two pottery wheels, a pair of wooden hinges, and a conical base made of intact solid (concrete) mortar have been found in pottery workshop which date back to the first construction period of the wall and were located adjacent to the city wall [Terenozhkin 1948: 4 – 8; Shishkin 1961: 42, 53]. The finds in question reveal that the production area of the city was located outside the main settlement and that certain vocational groups lived in nearby quarters. Thus, local Central Asian traditions developed urban culture to a significant extent long before the Arab invasion of the region. During the first period of settlement in Afrasiab, at the beginning of the 5th century BCE, the northern part of the city, which was isolated from the main settlement by the ancient watercourse of the Suyab River, was completely separated from the main settlement area by a fortification line and transformed into an independent fortress on an area of 14 hectares; thus, the city was divided into two sections [Pyankov 1973: 134].

A two-piece citadel emerged, rising on an 11-metre platform on the northern part of the plateau [Inevatkina 1983: 90]. The southwestern corner of this citadel was surrounded by a wall containing a corridor. Two rows of holes were drilled in the outer wall. However, since these were horizontally based, they were not suitable for use by archers during defense, so they cannot be called battlements [Shishkina 1994: 84]. Afrasiab's citadel, which was built in the initial stages of the city's foundation, emerged as the city's political and religious institutional center [Filanovich 1969: 209 – 212, 216]. A square-shaped temple was built on a raised area in the eastern part of the citadel, and thus solidifying this area as the main center of the city [Vyatkin 1906: 236 – 245; Belenitskiy, Bentovich, Bolshakov 1973: 19 – 23].

The reference to Sogdians in the Behistun Inscription of Darius I sheds light on the difference between the first and second phases in the construction of the city wall and the reason for the construction of a more

arched city wall. During Achaemenid expansion from the end of the 6th century to the beginning of the 5th century BCE, the center of the city was protected by strong walls, but Sogdiana could not escape Achaemenid domination. While the south and north faces of the walls built against Achaemenid expansion on the loess wall line were built of brick or “pakhsa”, the same materials were used in the inner corridors along the wall. In addition, the finds of broken baked clay fragments suggest that there were portholes on the top of the walls [Shishkina 1994: 84 – 85].

The walls of Afrasiab also provide data on the early society of the city. Bricks, the primary material forming the wall, communicate important political and cultural information. Bricks and “pakhsas” – most of which are marked with simple parallel or intersecting lines or circles during the casting and molding process, as well as some with symbols similar to Greek letters – carry the traces of labor organization. Convex thick “pakhsas” and bricks carry the symbols of guilds of masons and other workers’ who made the material and built the wall [Kuzmina, Pevzner 1956: 80 – 82]. Since the tradition of stamping bricks was also used by masons’ guilds in Hellenistic regions, it was thought that the method in question extended to Sogdiana via Achaemenid Iran, but archaeological data indicate that the architectural style, building technique, and stamped brick tradition existed in other Sogdian cities and early settlements in the region before the Achaemenid period [Grenet 2002: 2; 2004: 1053 – 1054]. Brick symbols are an indication that the workforce in Afrasiab and its surroundings were subject to a rigid organization, that there was a systematic working life, and that the working groups possessing the symbols emphasized their political power by stamping the wall. The Afrasiab fortification system needed to be strengthened at certain intervals; the defense system on the western side of the citadel was especially kept strong, for both the protection of water reservoirs and the reinforcement of weaker areas near the city gate. There are no precise data on the street system or the location of the city gates in the early stages. However, while the monumental defense system was being built, the basic structure and order of the city, established on the hills of Afrasiab, was also revealed¹ [Shishkina 1976: 99 – 104, 187]. In parallel with the development of the

¹ The gate system on the city walls also emerged. The location of the south gate can be understood from the debris carried by the main streets and the canal leading to it. The north gate was in the north direction of the “square temple”. The western gate, on the other hand, was in the depression where the western main road ended, positioned close to the strong defensive zone in the southwestern corner of the North Fortress. The Chinese Gate in the East was moved at the beginning of the Middle Ages during the decline of the city.

main settlement, political-religious center, and production area, engineering projects were carried out for the city's water needs. Apparently, the water reservoir was located in a karstic depression in the west, where the reserve deposition line was built ¹ [Muhamedjanov 1969: 295]. During the establishment of the city, the water reservoirs were surrounded by orchards, and the natural depressions that were present at regular intervals throughout the entire Afrasiab plateau were used for collecting water. ² Artisans' workshops ran along the periphery of the city and were directly adjacent to the walls. The passageways inside the wall were only added during the repairs in the Hellenistic period. The urban production, economy, and administration of Afrasiab, shaped within the ancient city wall, was also formed within these borders.

Political History of Afrasiab: Achaemenid Period

Sogdiana's sophisticated urban culture – resilient, adaptable to new conditions, and capable of renewing itself in a short time period and its unique characteristics – thanks to its location on the crossroads of various civilizations – attracted the attention of other civilizations. Sogdiana has often experienced such invasions and their negative consequences, but none of these invaders was able to hold Sogdiana or its most important center of Afrasiab for long. Despite a strong foreign presence throughout Sogdiana, it preserved its independent political status except for short periods and did not come under the domination of any single political power or dynasty.

The first power to occupy Afrasiab and Sogdiana was the Persian Achaemenid Dynasty (559 – 330 BCE). On the Behistun Inscription, dated to the reign of the Achaemenid emperor Darius I (522 – 486 BCE), the Sogdians are counted among the subjects of Persia, with Sogdiana, Parthia (Khurasan-Iran) and Arya (Herat-centered Southern Bactria) being listed as the sixteenth satrapy / province of the Achaemenid Empire [Kuzakçı 2022: 32 – 33]. In terms of urban architecture and social life, in addition to strengthening and adding to the city walls the attempts to enrich the water resources of the city can be considered among the most important developments in the Achaemenid period. At the beginning of this period, additional canals were built on the Dargom Canal, which extends from the

¹ In water transport, the aqueduct called Juy-i Arziz in the Middle Ages greatly increased the amount of water coming to the city and eliminated the chronic water scarcity: Barthold 1965: 188; 1965: 274 – 276; Terenozhkin 1947: 131.

² Soil and layer analysis revealed the existence of reserves and orchards; see Mantellini 2014: 38 – 59.

Zarafshan River to a distance of 40 km, and a water line entering the city from the southern gate of Afrasiab was built [Terenozhkin 1972: 90 – 93; Lhuillier 2018: 267].

Hellenistic Period in Afrasiab

After Alexander the Great (336 – 323 BCE) dealt a major blow to the Achaemenid Dynasty, his army encountered resistance in the fortified cities of Sogdiana, with Afrasiab as the center of resistance to the invaders. Ultimately, however, Alexander succeeded in subduing Afrasiab and Sogdiana [Arrian of Nicomedia: 206] and married Roxane / Rushen, daughter of the local Sogdian ruler / leader Oxyartes. With the disintegration of the Macedonian Empire following Alexander's death, Sogdiana initially remained under the political influence of the Greco-Bactrian Kingdom, but soon regained its former independent status [Bernard 1994: 99; Quintus Curtius Rufus: 179 – 180; Arrian of Nicomedia: 203 – 204].

Despite not being under the full control of any of the great empires of the time, Afrasiab and Sogdiana continued to be subject to various cultural influences due to their location along strategic trade routes. Indeed, Afrasiab and Sogdiana and its architecture, along with aspects of its material cultural, such as pottery and vases, exhibit distinct foreign influences during the Hellenistic period. The city walls in the northern and western parts of Afrasiab, built of unbaked square bricks, are among the most remarkable structures of the Hellenistic period. Passages inside and battlements along the city walls are important contributions of the Hellenistic period to the Afrasiab wall system. Ancient writers record that the city walls of Afrasiab (which they call Maracanda / Marakanda) were 70 stadia* long [Quintus Curtius Rufus: 180; Masson 1986: 72]. This figure likely refers to the periphery of the outermost residential area, thus including the suburbs of the city or the settlements that were under the direct influence of Afrasiab. The first reflections of the Hellenistic period in the cultural life of Afrasiab and Sogdiana can be seen in the architectural field. After learning new approaches to defense methods, innovative elements were added to the fortification line. While continuing the longitudinal corridor application on the walls [Kabanov 1964: 80; Kabanov, Shishkina 1968: 53 – 55], new niches were added, and the walls were made suitable for archers [Shishkina 1986: 73 – 74]. The smoothness of the bricks, the perfection of the masonry, the masterful use of mortar, the reed linings which were resistant to moisture and salt, the use of arches around

* 1 stadia is approximately 600 feet / 180 meters.

the beams to insulate against earthquakes, and finally the thick wooden buttresses along the entire perimeter of the wall (more than 5 km) show the high standards of workmanship and the integration of Hellenistic practices into local Sogdian architectural style [Gertman 1989: 30].

The artisans who came to Sogdiana with Alexander's conquering army were also bearers of Hellenistic traditions [Shishkina 1987: fig. 289]. After the Greeks appeared in the Zarafshan Valley, fortresses and cities were fortified [Frye 1972: 194]. Fortresses such as the Durmen Wall, 20 km west of Afrasiab, previously of quite low construction quality, were strengthened according to new standards [Shishkina 1987: 287 – 289; Genito, Gricina 2010: 113 – 161] Archaeological discoveries show that Hellenization was inevitably accompanied by the emergence of new cities [Levek 1989: 10; Koshelenko 1979: 291, 292]. Ceramics and pottery provide straightforward evidence of this [Shishkina 1975: 60 – 65] with Hellenistic models primarily found in the Greek city called Ay Khanum [Litvinsky 1973b: 123; Martinez-Sève 2015: 17 – 46]. Although there was no local tradition of stonemasonry, stone structures emerged intensively in the Afrasiab region of Sogdiana. Hauz-Tepa, around Afrasiab, and Kumushkent, a part of the capital, were also established on stone foundations. Another foreign influence on local architecture can be seen in the tiling of roofs in Sad-Tepa and Afrasiab [Voronina 1972: 155]. Examples of Hellenistic art also reached the area between the Amu Darya and Syr Darya and clay sculpture art was revived in the region. Initially, Greek models such as Athena were used for portraits of Alexander the Great. Female figures strongly resembled figurines from Tanagra, a town near Athens. Despite these Hellenistic influences, local artistic traditions continued to exist [Meshkeris 1977: 78].

In the 1st century BC, Hellenistic artistic forms were copied excessively, with the original forms undergoing various adaptations and changes during the reproduction process. The urban population of Afrasiab would have been somewhat familiar with the Greek language, as is evident from Greco-Bactrian and Seleucid coins inscribed in Greek circulating in Sogdiana at the time. A top-quality chalice with the name of a resident Greek was found in Afrasiab [Shishkina 1975: 69, fig. 9 – 10; Litvinsky 1973: 17].

Greek letters were also used to mark bricks [Mandelshtam, Pevzner 1958: 294 – 295; Al'baum 1966: 59; Filanovich 1961: 36, fig. 1; Oboldueva 1962: 39, fig. 11]. These findings are the first indications of Greek in the region. The effects of Hellenization were felt strongly not only in the city centers [Gafurov, Tsibukidis 1980: 339 – 340; Rotermel', Shofman 1984: 169], among the elite of society, but also in the rural areas.

The use of Hellenistic style ceramics and pottery (Hauz / Havuz-Tepa), along with the use of stone as an element in monumental buildings are some of the Hellenistic influences found in rural settings [Koshelenko, Khlobystin 1973: 300; Koshelenko 1974: 15].

Changes in the material culture in Afrasiab are the main criteria used to determine the periodization of the city's history. After the Hellenistic period, material culture in the region was transformed. Characteristic of the period from the second half of the first century BCE to the beginning of the second century CE are high-based goblets, not seen in previous layers or periods. These are the elongated versions of red and brown-banded conical goblets used during the Greek period which had a high thick base [Kabanov 1964: 78 – 80]. The new pottery model that emerged shows that Greek models and style were combined with the local regional style [Lyonnet 2018: 428; Shishkina 1986b: 229 – 233, 238; 1975: 60 – 78].

The Greek name Nike is inscribed on one of the glasses discovered in the region. There are also examples of helmeted heads of Athena and Arethusia among the terracottas. Bronzes, three-sided arrowheads, and jewelry seals are other examples of finds showing typical Hellenistic influences. Eastern Mediterranean type pots of foreign origin begin to be seen in the region during this period [Pugachenkova, Rtveladze 1984: 576 – 577; Lyonnet 2018: 427]. In addition to pottery and ceramic products in the region, coin finds show that Greek coins were circulating in Sogdiana right after the conquest of Alexander the Great and at the beginning of the Seleucid period [Atakhodjaev 2013: 213 – 246]. The presence in Afrasiab of coins belonging to Antiochus Soter and the Greco-Bactrian kings Eutidemus and Eucratides indicates that commercial relations intensified during this period and that Afrasiab was a strongly commercial city from ancient times [Grenet 2002: 1 – 2; Malinova, Malina 1988; Inevatkina 2002: 24 – 46].

Following the Hellenistic period, Afrasiab came under the political influence of the Kushan Empire, centered in the region of Bactria. Contrary to the general view, Afrasiab did not experience a sharp decline during the Kushan period (between the first century BCE and the first century CE). Archaeological findings do not support the view that the city was abandoned or experienced economic decline during this period. Monumental mansions, temple structures and stores have been unearthed from this period. In particular, the manufacturing areas, where ceramic workers and blacksmiths were concentrated, expanded. The Juy-i Arziz aqueduct built during this period was made of lead and functioned as the second canal to bring the water of the Dargom Canal to the city. A separate defensive wall was built around Afrasiab, with the wider periphery of

Afrasiab, outside the urban settlement, included in a separate fortification system. Among the archaeological finds from this period are high quality ceramic vases, arrowheads, stones used for defense, bone needles, embroidered precious stones, a silver *obol* (silver Greek coin, with the value of 1/6 of a *drachma*) with an archer figure on it, in circulation for a long time, glass vases, ornaments, goddess figurines made for both the elites and ordinary people, musicians playing instruments and figures of horses [Shishkina 1975: 68 – 75].

Administration of Afrasiab by Local Dynasties

As both archaeological data and historical narratives reveal, Afrasiab was the capital of the entire Sogdian region [Shishkina 1994: 81 – 99]. The complex urban network model typical of Afrasiab-centered Sogdiana spread to Kh^warazm, Farghana and Ushrushana, where it became typical. There is also evidence that the city administrator in Afrasiab occupied a dominant position over other Sogdian cities. The Sogdian title which occurs as “Paradise” in Greek sources and “basista” in Sassanid sources suggests that Afrasiab had a powerful ruler [Monchadskaya 1952: 119 – 120].

Numismatic materials dating to the second half of the second millennium and first millennium BCE show the great socio-political power and level of development of Sogdiana and Afrasiab [Masson 1986: 74]. During this period, socio-economic structure in Afrasiab was at the same level as the Late Medieval period [Zeimal 1967: 152; Marshak, Negmatov 1996: 239]. The regions around Samarqand were controlled by the city center. There were no urban settlements within a 20 – 30 km radius of Samarqand [Monchadskaya 1952: 119 – 120; Sagdullaev 1986: 103] and the surrounding settlements were small towns ranging in size from 17 to 28 hectares. The closest settlements to Samarqand, such as Kumushkent [Monchadskaya 1952: 119 – 120; Pugachenkova 1965: 49 – 50; 1989: 35 – 66] and Durmen, were surrounded by walls. There was also a fortification line formed by the settlements of Gelengur, Aq-Tepa and Kuldor, all far from Samarqand; Barket had a strong fortress, but there were no walls surrounding the city [Muhammedov 1972: 134 – 135]. In the second century BCE, the region between the Amu Darya and Syr Darya was invaded by Yuezhi (Yüeh-chih) tribes. Nevertheless, Sogdiana retained its Hellenistic cultural character. In 128 BCE, Zhang Qian (Chang Ch’ien) found the Yuezhi in Bactria [Bichurin 1950: 151]. In order to reach them, he had to safely pass through the Zarafshan Valley. It can be assumed that there was not enough land in Sogdiana at this time to accommodate large

masses of immigrants. In comparison to Bactria, Sogdiana was densely populated and a significant part of the land was cultivated. Based on data obtained from written sources, it can be assumed that the incursions of the Yuezhi on the region at this time were among the dominant factors in the decline of urban life [Terenzhkin 1947: 130 – 135; Masson 1986: 74; Lukonin 1969: 30; Rtveladze 1986: 34 – 39].

However, archaeological research shows that the decline in question was not long-term and that Afrasiab continued its lively city life; the old fortification line preserved its place in the defense system and a new fortification line was built. The Kangju / Kang-chü dynasty, the local rulers of Afrasiab in the first century BCE, expanded the influence of Afrasiab to Bukhara, establishing their authority over all the city-states in Sogdian territory [Kuzakçı 2022: 39].

A decrease in the density of buildings in the city and an increase in derelict lands indicates that urban life in Samarqand declined in the first century BCE. There are also some transformations in elements of the material culture of the city which are clearly related to the previous period of turmoil. It is possible that, as a result of the intensification of agricultural life, the amount of water used for irrigation increased considerably, resulting in signs of desertification in the lower Zarafshan River and water shortages in the region [Shishkin 1963: 230]. Moreover, in Sogdiana, the number of large-scale castle-type structures increased significantly along the Zarafshan Valley around Afrasiab and Bukhara. With the culmination of serious economic changes in the society, lands were abandoned and the ancient regional defensive walls and city walls lost their function. When the economic situation in Afrasiab improved, the city walls were rebuilt and derelict settlements, along with the lands near them, were separated by new fortification line [Ahunbabaev 1983: 157]. The population of Sogdian cities increased significantly in the 3rd – 4th centuries CE. At the end of this period of migration from Afrasiab to the surrounding areas, a second wall was built inside the ancient city wall line surrounding the center of the capital of Sogdiana, surrounding an area of 66 hectares. The ancient fortification line was 6 km long; the construction of a new fortification line in this area indicates that the population was not adequate to defend the earlier fortification line [Marshak, Negmatov 1996: 223 – 280].

The settlement area of Afrasiab was reduced by one third by the 5th century, and a large necropolis emerged in the previous city center of Afrasiab. Two deep ditches, parallel double-row wall lines built at the end of the 5th and the beginning of the 6th century, signify the narrowing borders of Afrasiab and the stabilization of city life within these boundaries.

During the aforementioned period, the fortress was restored, proof of the existence of the city *kushak* (ruler) [Lebedeva 1990: 160 – 168].

Conclusion

As one of the main cultural centers in the broader region of Central Asia Sogdiana significantly shaped the historical character of urban culture over a vast area. Located between the two great cultural territories of Iran and Balkh-centered Bactria, the unique urban culture of Afrasiab-centered Sogdiana was influenced by both cultural basins. The city of Afrasiab rose on a high plateau in the Sogdian oasis, isolated from its surroundings by natural barriers, on a sheltered plateau where access to water resources was relatively easy and trade routes could be easily controlled. The city's centralized and large-scale urban settlement necessitated a large workforce, which in turn required a strong administrative system. The first inference to be made regarding the foundation period of Afrasiab in the 4th and 5th centuries BCE is that the Sogdians who founded the city formed an organized society based on the division of labor from early times. Afrasiab was built as the capital of the Sogdian territory. The prominent aspect of the city's silhouette and topography is the fortification line, which was subject to various demolitions, renovations, and additions throughout the city's long history. First of all, there was the fortification line that separated the citadel, the religious and administrative area of the city, from the city settlement to the north and on the surrounding plateau, fortification lines that were expanded and strengthened under the Achaemenid administration and during the Hellenistic period. After the Hellenistic period, a new fortification wall was erected to protect the settlement area, reduced from that originally surrounded by the ancient wall. By the end of the 4th century CE, the perimeter of the city walls had expanded considerably, and a defensive wall was built around Sogdian territory. As the prosperous and rich city life of the region constantly attracted the attention of nomadic groups, great empires, and foreign armies, the first defense method that Sogdians resorted to was the construction of city walls. With its changing architecture and archaeological remains, the walls of Afrasiab have provided large-scale data on the development and historical periods of Afrasiab. The widespread effects of the Hellenistic period, the remains of pottery and iron workshops located outside the main city settlement connected to the wall line, shed some light on the ancient history of Afrasiab.

References

Ahunbabaev 1983 – Ahunbabaev Kh. Arheologicheskoe izuchenie Bulungurskogo rayona v 1979 – 1980 gg. // IMKU, 18 (1983), p. 156 – 161.

Al'baum 1966 – Al'baum L. I. Gorodishe Dalverzintepa // IMKU, 7 (1966), p. 59 – 64.

Arrian of Nicomedia – Arrian of Nicomedia. The Anabasis of Alexander, vol. 3, 4 / Transl. by E. J. Chinnock. Londra: Hodder and Stoughton, 1883.

Atakhodjaev 2013 – Atakhodjaev A. K. Données numismatiques pour l'histoire politique de la Sogdiane // Revue Numismatique, 170 (2013), p. 213 – 246.

Avanesova 1986 – Avanesova N. A. K voprosu ob odezhde skotovodcheskih plemen Sredney Azii // Voprosy arheologii, drevney istorii i etnografii. Samarkand, 1986.

Avanesova 2001 – Avanesova N. A. U istokov urbanisticheskogo Afrasiaba // IMKU, 31 (2001), p. 57 – 68.

Barthold 1965 – Barthold V. V. Dzhui-Arziz // Sochineniya, 3. Moskva: Nauka, 1965, p. 274 – 276.

Barthold 1965 – Barthold V. V. K istorii orocheniya Turkestana // Sochineniya, 3. Moskva: Nauka 1965, p. 97 – 235.

Barthold 1966 – Barthold V. V. K istorii Merva // Sochineniya, 4 (1966). Moscow: Nauka, 1966, p. 172 – 195.

Barthold 1984 – Barthold V. V. A Historial Geography of Iran. Princeton, New Jersey: University Press, 1984.

Barthold 2012 – Barthold V. V. Turkestan Down to the Mongol Invasions. Cambridge: Gibb Memorial Trusts, 2012.

Belenitsky, Bentovich, Bol'shakov 1973 – Belenitskiy A. M., Bentovich I. B., Bol'shakov O. G. Srednevekoviy gorod Sredney Azii. Leningrad: Nauka LO, 1973.

Bernard 1994 – Bernard P. The Greek Kingdoms of Central Asia // History of Civilization of Central Asia, vol. 2 / Ed. by J. Harmatta. Paris: UNESCO Publishing, 1994, p. 99 – 126.

Bichurin 1950 – Bichurin N. Ya. Sobranie svedeniy o narodah, obitavshih v Sredney Azii v drevnie vremena / Ed. by A. N. Bernshtam, N. V. Kiuner, vol. 2. Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1950.

Bosworth 1986 – Bosworth C. E. Ma wara' al-nahr // EI, vol. 5. Leiden: E. J. Brill, 1986, p. 852 – 859.

Buryakova 1981 – Buryakova E. Yu. Poselenie Lolazar – predshestvennik goroda na Afrasyabe // K istoricheskoy topografii drevnego i

srednevekovogo Samarkanda / Ed. by Yu. F. Buryakov. Tashkent: Fan, 1981, p. 7 – 23.

Childe 1950 – Childe G. The Urban Revolution // The Town Planning Review, 21/1 (1950), p. 3 – 17.

Childe 2006 – Childe G. Man Makes Himself, Man's Progress Through the Ages / Transl. by Filiz Ofluoglu. İstanbul: Varlık Publications, 2006.

Dyakonov 1954 – Dyakonov M. M. Rospisi Pendjikenta i jivopis' Sredney Azii // Jivopis' drevnego Pendjikenta. Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1954, p. 83 – 158.

Mandelstam, Pevzner 1958 – Mandelstam A. M., Pevzner S. B. Raboti Kafirniganskogo otryada v 1952 – 1953 gg. // MIA, 66 (1958), p. 294 – 299.

Smith 2009 – Smith E. M.-V. Gordon Childe and the Urban Revolution: An Historical Perspective on a Revolution in Urban Studies // Town Planning Review, 80/1 (2009), p. 3 – 29.

Emberling 2003 – Emberling G. Urban Social Transformations and the Problem of the 'First City' // The Social Construction of Ancient Cities / Ed. by Monica L. Smith. Washington: Smithsonian Press, 2003, p. 254 – 268.

Filanovich 1961 – Filanovich M. I. Sirtsovie kirpichi s kleymami drevnego Merva // Izvestiya AN TurkmSSR, SON, 1 (1961), p. 20 – 44.

Filanovich 1969 – Filanovich M. I. K karakteristike drevneyshego poseleniya na Afrasiabe // Afrasiab, 1 (1969), p. 209 – 216.

Filanovich 1973 – Filanovich M. I. K istorii slozheniya gorodskih ukreplenyi Afrasiaba // Afrasiab, vol. 2. Tashkent: Fan, 1973, p. 86 – 95.

Frye 1983 – Frye R. The History of Ancient Iran. Munich: Beck Verlag, 1983.

Frye 1998 – Frye R. The Heritage of Central Asia: From Antiquity to the Turkish Expansion. Princeton: Markus Wiener Publishers, 1998.

Frye 1999 – Frye R. How Ancient is Bukhara? // Bukhara: The Myth and the Architecture / Ed. by Attilio Petruccioli. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, p. 15 – 19.

Gafurov, Tsibukidis 1980 – Gafurov G., Tsibukidis D. I. Aleksandr Makedonskiy i Vostok. Moskva: Nauka, 1980.

Genito, Gricina 2010 – Genito B., Gricina A. The Achaemenid period in the Samarkand area (Sogdiana) // Newsletter di Archeologia CISA, 1 (2010), p. 113 – 161.

Gertman 1989 – Gertman A. N. Stroitel'naya tekhnika drevnego Horezma, (Unpublished PhD). Moscow: AKD.M. "Science", 1989.

Gharib 2004 – Gharib B. Sogdian Dictionary. Tehran: Farhangon Publications, 2004.

Grenet 2004 – Grenet F. Maracanda / Samarkand, Une Métropole Pré-Mongole. Sources Écrites Et Archéologie // Annales. Histoire, Sciences Sociales 59/5-6 (2004), p. 1041 – 1067.

Grenet 2002 – Grenet F. Samarqand: History and Archeology // Encyclopaedia Iranica, 2002, p. 1 – 3.

Grene[t], Karev, Isamiddinov 2005 – Grene[t] F., Karev Yu., Isamiddinov M. Archaeological work at the Afrasiab settlement // IICAS Bulletin, 1, (2005), p. 30 – 48.

Inevatkina 1983 – Inevatkina O. N. Tsitadel' Afrasiaba // IMKU, 18 (1983), p. 88 – 103.

Inevatkina 2002 – Inevatkina O. N. Fortifikatsiya akropolya drevnego Samarkanda v seredine pervogo tisyacheletiya do n.e. // Material'naya kul'tura Vostoka, 3. Moskva, 2002, p. 24 – 46.

Isamiddinov 1989 – Isamiddinov M. Kh. Goncharnoye remeslo i protsessy urbanizatsii Yuzhnogo Sogda // Zoni i etapy urbanizatsii: Tezisy dokladov Regional'noy konferentsii. Namangan – Tashkent, 1989, p. 104 – 129.

Ivanitskiy, Abisheva 1986 – Ivanitskiy I. D., Abisheva B. R. Predvaritel'nyye rezul'taty arheologicheskoy razvedki k severo-zapadu ot Afrasiaba // IMKU, 20 (1986), p. 32 – 35.

Jacobson 1935 – Jacobson H. An Early History of Sogdiana (Unpublished PhD). Chicago: University of Chicago, 1935.

Kabanov 1964 – Kabanov S. K. K evolyutsii dvuh rannih keramicheskikh form // Sovetskaya Arheologiya, 3 (1964), p. 69 – 80.

Kabanov, Shishkina 1968 – Kabanov S. K., Shishkina G. V. Drevneyshie nasloyeniya gorodisha Afrasiab // ONU, 3 (1968), p. 53 – 55.

King, Thompson 1907 – King L. W., Thompson R. C. The Sculptures and Inscription of Darius the Great on the Rock of Behistun in Persia. London: Oxford University Press, 1907.

Koshelenko 1974 – Koshelenko G. A. Osnovnyye problemy izucheniya ellinizma i ellinisticheskoy kul'tury // Antichnost' i antichnyye traditsii v kul'ture i iskusstve narodov Sovetskogo Vostoka / Tezisy dokladov na III vsesoyuznoy konferentsii po problemam iskusstva. Moskva, 1974, p. 15 – 26.

Koshelenko 1979 – Koshelenko G. A. Grecheskiy polis na ellinisticheskom Vostoke. Moskva: Nauka, 1979.

Koshelenko, Khlobystin 1973 – Koshelenko G. A., Khlobystin L. S. Obzor literatury po arheologii Sredney Azii i Kazahstana, vishedshih v 1970 godu // Sovetskaya Arheologiya, 1 (1973), p. 300 – 345.

Kuzakçı 2022 – Kuzakçı B. Sogdian-Turkish Relations (V – VIII. Century), (Unpublished PhD Thesis). İstanbul: Yeditepe University, 2022.

Kuzmina, Pevzner 1956 – Kuzmina E., Pevzner S. B. Oboronitel'nyye sooruzheniya gorodisha Key-Kobad Shah // KS IIMK, 64 (1956), p. 80 – 82.

Le Strange 1930 – Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate: Mesopotamia, Persia and Central Asia; from the Moslem Conquest to the time of Timur. Cambridge: Cambridge University Press, 1930.

Lebedeva 1990 – Lebedeva T. Keramika Afrasiaba V – VI vv. n.e. // IMKU, 23 (1990), p. 160 – 168.

Levek 1989 – Levek S. Ellinisticheskiy mir. Moskva: Nauka, 1989.

Lhuillier 2018 – Lhuillier J. Central Asia during the Achaemenid Period in Archaeological Perspective // The Orient is its garden, Tribute to Rémy Boucharlat, ed. Sébastien Gondet, Ernie Haerinck. Paris: Peters Publication, 2018, p. 257 – 273.

Litvinsky 1973 – Litvinsky B. A. Arheologicheskiye raboty v Tadjikistane v 1962 – 1970 gg. // ART, 10 (1973), p. 8 – 32.

Litvinsky 1973b – Litvinsky B. A. Drevniy sredneaziatskiy gorod: Mestniye traditsii i inozemniye modeli // Direvniy Vostok. Groda i torgovlya / Ed. by G. Kh. Sarkisyan. Yerevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1973, p. 99 – 125.

Liverani 2006 – Liverani M. Uruk: The First City. Marc Van de Mieroop. London: Equinox Publishing Ltd., 2006.

Lukonin 1969 – Lukonin V. G. Zavoevaniya sasanidov na Vostoke i problema kushanskoy absolyutnoy hronologii // VDI, 2 (1969), p. 20 – 44.

Lyonnet 2018 – Lyonnet B. Antique Samarkand or Afrasiab II and III; Differentiation, Chronology and Interpretation // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 24 (2018), p. 420 – 439.

Malatesta and others 2012 – Malatesta, Castelltort, Mantellini, Picotti, Hajdas, Simpson, Berdimuradov, Tosi, Willett. Dating the irrigation system of the Samarkand oasis: A geoarchaeological study // Radiocarbon, 54 (2012), p. 91 – 105.

Malinova, Malina 1988 – Malinova R., Malina I.A. Prizhok v proshloe. Moskva: Mysl, 1988.

Mantellini 2014 – Mantellini S. Settlement dynamics, territory exploitation, and trade routes in the ancient Samarkand oasis (Uzbekistan) // B. Genito, L. Caterina (eds.), *Archeologia delle “Vie della Seta”*. Percorsi, Immagini e Cultura Materiale. II Ciclo di Conferenze. Napoli: CISA, 2014, p. 38 – 59.

Mantellini 2015 – Mantellini S. Irrigation systems in Samarkand // *Encyclopedia of the History of Science, Technology, and Medicine in Non-Western Cultures*. Springer Science Business Media, Dordrecht, 2015, p. 1 – 14.

Mantellini 2017 – Mantellini S. A city and its landscape across time: Samarkand in the ancient Sogdiana (Uzbekistan) // *Archeologia e Calcolatori*, 28/2 (2017), p. 333 – 342.

Mantellini, Berdimuradov 2010 – Mantellini S., Berdimuradov A. E. Traditional techniques, resource exploitation and archaeological record: An ethnographical study from the oasis of Samarkand (Uzbekistan) // *Ethnoarchaeology: Current Research and Field Methods*. Conference Proceedings (Rome 2010) / Ed. by F. Lugli, A.A. Stoppiello, S. Biagetti. Oxford: Archaeopress, 2010, p. 99 – 106.

Mantellini, Berdimuradov 2016 – Mantellini S., Berdimuradov A. E. The Archaeological and Historical Heritage of Samarkand: An Overview from The Uzbek-Italian Expedition 2001 – 2016 // *Archaeology of Uzbekistan During the Years of the Independence: Progress and Perspectives* / Ed. by A. E. Berdimuradov. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbek Academy of Sciences, 2016, p. 60 – 63.

Mantellini, Rondelli, Stride 2011 – Mantellini S., Rondelli B., Stride S. Analytical approach for representing the water landscape evolution in Samarkand oasis (Uzbekistan) // *On the Road to Reconstructing the Past*. Budapest: Archaeolingua Foundation, 2011, p. 387 – 396.

Marshak, Negmatov 1996 – Marshak B., Negmatov N. Sogdiana // *HCCA*, vol. 3 / Ed. by B. Litvinsky. Paris: UNESCO Publishing, 1996, p. 223 – 280.

Martinez-Sève 2015 – Martinez-Sève L. Ai Khanoum and Greek Domination in Central Asia // *Electrum*, 22 (2015), p. 17 – 46.

Masson 1986 – Masson V. M. Vzaimodeystviye raznourovnevih traditsiy v gorodskoy kul'ture Baktrii i Sogda // *Gorodskaya kul'tura Baktrii-Toharistana i Sogda: Antichnost', ranneye srednevekovye* / Ed. by G. Pugachenkova. Materialy Sovetsko-Frantsuzskogo kollokviuma. Samarkand – Tashkent, 1986, p. 62 – 93.

Masson 1950 – Masson M. E. K periodizatsii drevney istorii Samar-kanda // *VDI*, 4 (1950), p. 155 – 156.

Meshkeris 1977 – Meshkeris V.A. Koroplastika Sogda. Dushanbe: Donish, 1977.

Monchadskaya 1952 – Monchadskaya E. O tsarskom gorode, ili vtoroy stolitse Sogdianı // VDI, 2 (1952), p. 119 – 120.

Muhammedov 1972 – Muhammedov Kh. Novıe uchastki Kanpir-Devora drevnego Sogda // IMKU, 9 (1972), p. 134 – 135.

Mumford 1961 – Mumford L. The City of History: Its Origins, Its Transformations and Its Prospects. New York: Harcourt, Brace and World, 1961.

Narshakhi 1954 – Abu Bakr Muhammad ibn Ja'far Narshakhi. The history of Bukhara / Transl. by Richard N. Frye. Cambridge, MA: The Medieval Academy of America, 1954.

Oboldueva 1962 – Oboldueva T. G. Raskopki 1960 goda na gorodishe Eylatan // KS IIMK, 91 (1962), p. 30 – 44.

Pachos 1965 – Pachos M. [K.] Iz raskopok na Afrasiabe // Iz istorii kul'turi narodov Uzbekistana. Sbornik statey. Tashkent: Nauka, 1965, p. 19 – 31.

Pachos 1966 – Pachos M. K. Oboronitel'niye sooruzheniya Afrasiaba // (Unpublished PhD). Tashkent: Institut istorii i arheologii AN UzSSR, 1966.

Pachos 1967 – Pachos M. K. K izucheniyu sten gorodisha Afrasiab // Sovetskaya Arheologiya, 1 (1967), p. 60 – 73.

Pugachenkova 1965 – Pugachenkova G. A. K razvedke antichnih pamyatnikov Sogdianı // ONU, 4 (1965), p. 49 – 50.

Pugachenkova 1989 – Pugachenkova G. A. Drevnosti Miankal'a: Iz rabot Uzbekistanskoy iskusstvovedcheskoy ekspeditsii. Tashkent: Fan 1989, p. 35 – 66.

Pugachenkova, Rtveladze 1984 – Pugachenkova G. A., Rtveladze E. V. AFRASIAB i The Archeological Site // Encyclopedia Iranica, I/6, p. 576 – 578 (<https://www.iranicaonline.org/articles/afrasiab-the-ruined-site> – 2011).

Pyankov 1973 – Pyankov I. V. Gorod Sredney Azii ahemenidskogo vremeni po dannım antichnih avtorov // Drevniy Vostok: Goroda i trgovlya / Ed. by G. Kh. Sarkisyan. Erevan: Izd-vo AN ArmSSR 1973, p. 99 – 134.

Quintus Curtius Rufus – Quintus Curtius Rufus. History of Alexander, Vol. II, transl. John. C. Rolfe. Cambridge: Harvard University Press, 1943.

Rahmatov 1973 – Rahmatov T. Etimologiya Toponima “Samarkand” // *Sovetskaya Turkologiya*, 4 (1973), p. 44 – 50.

Rapin, Isamiddinov 2013 – Rapin C., Isamiddinov M. Kh. Entre sédentaires et nomades: les recherches de la Mission archéologique franco-ouzbèke (MAFOuz) de Sogdiane sur le site de Koktepe // *Cahiers d’Asie Centrale*, 21/22 (2013), p. 113 – 133.

Rondelli, Mantellini 2004 – Rondelli B., Mantellini S. Methods and Perspective for Ancient Settlement Studies in the Middle Zeravshan Valley // *The Silk Road Newsletter*, 2 (2004), p. 35 – 39.

Rotermel, Shofman 1984 – Rotermel L. R., Shofman A. S. Herman Bengtson i yego kontsepsiya ellinizma // *VDI*, 4 (1984), p. 160 – 171.

Rtveladze 1986 – Rtveladze E.V. Stena Darbanda baktriyskogo // *ONU*, 12 (1986), p. 34 – 39.

Sagdullaev 1986 – Sagdullaev A.S. K voprosu o vtoroy stolitse Sogda // *Gorodskaya sreda i kul’tura Baktrii-Toharistana i Sogda*. Tashkent: Universitet, 1986.

Shishkin 1961 – Shishkin V. A. Uzbekistanskaya arheologicheskaya ekspeditsiya AN UzSSR // *IMKU*, 2 (1961), p. 42 – 53.

Shishkin 1963 – Shishkin V. A. Varakhsha. Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1963.

Shishkin 1969 – Shishkin V. A. K istorii arheologicheskogo izucheniya Samarkanda i yego okrestnostey // *Afrasiab*, 1 (1969), p. 3 – 121.

Shishkin 1969 – Shishkin V. A. Kala-i Afrasiab // *Afrasiab*, 1 (1969), p. 122 – 136.

Shishkina 1969 – Shishkina G. V. O mestonahozhdenii Marakandi // *Sovetskaya Arheologiya*, 1 (1969), p. 62 – 75.

Shishkina 1975 – Shishkina G. V. Ellinisticheskaya keramika // *Sovetskaya Arheologiya*, 2 (1975), p. 60 – 78.

Shishkina 1976 – Shishkina G. V. Severniye vorota drevnego Samarkanda // *Istoriya i kul’tura narodov Sredney Azii: Drevnost’ i sredniye veka* / Ed. by B. G. Gafurov, B. A. Litvinsky. Moskva: Nauka, 1976, p. 99 – 187.

Shishkina 1986 – Shishkina G. V. Les remparts de Samarcande à l’époque hellénistique // *La fortification dans l’histoire du monde grec* / Ed. P. Leriche, H. Tréziny. Paris: Éditions du CNRS, 1986, p. 71 – 78.

Shishkina 1986b – Shishkina G. V. Materialı pervih vekov do nashey eri iz raskopok na severo-zapade Afrasiaba // *Afrasiab*, vol. 1, p. 221 – 247.

Shishkina 1987 – Shishkina G. V., Naimark A. I. Istoricheskaya topografiya Durmen-tepe // *Zadachi sovetskoy arheologii v svete resheniy*

XXVII-go syezda KPSS: Doklady Vsesoiuznoy arheologicheskoy konferentsii. Suzdal, Moskva, 1987, p. 287 – 289.

Shishkina 1994 – Shishkina G. V. Ancient Samarkand: Capital of Soghd // Bulletin of the Asia Institute, 8 (1994), p. 81 – 99.

Soucek 2000 – Soucek S. A History of Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Strabo 2006 – Strabo. The Geography of Strabo V. V. / Transl. by H. L. Jones. Cambridge: Harvard University Press, 2006.

Stride, Rondelli, Mantellini 2009 – Stride S., Rondelli B., Mantellini S., Canals versus horses: Political power in the oasis of Samarkand // World Archaeology, 41 (2009), p. 73 – 87.

Terenzhkin 1947 – Terenzhkin A. I. Voprosy istoriko-arheologicheskoy periodizatsii drevnego Samarkanda // VDI, 4 (1947), p. 127 – 135.

Terenzhkin 1948 – Terenzhkin A. I. Issledovaniya na Afrasiabe v 1948 g. // Arxiv Sektora arheologii AN UzSSR, Mashinopis, p. 4 – 8.

Terenzhkin 1950 – Terenzhkin A. I. Sogd i Chach // KS IIMK, 33 (1950), p. 152 – 169.

Terenzhkin 1972 – Terenzhkin A. I. Voprosy periodizatsii i hronologii drevneyshego Samarkanda // Sovetskaya Arheologiya, 3 (1972), p. 90 – 99.

Vyatkin 1906 – Vyatkin V. L. Kandiya Malaya // Spravochnaya knizhka Samarkandskoy oblasti, 8 (1906), p. 236 – 290.

Vyatkin 1927 – Vyatkin V. L. Afrasiab: Gorodishe bilygo Samarkanda. Tashkent: Izdanie Glavnauki Narkomprosa, 1927.

Voronina 1972 – Voronina L. Ellinisticheskiy order na territorii Tadjikistana // Arhitekturnoye Nasledstvo, 20 (1972), p. 143 – 159.

Weber 2012 – Weber M. The City: The Emergence of the Modern City / Transl. by Musa Ceylan. Istanbul: Yarin Publications, 2012.

Zeimal 1967 – Zeimal E. K periodizatsii drevney istorii Sredney Azii // Tsentral'naya Aziya: Novye pamyatniki pis'mennosti i iskusstva. Sbornik statey / Ed. by B. Piotrovskiy, G. Bongard-Levin. Moskva: Nauka, 1967, p. 121 – 159.

**РОЖДЕНИЕ АФРАСИАБА (САМАРКАНДА)
В ДРЕВНЕЙ ГЕОГРАФИИ СОГДИАНЫ
(VI В. ДО Н.Э. – II В. Н.Э.)**

Башак Кузакчи

Феномен урбанизма и возникновение города объясняются сочетанием многих факторов, таких как рост населения, увеличение прибавочного продукта, появление сильного правителя и сложность социальной структуры. Та же динамика сыграла решающую роль в возникновении древнего города Афрасиаба (Самарканд), рассмотренного в рамках данного исследования. Строительство ирригационных систем и повышение производительности сельского хозяйства в согдийской географии Центральной Азии в VI – V вв. до н.э. положили начало процессу эволюции сельских поселений региона в города вместе с политической институционализацией. В данном исследовании речь идет о возникновении города Афрасиаба, процессе строительства и топографии, периоде эволюции с точки зрения архитектуры. В исследование включены социокультурные и экономические процессы, приведшие к возникновению города Афрасиаба, архитектурные элементы Афрасиаба, его география, система укреплений и топография города. Помимо физического преобразования города, политические периоды и занятие города оценивались в контексте их воздействия на город. Методологически в исследовании использовались вместе археологические и исторические данные. Таким образом, оно было направлено на устранение пробела в данных, вызванного отсутствием письменных источников, что является основным ограничением, встречающимся в исследованиях этого периода. Это исследование в основном направлено на изучение прочных основ городской культуры Центральной Азии путем выявления истоков и характеристик динамики урбанизации в Согдиане через город Афрасиаб. Город Афрасиаб был выбран в качестве объекта исследования именно потому, что он имеет статус развитой столицы Согды.

Ключевые слова: Афрасиаб, Самарканд, Согдиана, городская история, Средняя Азия, Мавераннахр.

Часть 4. Топонимика.

VII

ЕЩЕ РАЗ О НАПИСАНИИ ТОПОНИМА БАЙКАНД В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКАХ¹

Ш. С. Камолиддин

В статье речь идет о написаниях топонима Байканд в средневековых персоязычных источниках. В современной историографии название этого средневекового города, расположенного в области Бухары, принято писать в форме Пайканд. Такая же форма употреблялась в российской историографии конца XIX – нач. XX вв. В результате своего исследования автор приходит к выводу, что во всех персоязычных источниках название этого города написано в форме Байканд. Теперь это подтверждают и китайские источники, в которых оно приводится в форме *Ві 畢* или *Ві guo 畢國*, что является китайской передачей топонима Бай. С названием этого города мог быть связан титул *бай / пай* Нири (Нили)-кагана, зафиксированный в согдийской надписи на мемориальном памятнике, установленном в его честь в долине реки Или в Восточном Туркестане. Автор считает, что в арабских источниках он упоминается под именем Йилтегин (یل تکین) или Ил-тегин (ایل تکین), т.е. Эл-тегин, и отождествляет его с «падишахом», который, согласно Наршахи, правил в Бухаре после Шир-и Кишвара с резиденцией в Байканде.

Ключевые слова: Тюркский каганат, тюрки, Бухарский оазис, Байканд, резиденция тюркских каганов, Эл-тегин, Нили-каган.

В китайских источниках, сведения которых основаны на данных китайского посольства, отправленного в 436 – 437 гг. в «Западные регионы» (Хиу 西域) династией Северная Вэй (北魏), упоминается владение *Ві 畢* или *Ві guo 畢國* с вариантами *Zaojiazhi 早伽至*, *Bijiazhi 畢伽至* или *Beijiazhi 卑伽至* [Stark 2022: 98 – 100], которое отождествляется с городом Байканд (بيکند) арабских и персидских источников, расположенным в области Бухары на пути в Хорасан [al-Istakhri: 313 – 315; Hudud al-‘Alam: 113; al-Moqaddasi: 49, 266]. Это является самым ранним упоминанием города Байканд в письменных источниках.

Первые подборки сведений источников о Байканде встречаются в работах В.В.Бартольда и других российских востоковедов конца

¹ Ранее нами была опубликована статья, посвященная этимологии топонима Байканд, в которой рассматривался также вопрос о его написании в средневековых источниках [Камолиддин 2019: 61 – 75].

XIX – нач. XX вв., в которых название этого города приводится в форме Пейкенд [Бартольд 1963: 169 – 171; Зимин 1913: 59 – 89]. С тех пор в научной литературе прочно укрепилась именно такая форма написания (Пейкенд / Пайкенд) этого топонима. Между тем, исследование персоязычных источников показывает, что во всех них название этого города приводится в форме Байканд (بيکند), т.е. так же, как и в арабских источниках. Так, в таких персидских источниках, как «Худуд ал-‘Алам» [Худуд ал-‘Алам: 4а, 96, 226]¹, «Зайн ал-ахбар» Гардизи [Гардизи: 238], «Тарих-и Бухара» Наршахи [Наршахи: 23, 31, 41, 42, 45, 50, 51, 78], «Шахнамэ» Фирдоуси [Wolf 1935: 172; Ferdousi IV: 184 (210, 217), 188 (281); V: 102 (271); VII: 38 (85); VIII: 481 (824)]², персидские переводы сочинений ат-Табари [Бал‘ами IV: 820 – 824; Bel‘ami IV: 19]³ и ал-Истахри [Истахри: 239, 241, 242, 244, 246], а также персидский перевод географического сочинения «Ашкал ал-‘Алам» («Контурсы мира»), которое приписывается Абу-л-Касиму Ахмаду Джайхани [Ашкал ал-‘Алам: 184 – 186, 196, 198, 202], название этого города приводится в форме Байканд (بيکند), т.е. через б (ب), хотя в этих же сочинениях встречается множество названий с участием буквы п (پ).⁴ В период после монгольского нашествия город Байканд не существовал, но в качестве реликта его название в форме Байканд (بيکند) упоминается среди городов Мавераннахра в «Нузхат ал-кулуб» Мустауфи Казвини (XIV в.) со ссылкой на сочинение «Сувар ал-акалим» [Mustawfi-i Qazwini: 94; Mustawfi of Qazwin I: 261; II: 255;]⁵, а также в средневековых персидских толковых словарях [Dehkhoda IV: 5253].

В эпоху позднего средневековья и в колониальное время это название было распространено в форме Пайканд [НПБЭ 2001: 104], и

¹ В английском переводе в одном месте принято чтение Paykand [Hudud al-‘Alam: 113], хотя в оригинальном тексте в этом месте написано Байканд (بيکند) [Худуд ал-‘Алам: 226].

² В новейшем критическом издании персидского текста во всех случаях принято чтение Байканд (بيکند). Лишь в некоторых поздних рукописях встречается также форма Пайканд (پيکند) [Wolf 1935: 221; Фирдоуси VIII: 22 (269); IX: 376 (794); Dehkhoda IV: 6018].

³ В французском переводе в одном месте (87 г.х.) дается чтение Paikand [Bel‘ami IV: 156 – 160], но в персидском тексте в этом месте, так же как и в других местах везде приводится чтение Байканд (بيکند) [Бал‘ами IV: 821 – 825].

⁴ Например, в «Зайн ал-ахбар» Гардизи приводится множество топонимов, начинающихся с буквы «п» (پ): Параб, Парс, Пешавар, Парван, Панджаб, Пандждех, Панджвай, Пушанг, Пунча и др.

⁵ В XV в. имамы выходцы из Байканда, могилы которых находились в Бухаре, были известны под *нисбой* Шаристани (شارستاني), из чего следует, что Байканд был известен также под названием Шаристан (شارستان) – «город» [Мулла-зада: 66].

употреблялось для обозначения развалин древнего города [Зимин 1913; ГП 1988]. Поэтому единственно правильной формой первоначального доисламского названия этого города следует считать Байканд, а форму Пайканд возникшей в эпоху позднего средневековья под влиянием персидского языка. Помимо арабских и персидских источников, в которых название этого города приводится в форме Байканд (بيکند), теперь это подтверждают и китайские источники, в которых оно приводится в форме Вi 畢 или Вi guo 畢國, что является китайской передачей топонима Бай.

Первая часть топонима Байканд может быть связана с древнетюркским словом *baj* – «богатый», «щедрый», «зажиточный»; «знатный господин», «муж» [ДТС: 79], которое встречается как в составе личных имен: Бай Апа (Вaj Ара), Бай Буга (Вaj Буҫа), Бай Темур (Вaj Темür) и др. [ДТС: 79]¹, так и в топонимии: Бай-Балык (Вaj Balıq), Бай-Йигач (Вaj Yıҫaç) [ДТС: 79]. В XI – XII вв. в Восточном Туркестане был город с таким же названием Байканд (بيکند) [Джапаридзе 1984: 28]. Слово *baj* относится к числу исконных слов тюркского языка [Clauson 1972: 384; Севортян 1978: 27 – 29].² В целом этот топоним можно этимологизировать как «Богатый город», или «Город богатых людей».

В местности Сяо Хонгнахай в долине Текес в 6 км к ЮВ от Жаосу, административного центра Казахского автономного района, расположенного в долине реки Или в Восточном Туркестане, найдена каменная статуя с согдийской надписью, в которой читается имя *p'uy nry x'y'n* – Пай Нири каган. Считается, что это мемориальный памятник, установленный в честь тюркского кагана, известного по китайским источникам как Нили 泥利. Слово Пай (*p'uy*) в этом тексте может быть одним из титулов или эпитетов Нири (Нили)-кагана [Osawa 2004: 478 – 481; Stark 2009: 121]. Возможно, это слово, является согдийской передачей тюркского слова *бай*.³ Таким же образом тюркское слово *buqar* передавалось в согдийском в форме *pwy'r* или *pwx'r* [Камолитдин 2015: 101 – 110; Kamoliddin 2011: 348 – 358]. Следовательно, согдийское написание топонима Байканд могло быть

¹ Это слово часто встречается в составе личных имен до сих пор: Бай-Мирза, Бай-Мухаммад, Бай-Мурад, Бай-Кара, Байхан и др.

² Его не следует путать с другим тюркским словом *beg* – «правитель», «вождь», «господин» [ДТС: 91], о происхождении которого были высказаны различные точки зрения [Clauson 1972: 322 – 323; Севортян 1978: 97 – 100].

³ В согдийском языке есть глагол *p'uy* – «защищать», «оберегать» [Gharib 1995: 262 (6550)], но имеет ли он отношение к рассматриваемому топониму, неизвестно.

в форме *p'uknd* – Пайканд, хотя в согдийских источниках такая форма не зафиксирована.¹

В таком случае можно предположить, что титул Нири (Нили)-кагана был связан с первой частью топонима Байканд. Но здесь возникает вопрос: какое отношение имел этот тюркский каган к городу Байканду? Махмуд ал-Кашгари пишет, что «все города Мавераннахра к востоку от Байканда считались городами тюрков, потому что названия городов Самарканд, Ташканд, Озканд, Тунканд – тюркские. Слово *-канд* по-тюркски означает «город». Тюрки построили эти города и дали им эти названия. После того, как здесь значительно возросло количество персов, они стали похожи на города ‘Аджама», т. е. Персии [Кошгарий I: 329, 330, 414; III: 164]. Согласно «Шахнамэ», в Байканде находилась резиденция мифического правителя Турана Афрасиаба [Wolf 1935: 172], который в XI в. отождествлялся с легендарным каганом тюрков Алп Эр Тонга или Тонга Алп Эр [Кошгарий I: 77; III: 163, 379; Юсуф Хос Хожиб: 102 – 103].

Такую же роль Байканд выполнял и для тюркских каганов. Когда в 54/673-74 г. арабы впервые переправились через Амударью и подошли к Байканду, здесь против них воевали тюрки во главе с их государем. С ним была его супруга Кабадж-хатун [at-Tabari II: 169; al-Beladsori: 410]. То, что с государем тюрков находилась его супруга, указывает на то, что он был здесь не проездом, а жил постоянно. По крайней мере, здесь была его резиденция, в которой он имел местопребывание в определенную часть года. Абу ‘Али Бал‘ами прямо указывает, что Байканд был резиденцией государя тюрков [Bel‘ami IV: 19]. В 110/728-29 г. арабы вновь встретили в Байканде тюрков во главе с их каганом [at-Tabari II: 1507 – 1529].

Согласно Наршахи, рядом с Байкандом находилось большое озеро, в которое стекали излишки вод реки Согда. Жившие здесь тюрки называли это озеро Каракул или Дингиз. Байканд был древнее Бухары, и каждый *падишах*, правивший в этой области, возводил свою резиденцию здесь. Знатные люди и дикканы Бухары обратились к падишаху тюрков Кара Чурину, которого называли Бийагу, защитить их от насилия их местного правителя Аброя. Бийагу послал к ним своего сына Шир-и Кишвара с большим войском. Шир-и Кишвар прибыл в Байканд и убил Аброя. Ему понравилась эта область и он просил отца разрешить ему остаться здесь. Бийагу отдал ему во владение эту об-

¹ В согдийских надписях на доисламских монетах с квадратным отверстием из окрестностей городища Пайканд представлен топоним *ptknd* или *ptkndh* (*patkan*), передающий название этого города. Эти монеты датируются последней четвертью VII в. [Лившиц, Луконин 1964: 167, прим. 91; Лившиц, Хромов 1981: 349].

ласть. Шир-и Кишвар правил здесь 20 лет и построил шахристан Бухары, а также селения Мамастин, Сакматин, Самтин и Фараб. После него правил другой *падишах*, который основал селения Искиджкат, Шарг, Фарахша, Рамтин (Рамитан) и Фарахша. Он был женат на дочери государя Чина, которая привезла с собой в Бухару храм идолов, и его поместили в Рамтине [Наршахи: 23, 31].

Шир-и Кишвар отождествляется с правителем Бухары Чол-хаканом (جول خاقان) [Frye 1954: 108, п. 28], которого в 587 г. убил сасанидский полководец Бахрам Чубин [Masoudi II: 213 – 214; ad-Dinawari: 84 – 85]. Этот каган, в свою очередь, отождествляется с Эл Арсланом (ایل ارسلان), сыном Тарду-кагана (в 576 – 587 гг. – каган западных тюрков; 587 – 603 гг. – каган восточных тюрков) и внуком Истами-кагана (правил в 562 – 576 гг.). В китайских источниках он упоминается под именем Йанг-су деле (тегин), в арабских – Шаба (شابه) или Шийаба (شيبابه) [Ibn Khordadbeh: 40], а в персидских – Сава-шах (ساوه شاه) или Саух [Гумилев 1967: 115, 132]. С ним отождествляется также Асилань-дагань (Арслан-тархан) китайских источников [Chavannes 1903: 149; Зуев 2002: 200].

«Другой падишах», правивший в Бухаре после Шир-и Кишвара, отождествляется с правителем по имени Йил-тегин (یل تکین) или Ил-тегин (ایل تکین), т. е. Эл-тегин [ad-Dinawari: 84 – 85]. В китайских источниках он упоминается под именем Нили-кэхань [Chavannes 1903: 157], а в арабских и персидских – Бармуда (برموده), Пармуда (پرموده) или Нармуд (نرمود) [Masoudi II: 213 – 214; Фирдоуси 1952: 61, 68, 77, 89]. Второе имя Эл-тегина – Пармуда производится от буддийского титула *pramukha* [Harmatta, Litvinsky 1996: 371] или является иранской калькой тюркского имени Сава Буюрука [Гумилев 1967: 132]. Буюрук был одним из титулов Эл-тегина, который правил в Бухаре с 587 г. до 600 или 603 г. с резиденцией в Байканде, в то же время он был верховным правителем Западного Тюркского каганата [Гумилев 1967: 132; Кляшторный 1985: 166]. В этот период центр политической жизни Западного Тюркского каганата на время переместился из Йетису (Семиречья) в Бухарский оазис.

Тюркский каган Нили 泥利 китайских источников отождествляется с Нири-каганом (*nry x'γ'n*) вышеупомянутой согдийской надписи на мемориальном памятнике в долине Или в Восточном Туркестане [Osawa 2004: 478 – 481; Stark 2009: 121]. Следовательно, у нас есть основание считать, что в этой надписи речь идет об Эл-тегине (Пармуда, Буюрук), который прежде, чем стать Нири (Нили)-каганом, правил некоторое время в Бухарском оазисе с резиденцией в Байканде. В таком случае получается, что он имел также эпитет или титул Бай,

который в согдийской надписи передан в форме Пай (р'у), и мог быть образован от первой части названия этого города. Сведения китайских источников позволяют предполагать, что город носил это название еще в первой пол. V в., т.е. задолго до образования Тюркского каганата.¹

Использованная литература

Источники

Ашкал ал-'Алам – Абу-л-Касим Ахмад Джайхани. Ашкал ал-'Алам. Тахсин-и джахангир ва джуграфи ангар-и ирани / Тарджима 'Али ибн 'Абд ас-Салам Катиб ба мукаддима ва та'ликат Фируз Мансури. Б. г. и м.

Бал'ами – Абу 'Али Мухаммад ибн Мухаммад Бал'ами. Тарих-и Бал'ами. Такмила ва тарджума Тарих-и Табари та'лиф-и Абу Джа'фар Мухаммад ибн Джарир Табари ба тасхих-и Мухаммад Таки Бахар «Малик аш-шу'ара'» ба кушиш Мухаммад Парвин Гунабади. Техран, 1353.

Гардизи – Абу Са'ид 'Абд ал-Хайй ибн ад-Даххак ибн Махмуд Гардизи / Изд. 'Абд ал-Хайй Хабиби. Техран: Дунйа-и китаб, 1363.

Истахри – Абу Исхак Ибрахим Истахри. Масалик ва мамалик. Тарджума-йи фарси аз акрун 4-5 хиджри / Изд. Ирадж Афшар. Техран, 1347 (2-е изд.: 1368) [1962].

Кошгарий – Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк) / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. 3 томлик. Тошкент: Фан, 1960 – 1963.

Мулла-зада – Ахмад ибн Махмуд Му'ин ал-фукара'. Тарих Муллазада дар зикр-и мазарат-и Бухара дар нима-и аввал карн-и нухум ба ихтимам Ахмад Гулчин Ма'ани. Техран: Интишарат-и китабхана-и Ибн Сина, 1339.

Наршахи – Мухаммад ан-Наршахи. Та'рих-и Бухара. История Бухары / Вступительная статья Д. Ю. Юсуповой. Перевод комментария и примечания Ш. С. Камолиддина. Археолого-топографический комментарий Е. Г. Некрасовой. Ташкент: SMI-ASIA, 2011.

Фирдоуси – Фирдоуси. Шах-наме / Критический текст. В 9 томах. М.: Наука, 1966 – 1971.

Фирдоуси 1952 – Абу-л-Касим Фирдоуси. Шах-наме. Сказание о Бахраме Чубине / Перевод с персидского. Сталинабад, 1952.

¹ Подробнее о древних тюрках в Бухарском оазисе см. Камолиддин 2007: 67 – 74.

Худуд ал-‘Алам – Худуд ал-‘Алем. Рукопись Туманского / С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.

Юсуф Хос Хожиб – Юсуф Хос Хожиб. Қутадғу Билиг. Тошкент: Фан, 1971.

al-Beladsori – Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori. Liber expugnationis regionum, quem e codice Leidensi et codice Musei Britannici / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1863.

Bel‘ami – Chronique de Abou-Djafar Mohammed-ben-Djarir-ben-Yezid Tabari, traduite sur la version persane d’Abou-‘Ali Mohammed Bel‘ami d’après les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury par M. H. Zotenberg, t. I – IV. Paris: Editions Besson et Chantemerle, 1867 – 1874 [1958].

Chavannes 1903 – Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux // Сб. тр. Орхонской экспедиции, вып. 6. СПб., 1903.

ad-Dinaweri – Abu Hanifa ad-Dinaweri. Kitab ahbar at-tiwal / Publié par V. Guirgass. Leide: E. J. Brill, 1888.

Ferdousi – Abu’l-Qasem Ferdousi. The Shahname (The Book of Kings) / Ed. by Djalal Khaleghi-Motlagh with an introduction by Ehsan Yarshater. Vol. I – VIII. New York: Bibliotheca Persica, 1988 – 2010.

Hudud al-‘Alam – Hudud al-‘Alam. The Regions of the World, a Persian geography / Translated and explained by V. Minorsky. The 2nd edition. London: Luzac & Co., Ltd., 1970.

Ibn Khordadbeh – Abu-l-Kasim ‘Obaydallah ibn ‘Abdallah Ibn Khordadbeh. Kitab al-Masalik wa-l-mamalik / Ed. M. J. de Goeje, BGA, pars 6. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967.

al-Istakhri – Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Viae regnorum / Ed. M. J. de Goeje, BGA, pars 1. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967.

Macoudi – Macoudi. Les prairies d’or / Text et traduction C. Barbier de Meynard, t. I – IX. Paris: Société Asiatique, 1861 – 1877.

al-Moqaddasi – Shamsaddin Abu ‘Abdallah Mohammad ibn Ahmad al-Moqaddasi. Descriptio Imperii moslemici / Ed. M. J. de Goeje, BGA, pars 3. Lugduni Batavorum, 1967.

Mustawfi-i Qazwini – Hamdallah Mustawfi-i Qazwini. The Tarikh-i Guzida or Select History, compiled in A.H. 730 (A.D. 1330), and now reproduced in fac-simile from a manuscript dated A.H. 857 (A.D. 1453) / Ed. by E. G. Browne with indices of the fac-simile text by R. A. Nicholson. Part 1. Text (“E. J. W. Gibb Memorial” Series, vol. XIV, 1). Leiden – London: E. J. Brill, 1910.

Mustawfi of Qazwin – The geograpghical part of the Nuzhat-al-Qulub composed by Hamdallah Mustawfi of Qazwin in 740 (1340) / Edited and traslated by G. Le Strange in 740 / 1340 (“E. J. W. Gibb Memorial” Series, vol. XXIII. I – II). Leyden: E. J. Brill – London: Luzac & Co., 1915, 1919.

at-Tabari – Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Annales / Ed. M. J. de Goeje. I – III series. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1964.

Научная литература

Бартольд 1963 – Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Соч. в 9 томах. Т. 1. М.: Наука, 1963.

ГП 1988 – Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент: Фан, 1988.

Гумилев 1967 – Гумилев Л. Н. Древние тюрки. Л.: Наука ЛО, 1967.

Джапаридзе 1984 – Джапаридзе Г. И. Новые добавления к работе Э. Цамбаура «Die Münzprägungen des Islams» // ЭВ, вып. 22. Л., 1984. С. 80 – 83.

ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева и А. М. Щербака. Л.: Наука ЛО, 1969.

Зимин 1913 – Зимин Л. А. Развалины старого Пейкенда // ПТКЛА, год 18, вып. 2. Ташкент, 1913. С. 59 – 89.

Зуев 2002 – Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

Камолиддин 2007 – Камолиддин Ш. С. Тюрки в Бухарском оазисе в эпоху раннего средневековья // Ўзбекистон этнологиясининг долзарб масалалари. IV Республика илмий-назарий конференция материаллари. Тошкент – Наманган, 2007. С. 67 – 74.

Камолиддин 2015 – Камолиддин Ш. С. К вопросу о происхождении топонима Бухара // Согдийский сборник. Новейшие исследования по истории и истории культуры Согда в Узбекистане. Вып. 2 / Отв. ред. Ш. С. Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2015. С. 101 – 110.

Камолиддин 2019 – Камолиддин Ш. С. К этимологии топонима Байканд в области Бухары // Согдийский сборник. Новейшие исследования по истории и истории культуры Согда в Узбекистане. Вып. 6 / Отв. ред. Ш. С. Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2019. С. 61 – 75.

Кляшторный 1985 – Кляшторный С. Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов VI – VII вв. // Из истории дореволюционного Киргизистана. Фрунзе: Илим, 1985. С. 165 – 168.

Лившиц, Луконин 1964 – Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ, 1964, № 3. С. 155 – 176.

Лившиц, Хромов, 1981 – Лившиц В. А., Хромов А. Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. М.: Наука, 1981. С. 347 – 539.

НПБЭ 2001 – Населенные пункты Бухарского эмирата (конец XIX – нач. XX в.). Материалы к исторической географии Средней Азии. Ташкент: Университет, 2001.

Севортян 1978 – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978.

Clauson 1972 – Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972.

Dehkhoda 1998 – Dehkhoda A. (1878 – 1955) Loghatname (Encyclopedic Dictionary) / Ed. by Mohammad Mo‘in and Ja‘far Shahidi, in 16 volumes. Tehran: Tehran University Publications, 1998.

Gharib 1995 – Gharib B. Sogdian Dictionary. Sogdian – Persian – English, Tehran: Farhang Publications, 1995.

Harmatta, Litvinsky 1996 – Harmatta J., Litvinsky B.A. Tokharistan and Gandhara under Western Turk rule (650 – 750), part 1, History of the regions // HCCA, vol. 3. Paris, 1996, p. 367 – 401.

Kamoliddin 2011 – Shamsiddin Kamoliddin. On the Origins of the Place-name Buxara // International Journal of Eurasian Studies (China) / Ed. Yu Taishan and Li Jinxiu, 2011, 1, p. 348 – 358.

Osawa 2006 – Ôsawa T. Aspect of the Relationship between the Ancient Turks and the Sogdians – based on a Stone Statue with Sogdian Inscription in Xinjiang // Ērān ud Anērān. Studies Presented to Boris Il’ič Maršak on the Occasion of His 70th Birthday, eds. M. Compareti, P. Raffetta, and G. Scarcia (Venice: Libreria Editrice Cafoscarina, 2006), p. 471 – 504.

Stark 2009 – Stark S. Some Remarks on the Headgear of the Royal Türks // Journal of Inner Asian Art and Archaeology, 4 (2009), p. 119 – 133.

Stark 2021 – Stark S. The Earliest Attestation of Paykand // Journal Asiatique, 309/1 (2021), p. 97 – 105.

Wolf 1935 – Wolf F. Glossar zü Firdosis Schahname. Berlin: Gedruckt in der Reichsdruckerei, 1935.

ONCE AGAIN ABOUT THE SPELLING OF THE TOPONYM BAIKAND IN MEDIEVAL SOURCES

Shamsiddin S. Kamoliddin

This article deals with the spelling of the place name Baikand in medieval Persian sources. In modern historiography, the name of this medieval city, located in the region of Bukhara, is usually written in the form Paikand. The same form was used in Russian historiography of the late nineteenth – early twentieth centuries. The author here concludes that in all Persian sources the name of this city is written in the form Baikand (بيکند). This is now confirmed by Chinese sources, which give the form Bi 畢 or Bi guo 畢國, the Chinese rendering of the toponym Bai. The name of the city could be associated with the title of Bai / Pai Niri (Nili)-Kagan, recorded in the Sogdian inscription on a memorial monument erected in his honor in the valley of the Ili River in East Turkistan. The author believes that in Arabic sources he is mentioned under the name Yil-Tegin (یل تکین) or Il-Tegin (ایل تکین), i.e. El-Tegin, and identifies him with the “padishah”, who, according to Narshakhi, ruled in Bukhara after Shir-i Kishvar with his residence in Baikand.

Key words: Turkic Qaghanate, Turks, Bukhara oasis, Baikand, residence of Turkic Qaghans, El-Tegin, Nili-Qaghan.

Часть 5. Рецензии.

VIII

КОММЕНТАРИЙ

к статье

Miklós Sárközy.

**Preislamic Central Asia and Naršaḥī's History of Bukhara,
in: *Orpheus Noster*, vol. 14, No. 4 (2022), pp. 15 – 27.**

Ш. С. Камолитдин

Статья «Preislamic Central Asia and Naršaḥī's History of Bukhara» («Доисламская Средняя Азия и История Бухары Наршахи») венгерского востоковеда Миклоса Саркози (Miklós Sárközy) опубликована в историко-филологическом журнале «Orpheus Noster» («Наш Орфей»), выпускаемом с 2009 г. 4 раза в год факультетом гуманитарных и социальных наук университета Кароли Гаспара (A Károli Gáspár Református Egyetem történeti és filológiai folyóirata) Венгерской реформатской церкви.¹ В презентации журнала написано: “Orpheus Noster is an open access, peer-reviewed, multidisciplinary journal with a primary focus on the history of culture, ideas, and religion. We publish thematic issues with papers on different historical periods, geographic territories, or smaller areas of interest. The editors aim to create a forum for scholars at all career stages. The journal publishes studies, translations, reviews, and conference reports from all disciplines of the humanities; we welcome papers in Hungarian, English, German, French, and Spanish”. Monika Frazer-Imregh, Editor-in-Chief.

Перевод: «Orpheus Noster – это рецензируемый междисциплинарный журнал с открытым доступом, основное внимание в котором уделяется истории культуры, идей и религии. Мы публикуем тематические выпуски со статьями о разных исторических периодах, географических территориях или более мелких областях интересов. Редакторы стремятся создать форум для ученых на всех этапах карьеры. В журнале публикуются исследования, переводы, обзоры и отчеты с конференций по всем гуманитарным дисциплинам; мы приветствуем статьи на венгерском, английском, немецком, французском и испанском языках». Моника Фрейзер-Имрег, главный редактор.

¹ <http://www.kre.hu/portal/index.php/kiadvanyok/folyoiratok/orpheus-noster.html>

Из этих слов становится ясно, что «Orpheus Noster» это научный журнал, и в нем публикуются рецензируемые научно-исследовательские статьи. Однако, на мой взгляд, настоящая статья, которую можно отнести к категории исследований по источниковедению, не отвечает этим требованиям. Научно-исследовательская статья должна нести в себе хоть какую-то долю новизны, т.е. вносить что-то новое в мировую историографию исследуемого вопроса. Что касается статьи М. Саркози, то это не более чем обзор сведений «Истории Бухары» Наршахи по доисламской истории Бухары.¹ Эти сведения общеизвестны, и не содержат ничего нового для исследователей доисламской истории Бухары. Эту статью в лучшем случае можно назвать научно-популярной, но даже такая оценка будет сделана с большой натяжкой. В Узбекистане ее могли бы опубликовать, возможно, только в таких журналах, как «Moziydan sado / Эхо истории / Echo of History» или «Fan va turmush / Наука и жизнь», рассчитанных на широкий круг читателей. Но, будучи членом редколлегии первого из этих журналов, я не гарантирую, что эту статью приняли бы к публикации. Потому что даже в таких журналах одним из главных требований к статьям является новизна исследования.

Из библиографии статьи мы узнаем, что ее автор занимался переводом «Истории Бухары» на венгерский язык. Но, как ни странно, мы не находим в статье ни одной ссылки на текст самого источника или хотя бы на его перевод. Все имеющиеся ссылки относятся к исследованиям других, как правило, европейских авторов. Что касается работ других ученых, в т.ч. Узбекистана, то они вообще отсутствуют. Между тем в Узбекистане опубликовано немало работ по исследованию этого источника, которые могли бы значительно обогатить знания автора статьи по исследуемым им вопросам. Тем более, что эта статья опубликована в специальном выпуске, журнала, посвященном Узбекистану.

Вместе с тем, я был приятно удивлен познаниями автора статьи в области исторической топонимии Бухарского оазиса. В частности, он

¹ В презентации журнала среди публикуемых материалов называются «обзоры и отчеты конференций». Но это совсем другое. Обзор – это сжатое сообщение о ряде объединённых общей темой явлений. Обзором называют сообщение, содержащее краткую информацию о наиболее важных и интересных событиях, происшествиях, положении дел в какой-либо области, содержании чего-либо и т.п. Например, спортивный обзор, литературный обзор, обзор печати, обзор политических событий, обзор военных действий и т.п. Обзоры могут быть также аналитическими и критическими. В данном случае это слово, вероятно, означает «обзоры конференций». Но это никаким образом не относится к научным статьям по источниковедению.

везде использует название средневекового города Байканд в области Бухары в правильной форме *Baikand* (стр. 17 – 20, 23), именно так, как это написано в источниках (بيکند), а не так, как ошибочно принято среди других европейских и российских востоковедов – *Raikand* / Пайканд (بيکند).¹

Однако в других случаях автор обнаруживает свои слабые знания в области исторической географии Средней Азии. Так, область Уструшану он локализует в Ферганской долине (стр. 17, прим. 6), тогда, как известно, что Уструшана находилась к западу от Ферганской долины, между ней и Самаркандом. Среди важнейших центров Согда поздней античности наряду с такими городами как Кеш, Усрушана, Байканд, Варахша и Вардана, автор называет также Термез и Чач (стр. 17, 18). Между тем, известно, что в эпоху поздней античности Чач входил состав государства Канг, хотя и был частично населен согдийцами. Что касается Термеза, то он находился к югу от Железных ворот (ущелье Бузгала в горах Байсуна), которые во все времена считались границей между Согдом и Бактрией-Тохаристаном. Более того, далее автор пишет, что в эпоху кушан (I – III вв. н.э.) Согд включал также территории к югу от Амударьи, т.е. Тохаристан, который традиционно относился к Бактрии (стр. 17). Однако, во-первых, Тохаристан это и есть бывшая территория Бактрии. Поэтому эту территорию называют также «Бактрией-Тохаристаном». Во-вторых, в эпоху «Великих кушан» (I – III вв. н.э.) их северная граница проходила по Гиссарскому хребту, т.е. там, где были расположены Железные ворота [Массон 1975: 42 – 50].

Не лучше обстоят дела и со знанием источников. Так, автор пишет, что в китайских источниках приводятся названия 9 главных областей Согда, таких как *Samarkand*, *Bukhara*, *Kiš*, *Baikand*, *Maumurg*, *Ištīhān*, *Kabūdānjakath*, *Ustrūšana*, *Kūšānšahr* (стр. 17). Однако, во-первых, эти названия приводятся не в китайских, а в арабских источниках. Во-вторых, Кушаншахр, который автор локализует между Самаркандом и Бухарой (стр. 17, прим. 7), не упоминается и в арабских источниках. В арабских источниках упоминается топоним ал-Кушанийя (الكشانية), который действительно локализуется между Самаркандом и Бухарой, а в китайских источниках его название приводится в форме *Guì shuang* (貴霜), что является китайской передачей названия Кушан [Xiang 2012: 275]. Что касается топонима Кушаншахр, то он относится к эпохе Сасанидов: так в среднеперсид-

¹ Подробнее об этом см.: Камолиддин 2019: 61 – 75, и мою статью «Еще раз о написании топонима Байканд в средневековых источниках» в настоящем сборнике.

ских и армянских источниках называется Тохаристан, т.е. территория современных южных районов Средней Азии, Северного Афганистана и Пакистана, находившаяся под контролем Сасанидского Ирана с сер. III в. до конца IV в. н.э. [Никитин 2010: 115 – 121]. Это элементарные вещи, которые у нас, между прочим, знают даже студенты магистратуры.

На стр. 19 автор пишет: «Что касается Исфиджаба, то в «Истории Бухары» есть краткое упоминание о христианской церкви, действовавшей еще в конце IX в., которая была превращена в мечеть Исма‘илом Самани (892 – 907), согласно Наршахи (23-я глава). При этом он делает ссылку не на текст, и не на перевод, а на книгу Э. де ла Весьера «Sogdian Traders» (стр. 19, прим. 12). Однако, во-первых, на стр. 327 вышеупомянутой книги, на которую ссылается наш автор, Э. де ла Весьер пишет, что в 893 г. Исма‘ил Самани превратил несторианскую церковь в мечеть во время своего похода не в Исфиджаб, а в Тараз [de la Vaissiere 2005: 327, p. 139]. При этом он ссылается на перевод Р. Фрая, опубликованный в 1954 г. [Frye 1954: 86 – 87]. Во-вторых, в переводе Р. Фрая говорится что это была «большая церковь»¹ (large church), но не уточняется, какая это была церковь. Между тем, она могла быть как несторианской, так и манихейской. Здесь возникает закономерный вопрос: если наш автор переводил «Историю Бухары» с персидского языка,² то почему он делает ссылку не на персидский текст или хотя бы на его перевод, а ссылается на книгу другого исследователя, причем грубо искажая сведения источника и повторяя ошибку другого исследователя. Создается впечатление, что он вообще не читал оригинальный текст и не знает его содержание. В академической науке такие ошибки недопустимы, и особенно непросительны для источникововеда.

На стр. 20 и 21 автор пишет о мифическом правителе Бухары по имени Мах и его рынке, на котором еще в X в. продавались идола. При этом он отмечает, что личность этого Маха не установлена, так же как и его религиозная принадлежность.

Между тем, из данных Наршахи следует, что Мах был правителем (*падишах*) Бухары и поклонялся идолам, а впоследствии на месте этого рынка был построен храм огня (*аташ-хана*) [Наршахи: 33]. Этот же Мах упоминается в сочинении ас-Сам‘ани, согласно которому, он был «огнепоклонником» (*ал-маджуси*) из числа жителей Бухары, и превратил свой дом (вероятно, храм – *Ш.К.*) в мечеть [al-

¹ В оригинальном тексте: *калиса-йи бузург* (کلیسای بزرگ) – «большая церковь» [Наршахи: 80, 394, прим. 99].

² В библиографии статьи приводится тегеранское издание Ризави 1387/2009 г.

Sam‘ani: 499V]. Возможно, он совмещал в себе обе эти функции, т.е. был верховным правителем и главным священником домусульманского храма. Однако, на доисламских монетах, имевших хождение в Бухаре, имя Мах не зафиксировано. Следовательно, можно предполагать, что имя Мах, скорее всего, было не собственным именем, а духовным саном или титулом. Слово Мах производится от согд. *m’x* – названия месяца, луны и божества Луны [Лурье 2004: 197, 219]. Предполагается, что правитель Мах был манихейским священником, а его имя было связано с богом Луны (согд. *māχ*, тюрк. *aj tängri*) [Frye 1954: 120, n. 101] или богом Солнца и Луны (*kün aj tängri*), олицетворявшим верховное божество манихеев – Мани [Зуев 2002: 196 – 197]. Я ранее высказывал предположение, что этим священником по имени Мах мог быть тюркский правитель Бухары Пармуда (Ил-тегин, Ниликаган), сын Ил Арслана (Шир-и Кишвар, Сава-шах), внук Тардукагана (Кара Чурин Турк). В «Истории Бухары» его имя не приводится, но о нем говорится, что он правил в Бухаре после Шир-и Кишвара, и построил селения Искиджкат, Шарг и Рамтин [Наршахи: 23]. Предполагается, что он правил в Бухаре приблизительно в 590 – 600 гг., был приверженцем буддизма, и именно с ним связывается проникновение буддизма в Бухару [Ставиский 1960: 115; Литвинский, Зеймаль 1971: 120], и строительство двух буддийских храмов в Кашмире [Chavannes 1903: 198]. Многие данные указывают на то, что Ил-тегин был манихеем. Имя Мах может быть согдийской калькой тюркского имени Ай-тегин, широко распространенного среди тюрков-манихеев [Наршахи: 223 – 224]. Именно поэтому в средневековых источниках Мах и его приверженцы называются то «идолопоклонниками», то «огнепоклонниками». Потому что манихеи поклонялись как огню, так и идолам [Камолиддин 2014: 145 – 163]. Конечно, это всего лишь мое мнение. Но мне кажется, что исследователь, взявший за исследование того или иного источника, должен хотя бы попытаться дать объяснение и ответы на имеющиеся вопросы, и высказать свою точку зрения. Однако в статье нашего автора мы этого не видим, а читаем только постановку вопросов, на которые нет никаких ответов.

На стр. 21 автор пишет о людях *kaškatha*, о которых упоминается в «Истории Бухары», и вновь не предлагает никакого объяснения относительно их происхождения.

В «Истории Бухары» о них говорится: «В Бухаре была группа людей, которых называли Кашкасан (کشکسان).¹ Они были людьми уважаемыми, влиятельными и с высоким положением. Среди жителей

¹ В некоторых рукописях: Кашкасан (کشکسان).

Бухары они были в большом почете. Они не были из числа дихканов, а были чужеземцами, были знатными людьми и купцами, и были богатыми» [Наршахи: 40]. Это сообщение о людях Каскасан в Бухаре является уникальным и чрезвычайно интересным. Было бы крайне важно определить, кем же были эти люди. Р. Фрай вслед за К. Иностранцевым и В. Томашеком предполагал, что это название может означать «кушаны из замков» [Frye 1954: 125, п. 137]. Однако во всех дошедших до нас списках написание этого слова не ясное. Поэтому связывать его с родом *кушан* преждевременно. Р. Фрай сопоставляет это название также с согдийским именем *γ'ys'ε*, упомянутым в согдийских документах с горы Муг [Frye 1954: 125, п. 137]. Однако, в тексте говорится, что эти люди были купцами иноземного происхождения, а не местными дихканами; они занимались торговлей и были очень богатыми. Поэтому согдийское происхождение этого слова также отпадает. Происхождение слова Кашкасан / Каскасан связывается также со словом *кашан* (کشان) – «столб палатки» [Dehkhoda VII: 18369], а это может указывать на то, что первоначально эти люди были кочевниками. Из этих данных следует, что они были иностранными купцами, скорее всего, китайцами или тюрками. Последнее более вероятно, потому что в источниках нет никаких данных о том, что в VII в. в Бухаре проживали китайцы. Что касается тюрков, то такие данные есть, в т.ч. и в «Истории Бухары». Эти купцы могли переселиться в Бухару из Туркестана вместе с Эл Арсланом (Шир-и Кишваром, Сава-шахом).

На стр. 21 автор пишет, что «похоронный процесс бухар-худата Тугшады не оставляет сомнений в его явно зороастрийском характере». Далее на стр. 22 читаем: «Удаление плоти с костей Тугшады и перевозка костей в Бухару явно относится к зороастрийскому погребальному обряду, широко практиковавшемуся в VIII в. в Согде...». При этом он вновь делает ссылку на примечание Р. Фрая, написанное в 1954 г.

Однако новейшие исследования позволяют по-новому истолковывать эти данные Наршахи. Действительно, в эпоху раннего средневековья в Средней Азии был широко распространен обряд захоронения очищенных костей в так называемых *астодонах* (оссуариях), т.е. глиняных ящичках с крышками, который принято относить к зороастризму [Обельченко 1959: 94 – 108]. Однако, на наш взгляд, называть этот обряд захоронения «зороастрийским», по крайней мере, преждевременно. Последние исследования показывают, что зороастризм не был мировой религией и не был распространен за пределами Ирана, но его идеи и обряды оказали большое влияние на другие мировые

религии, особенно на манихеизм [Skjarvo 1995: 263 – 284; Sundermann 2008: 155 – 166]. Поэтому, многие обряды и духовные ценности древних народов Средней Азии, которые принято считать зороастрийскими, могли быть лишь заимствованными из зороастризма, и на самом деле принадлежать совсем другой религии. Храм Панджикента не имел ничего общего с зороастризмом. Если основная забота строителей храмов огня была направлена на преграждение доступа дневного света в центральное помещение, где стоял алтарь с огнем, то храмы Панджикента были рассчитаны на максимальный доступ солнечных лучей. Обрядность, представленная здесь, также совершенно не совместима с зороастризмом. Зороастрийские обряды не сопровождались музыкой и пляской. Сцена жертвоприношения плодов также не имеет ничего общего с зороастризмом. Между тем, и то и другое имеет прямые аналогии в манихеизме и сабеизме [Беленицкий 1954: 32, 74, 75, 81, 82].

В «Истории Бухары» говорится также, что в «праздничную ночь, которая была древним обычаем, развели большой огонь, от которого отлетела искра и, попала на крышу дворца правителя [Наршахи: 37]. Это сообщение также принято связывать с зороастризмом [Кисляков 1954: 60; Негматов 1957: 76 – 77]. Однако следует учитывать, что хотя обряд разжигания костров и восходит к огнепоклонничеству, он мог быть частью ритуала другой религии, в которой этот обряд был заимствован или входил в круг сохраненных местных дозороастрийских верований. В этой связи представляет интерес сообщение ал-Фахри, согласно которому лунопоклонники (عبدة القمر), совершая обряд поклонения идолу, разжигали огонь на крышах домов в новолуние каждого месяца, возносили молитвы Луне, играли на музыкальных инструментах и танцевали перед идолом [ал-Фахри: 42]. Поклонение Луне и идолам указывает на то, что здесь, скорее всего, речь идет об обряде, связанном с манихеизмом.

На той же стр. 22 автор пишет, что Шир-и Кишвар был сыном Истами-йабгу, и легендарным основателем Бухары.

Однако, это не совсем верно. Во-первых, он был не сыном, а внуком Истами-йабгу. Согласно Р. Фраю, которому следует наш автор, Шир-и Кишвар был старшим сыном Сизибулоса (Истами) и старшим братом Тарду-кагана. Но Р. Фрай не был уверен в этом, так как здесь же пишет, что это мог быть также Йел (Йер)-тегин ибн Шаб, упомянутый в сочинении ад-Динавари [Frue 1954: 108, n. 28]. По нашим данным, Кара Чуриин Турк отождествляется с Тарду-каганом (в 576 – 587 гг. – каган западных тюрков; 587 – 603 гг. – каган восточных тюрков), сыном Истами-кагана (правил в 562 – 576 гг.), а его сын

Шир-и Кишвар – с Эл Арсланом. Последний, в свою очередь, отождествляется с Чол-хаканом, которого в 588 г. убил сасанидский полководец Бахрам Чубин в Бухаре [Macoudi II: 213 – 214; ad-Dinaweri: 84 – 85]. В китайских источниках он упоминается под именем Йанг-су деле (тегин), в арабских – Шаба или Шийаба [Ibn Khordadbeh: 40], а в персидских – Сава-шах или Саух [Гумилев 1967: 115, 132, 138, 154 – 158, 166]. С ним отождествляется также Асилань-дагань (Арслан-тархан) китайских источников [Chavannes 1903: 149; Зуев 2002: 200]. Бахрам Чубин вступил в родственные отношения с его сыном, тюркским каганом, известным в арабских и персидских источниках как Бармуда / Пармуда (Йел-тегин / Эл-тегин, Буйурук), а в китайских – Нили-хан [Bel'ami II: 248; 265; Firdousi VI: 656 – 657; Бичурин I: 279, 281; Кляшторный 1985: 166 – 167].

Во-вторых, Шир-и Кишвар был не «легендарным основателем Бухары», а конкретной исторической личностью, о чем свидетельствуют вышеупомянутые данные арабских и китайских источников. В-третьих, в «Истории Бухары» говорится, что он не основал город, а построил его шахристан, т.е. внутренний город [Наршахи: 23]. До этого на этом месте уже существовала крепость, которая назвалась Нумиджжас (نومجكث), о чем написано в главе «О названиях Бухары» [Наршахи: 33]. Шир-и Кишвар, вероятно, построил около этой крепости для себя дворец и жилые здания для своих подчиненных, на месте которых впоследствии образовался шахристан, т.е. жилая часть города. После того, как «падишах», т.е. Шир-Кишвар, перенес сюда свою резиденцию из Байканда, новый город стал называться «Бухарой» [Kamoliddin 2011: 348 – 358; Камолиддин 2015: 101 – 110].

На стр. 22 – 23 автор пишет, что религиозные взгляды ал-Муканна' представляют собой «интересную смесь гностических и, возможно, буддийских элементов», но ничего не пишет о его религиозной принадлежности.

Между тем, П. Крон, на книгу которой ссылается наш автор, пишет, что белое одеяние сторонников ал-Муканна' связано с бодхисатвой Maitreya, который, согласно учению Махайаны, был первоначальным состоянием Будды. Согдийские манихеи определенно приняли Майтрею, иногда отождествляя его с Мани, и белый цвет имел значение для них тоже, их Избранные изображаются в среднеазиатской живописи как одетые в белые одежды и шляпы [Crone 2012: 125, 132].

В арабских источниках манихеи называются терминами *ас-саби*, *ад-динавар* или *зиндик*, как называли и последователей ал-Муканна' [Бируни 1957: 211 – 213; Бартольд 1973: 52, 53; Minorsky 1947:

279]. Отличительным цветом манихеев был белый, а белое одеяние было символом манихеев. Предполагается, что «люди в белых одеждах», восставшие против арабов под предводительством ал-Муканна‘, были именно манихеями. Несколько позже в Китае вспыхнуло народное движение, называвшееся восстанием «одетых в белое». Руководящую роль в нем играли манихеи [Беленицкий 1954: 47]. Потомок доисламских владетелей Уструшаны ал-Афшин Хайдар ибн Кавус называл веру своих предков *ад-дин ал-абйад* (الدين الابيض) т.е. «белой религией» [at-Tabari III: 1311 – 1312; Ibn al-Athir VI: 351 – 352, 358 – 359], что, так же, как и движение ал-Муканна‘ и «людей в белых одеждах», рассматривается именно как манихеизм [Herzfeld 1948: 138; Frye 1954: 147, п. 264]. Сюань Цзан указывал на крайнюю многочисленность в Согде «святилищ богов», принадлежавших последователям ереси «тинап», что является китайской передачей термина «динавар» – названия манихеев Средней Азии и восточных областей вообще [Беленицкий 1954: 44]. Алтайские бурханисты сообщают о «людях в белых одеждах», т. е. манихеях, приезжавших на Алтай и призывавших людей верить в единого бога [Зуев 2002: 186]. Все эти данные указывают на то, что мировоззрение ал-Муканна‘ и его последователей было тесно связано с идеями восточного манихеизма.

На стр. 24 автор пишет, что «Согдийский язык и культура не смогли приспособиться к новым исламским реалиям, что способствовало его исчезновению с языковой карты исламской Средней Азии. ... Крайняя редкость согдийской письменности арабскими буквами означает, что согдийский язык не был включен в зарождающуюся новую культуру Центральной Азии, где персидский и несколько тюркских языков будут господствовать в лингвистической карте средневековья. Согдийский язык больше расценивался как пережиток все более и более отдаленного периода неисламских культурных практик Центральной Азии».

Во-первых, насколько мне известно, согдийских текстов, написанных арабскими буквами нет, если не считать несколько слов, которые приводятся в «Истории Бухары».

Во-вторых, согдийский язык и культура не смогли приспособиться к новым исламским реалиям именно потому, что «согдийский язык больше расценивался как пережиток все более и более отдаленного периода неисламских культурных практик Центральной Азии». Так же как арабский язык был религиозным языком для всех мусульман, в доисламской Средней Азии согдийский язык был религиозным языком в местном зороастризме и манихеизме. Так же как в конце XIX – нач. XX вв. арабский язык и арабская письменность были помехой для

русских завоевателей для насаждения своего языка и письменности, на заре ислама согдийский язык был помехой для арабов для насаждения своей религии и власти. Поэтому согдийский никак не мог приспособиться к новым исламским реалиям.

Что касается новоперсидского языка (*фарси*), который был приспособлен к арабскому алфавиту еще в сер. VIII в., то он развивался не на основе *пахлави* или *парси*, т.е. языка зороастрийцев и жителей области Фарс, а на основе языка *дару*, на котором говорили при дворе сасанидских *шаханшахов* в столичной области ал-Мада'ин [Ibn al-Nadim I: 13; al-Khwarazmi: 116 – 117]. В исламское время этот язык стал развиваться в Хорасане в качестве литературного письменного языка [Lazard 1971: 376]. В X в. в Бухаре среди арабско-персидских переселенцев имел также распространение разговорный язык *ад-дариййа* (الدريية) [Ibn Naukal: 490], который являлся упрощенным вариантом *фарси* [Frye 1967: 72]. Самым ранним памятником на новоперсидском языке (*фарси*) является надпись Танг-и Азао в 200 км к востоку от Герата, которая выполнена еврейским алфавитом и датируется 752 г. [Массон, Ромодин 1964: 235; Bosworth 1978: 74]. В сочинении ат-Табари приводится четверостишие, которое было сложено в 108/727-28 г. на языке *фарси* в Балхе в насмешку над воинами Асада ибн 'Абд Аллаха (ум. в 120/737-38 г.) после того, как они вернулись в город из Хуттала, потерпев поражение от войск тюркского хакана [at-Tabari II: 1492, 1494, 1602]. Первым арабоязычным поэтом, составившим стихи на *фарси*, был придворный поэт Харуна ар-Рашида (правил в 170 – 193/786 – 809 гг.) Абу Нувас ал-Хасан ибн Хани ал-Хакани (130 – 198/747 – 814 гг.), который ради шутки вводил в свои стихи персидские слова [Та'рих-и Систан: 213]. Сохранилось приветственное стихотворение на *фарси*, произнесенное при въезде халифа ал-Ма'муна (правил в 198 – 218/813 – 833 г.) в Мерв в 193/809 г. неким ал-'Аббасом ал-Марвази, в котором отмечается, что никто раньше на этом языке стихов не сочинял.¹

Согдийцы, так же, как и тюрки, начали массово принимать ислам в IX в., т.е. намного позже персов. К этому времени значительная часть населения Ирана уже была исламизирована, а персидский язык был приспособлен к арабской графике, и использовался для пропаганды ислама среди согдийцев и тюрков, которые рассматривали его в качестве второго языка ислама после арабского. Но мусульманские правители и духовенство враждебно относились к письменной литературе на других языках кроме арабского, в т.ч. и на новоперсидском,

¹ Текст этой оды привел историк персидской литературы Мухаммад Ауфи (XIII в.) [‘Awfi I: 21; Бартольд 1966: 177; Bosworth 1978: 67].

хотя и использовали его для устной пропаганды ислама. А мусульманские правители из числа персов даже не воспринимали литературу на новоперсидском языке (*фарси*) и считали ее изучение несовместимым с правоверием.¹ Например, Тахириды, положившие начало мусульманским династиям персидского происхождения, были сильно арабизированы и пытались возводить свою родословную к арабскому племени Хуза‘а, клиентом (*маула*) которого был их предок Тахир ибн ал-Хусайн [Bosworth 1973: 53 – 54, 56 – 57]. Многие из представителей семейства Тахиридов имели местопребывание в Багдаде и считали престижным относить себя к числу арабов [Bosworth 1969: 47 – 48]. Многие из Тахиридов писали стихи и были мастерами прозы на арабском языке, а другие были известными учеными и богословами [Bosworth 1969: 54, 77]. К персидской литературе они относились с открытой враждебностью, и приказывали сжигать и уничтожать сочинения на персидском языке [Бартольд 1966: 177; 1971: 509].² ‘Абд Аллах ибн Тахир отказался слушать преподнесенный ему персидский романс, бросил книгу в реку и приказал сжечь все книги зороастрийцев [Tritton 1970: 99]. Персидская литература нашла покровителей лишь в лице мятежных Саффаринов (253 – 288/867 – 901), которые были выходцами из низов иранского общества. Если новоперсидский язык был основан на богатых литературных традициях придворной поэзии Сасанидов, то согдийский язык не имел таких богатых литературных традиций, и, помимо того, что он был религиозным языком доисламских религий, которые исповедовали согдийцы и тюрки, был также всего лишь языком коммерции на Великом Шелковом пути. Поэтому в IX в. уже не было необходимости и возможности приспособить согдийский язык к арабской графике.

Таким образом статью нашего венгерского коллеги о сведениях доисламской истории, содержащихся в «Истории Бухары» Наршахи, в лучшем случае, можно назвать научно-популярной, и то с большой натяжкой, так как приведенные в ней сведения общеизвестны, и не содержат ничего нового ни для источниковедов, ни для исследователей доисламской истории Бухары.

Автор обнаруживает свои слабые знания в области исторической географии Средней Азии. Не лучше обстоят дела и со знанием источников. Из библиографии мы узнаем, что автор занимался пере-

¹ Хотя родным языком Тахира ибн ал-Хусайна и его потомков был персидский, они даже в личной переписке использовали исключительно арабский язык и почитали арабскую культуру [Бартольд 1971: 506].

² Считалось, что арабская письменность была создана только для для написания священных аятов Корана и для арабского языка.

водом «Истории Бухары» на венгерский язык. Но, как ни странно, мы не находим в статье ни одной ссылки на текст самого источника или хотя бы на его перевод. Все имеющиеся ссылки относятся к исследованиям других, как правило, европейских авторов. Что касается работ других ученых, в т.ч. Узбекистана, то они вообще отсутствуют. При этом автор грубо исказит сведения источника и повторяет ошибки других исследователей. Создается впечатление, что он вообще не читал оригинальный текст и не знает его содержание. В академической науке такие ошибки недопустимы, и особенно непростительны для источникововеда.

Многие данные, которые автор приводит в качестве комментариев к сведениям «Истории Бухары», заимствованы из примечаний Р. Фрая, написанных в 1954 г. к его английскому переводу. Однако новейшие исследования, которые автор не использовал, позволяют по-новому истолковывать многие сведения, приведенные в «Истории Бухары» Наршахи.

Исследователь, взявший за исследование того или иного источника, должен хотя бы попытаться дать объяснение и ответы на имеющиеся вопросы, и высказать свою точку зрения. Однако в статье нашего автора мы этого не видим, а читаем только постановку вопросов, на которые нет никаких ответов.

Использованная литература

Источники

Наршахи – Мухаммад ан-Наршахи. Та’рих-и Бухара. История Бухары / Вступительная статья Д. Ю. Юсуповой. Перевод, комментарии и примечания Ш. С. Камолиддина. Археолого-топографический комментарий Е. Г. Некрасовой. Ташкент: SMI-ASIA, 2011.

Та’рих-и Систан – Та’рих-и Систан (История Систана) / Перевод, введение и комментарий Л. П. Смирновой (ППВ, XLII). М.: Наука, 1974.

ал-Фахри – ‘Али ибн Мухаммад ибн ‘Абдаллах ал-Фахри. Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ахл ал-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер) / Факсимиле рукописи, издание текста, предисловие, краткое изложение содержания и указатели С. М. Прозорова. М.: Наука, 1988.

‘Awfi – Muhammad ‘Awfi. *Lubabu’l-Albab* / Ed. by E. G. Browne and Mirza Muhammad ibn ‘Abdu ’l-Wahhab-i-Qazwini, I – IV vols. London – Liede, 1903 – 1906.

Bel’ami – Abou-‘Ali Mohammed Bel’ami / Traduite sur la version persane de *Chronique de Abou-Djafar Mohammed-ben-Djarir-ben-Jazid Tabari*, d’après les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury par H. Zotenberg, t. I – IV, Paris, 1867 – 1874.

ad-Dinaweri – Abu Hanifa ad-Dinaweri. *Kitab ahbar at-tiwal* / Publié par V. Guirgass. Leide: E.J.Brill, 1888.

Firdousi – Firdousi. *Le livre des rois* / Ed. J. Mohl, vol. I – VI. Paris, 1868.

Ibn al-Athir – Ibn el-Athiri *Chronicon quod perfectissimum inscribitur* / Ed. C. J. Tornberg, I – XIV volumes. Upsaliae et Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1851 – 1876.

Ibn Haukal – Abu’l-Kasim Ibn Haukal an-Nasibi. *Opus geographicum* / Ed. J. H. Kramers, edition tertia, BGA, pars 2. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967.

Ibn Khordadbeh – Abu-l-Kasim ‘Obaydallah ibn ‘Abdallah Ibn Khordadbeh. *Kitab al-masalik wa-l-mamalik* / Ed. M. J. de Goeje, BGA, pars 6. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1967, p. 1 – 183.

Ibn al-Nadim – [Ibn an-Nadim]. *Kitab al-Fihrist* / Mit anmerkungen hrsg. von G. Flügel / Band I – II. Leipzig, 1871 – 1872.

al-Khwarazmi – Abu ‘Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jusof al-Katib al-Khwarazmi. *Mafatih al-‘ulum* / Ed. G. van Vloten. Leiden: E. J. Brill, 1895.

Macoudi – Macoudi. *Les prairies d’or* / Text et traduction C. Barbier de Meynard, t. I – IX. Paris: Societé Asiatique, 1861 – 1877.

al-Sam’ani – ‘Abd al-Karim al-Sam’ani. *The Kitab al-Ansab* / Reproduced fac-simile from the manuscript of the BM with an introduction by D. S. Margoliouth. Leiden – London, 1912.

at-Tabari – Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. *Annales* / Ed. M. J. de Goeje, I – III series. Lugduni Batavorum: E. J. Brill, 1964.

Научная литература

Бартольд 1966 – Бартольд В. В. *Культура мусульманства* // Соч. в 9 томах. Т. 6. М.: Наука, 1966. С. 143 – 206.

Бартольд 1971 – Бартольд В. В. *Тахир ибн ал-Хусайн* // Соч. в 9 томах. Т. 7. М.: Наука, 1971. С. 506 – 507.

Бартольд 1971 – Бартольд В. В. *Тахириды* // Соч. в 9 томах. Т. 7. М.: Наука, 1971. С. 508 – 509.

Беленицкий 1954 – Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 25 – 82.

Бичурин 1950 – Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1953.

Гумилев 1967 – Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967.

Зуев 2002 – Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

Камолиддин 2014 – Камолиддин Ш. С. Из истории манихеизма в Средней Азии // Исследования по истории Средней Азии. Эпоха арабских завоеваний и раннего ислама. Saarbrücken: LAP, 2014. С. 145 – 163.

Камолиддин 2015 – Камолиддин Ш. С. К вопросу о происхождении топонима Бухара // Согдийский сборник. Вып. 2 / Отв. ред. Ш. С. Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2015. С. 101 – 110.

Камолиддин 2019 – Камолиддин Ш. С. К этимологии топонима Байканд в области Бухары // Согдийский сборник. Новейшие исследования по истории и истории культуры Согда в Узбекистане. Вып. 6 / Отв. ред. Ш. С. Камолиддин. Saarbrücken: LAP, 2019. С. 61 – 75.

Кисляков 1954 – Кисляков Н. А. Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Наршахи «История Бухары» как этнографический источник // Тр. АН ТаджССР, т. 27. Сталинабад, 1954.

Кляшторный 1985 – Кляшторный С. Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов VI – VII вв. // Из истории дореволюционного Киргизистана. Фрунзе: Илим, 1985. С. 165 – 168.

Литвинский, Зеймаль 1971 – Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М.: Искусство, 1971.

Лурье 2004 – Лурье П. Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии / Дисс. ... к. филол. н. СПб.: ЛО ИВ РАН, 2004.

Массон 1975 – Массон М. Е. К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан» // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Тр. Междунар. конф. по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху // Душанбе, 27 сентября — 6 октября 1968 г. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 42 – 50.

Массон, Ромодин 1964 – Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. В 2-х томах. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI в. М.: Наука, 1964.

Негматов 1957 – Негматов Н. Н. Усрушана в древнем и раннем средневековье. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957.

Никитин 2010 – Никитин А. Б. Сасанидский Кушаншахр // Проблемы истории, филологии, культуры, 2010, № 1. С. 115 – 121.

Обельченко 1959 – Обельченко О. В. Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса // ИМКУ, вып. 1. Ташкент, 1959. С. 94 – 108.

Ставиский 1960 – Ставиский Б. Я. О международных связях Средней Азии в V – сер. VIII вв. (в свете данных советской археологии) // ПВ, 1960, № 5. С. 108 – 118.

Bosworth 1969 – Bosworth C. E. The Tahirids and Arabic culture, in: Journal of Semitic Studies XIV, Manchester, 1969, p. 45 – 79; reprinted in: Bosworth C. E. Medieval Arabic cultures and Administration, London: Variorum Reprints, 1982, II.

Bosworth 1973 – Bosworth C. E. The Heritage of rulership in early Islamic Iran and the search for dynastic connections with the past, in: Iran, XI, London, 1973, p. 51 – 62; reprinted in: Bosworth C. E. The Medieval history of Iran, Afghanistan and Central Asia, London: Variorum Reprints, 1977, VII.

Bosworth 1978 – Bosworth C. E. The Interaction of Arabic and Persian literature and culture in the 10th and early 11th centuries, in: al-Abhath, XXVII, Beirut, 1978-9, p. 59 – 75; reprinted in: Bosworth C.E. Medieval Arabic cultures and Administration. London: Variorum Reprints, 1982, VIII.

Chavannes 1903 – Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux // Сб. трудов Орхонской экспедиции, вып. 6. СПб., 1903.

Crone 2012 – Patricia Crone. The Nativist Prophets of Early Islamic Iran. Rural Revolt and Local Zoroastrianism. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Dehkhoda – Dehkhoda A. (1878 – 1955). Loghatname (Encyclopedic Dictionary) / Ed. by Mohammad Mo‘in and Ja‘far Shahidi, vol. I – XVI. Tehran: Tehran University Publications, 1993 – 1994.

Frye 1954 – Frye R. N. The History of Bukhara / Translated from a Persian abridgement of the Arabic original by Narshakhi. Cambridge, 1954.

Frye 1967 – Frye R. Development of Persian Literature under the Samanids and Qarakhanids, in: Yadnama-ye Jan Rypka, Prague, 1967, p. 69 – 74, reprinted in: Islamic Iran and Central Asia (7th – 12th centuries), London: Variorum Reprints, 1979, XXIII.

Herzfeld 1948 – Herzfeld E. Geschichteder Stadt Samarra. Hamburg, 1948.

Kamoliddin 2011 – Shamsiddin Kamoliddin. On the Origins of the Place-Name Buxara // *International Journal of Eurasian Studies (China)* / Ed. YU Taishan and LI Jinxiu, 2011, 1, p. 348 – 358.

Lazard 1971 – Lazard G. Pahlavi, Parsi, Dari. Les Langues de l'Iran d'après Ibn al-Muqaffa', in: *Iran and Islam, in memory of the late V. Minorsky*, ed. C. E. Bosworth, Edinburgh University Press, 1971, p. 361 – 391.

Skjarvo 1995 – Skjarvo P. O. Iranian elements in Manicheism: A Comparative contrastive approach. *Irano-Manichaica I // Au Carrefour des religions. Melanges offerts a Philippe Gignoux*. Bures-sur-Yvette, 1995, p. 263 – 284.

Sundermann 2008 – Sundermann W. Zoroastrian motifs in nonZoroastrian traditions // *JRAS*, Third series, vol. 18, part 2, London: RAS, 2008 (April), p. 155 – 166.

Tritton 1970 – Tritton A. S. The Caliphs and their non-Muslim subjects. *A Critical Study of the Covenant of 'Umar*, London: Franc Cass and Co Ltd., 1970.

de la Vaissiere – de la Vaissière É. *Sogdian traders. A History* / Transl. by James Ward. Leiden – Boston: Brill, 2005.

Xiang 2012 – Xiang W. *A Study On The Kidarites: Reexamination Of Documentary Sources* // *AEMA*, vol. 19 / Ed. by Th. T. Allsen, P. B. Golden, R. K. Kovalev, and A.P. Martinez. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012, p. 243 – 301.

Часть 6. Новые книги.

IX

Каталог памятников согдийской письменности в Центральной Азии
/ Catalogue of Sogdian Writings in Central Asia.
Самарканд / Samarkand: МИЦАИ / PCAS, 2022. 248 с.
(ISBN 978-9943-357-70-9)

В 2022 г. в г. Самарканде издан каталог некоторых памятников согдийской письменности в Центральной Азии на русском и английском языках. Публикация осуществлена Международным институтом Центральноазиатских исследований в рамках программы малых грантов 2022 г. Азиатского культурного центра и Азиатско-Тихоокеанского комитета программы «Память мира». Составителями каталога являются Бобир Гойибов, Павел Лурье, Алишер Бегматов, Валентина Распопова и Гайбулла Бобоёров. Издание адресовано специалистам, студентам вузов и широкому кругу читателей, интересующихся культурным наследием Шелкового пути.

Каталог состоит из введения, 6 разделов и заключения. Во Введении / Introduction (с. 4 – 15) приводятся общие сведения о согдийцах, согдийских купцах, согдийском языке, письменности и памятниках согдийской письменности в Центральной Азии. Согдийские письменные памятники, включенные в настоящее издание, делятся на две примерно равные части: документы с горы Муг (около 40) и эпиграфика на твердом материале из различных памятников Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и Монголии. В данное издание включены наиболее надежно прочитанные и изданные согдийские тексты. В ряде случаев составители внесли некоторые изменения в чтение текстов и привели неопубликованные изображения надписей. В описаниях для каждой надписи приводятся такие сведения о ней, как место находки, современное расположение, физическое описание памятника, транслитерация, перевод, примечания, литература, изображение и прорисовка или протирка.

В 1-м разделе (с. 16 – 28) приводятся описания 6 памятников согдийской письменности из Кыргызстана / Kyrgyzstan: 3 надписи на хумах и 3 надписи на скалах в ущельях Терек-сай и Кулан-сай.

Во 2-м разделе (с. 29 – 35) представлены описания 3-х памятников согдийской письменности из Казахстана / Kazakhstan: 2 надписи на кирпичках из городища Культобе, надпись на хуме из городища Тараз.

В 3-м разделе (с. 36 – 54) приводятся описания 3-х памятников согдийской письменности из Монголии / Mongolia: согдийские версии надписей на стелах из Бугута и Карабалгасуна, надпись на прямоугольном камне из Севрея.

В 4-м разделе (с. 55 – 205) представлены описания 60 памятников согдийской письменности из Таджикистана / Tajikistan: надпись на дощечке, 2 надписи на крупных деревянных палках, 4 надписи на более мелких палочках, 3 надписи на разрезанных пополам деревянных палках, 3 надписи на рассеченных по диаметру пополам палочках, надпись на рассеченном надвое в длину деревянном колышке, надпись на круглой стороне деревянной палочки, разрезанной пополам по диаметру, 6 документов на бумаге, 5 документов на листах пергамента, 15 документов на коже, согдийский календарь на пергаменте, надпись на плечике глиняного кувшина, 2 надписи на фрагментах стенок хумов, надпись на бронзовой печати, спиральная надпись на камне, 2 надписи на кости, надпись на венчике хума, 5 надписей на фрагментах стенок кувшинов, обломок хума с согдийской азбукой, 2 надписи на каменных гириях, надпись на коровьем ребре.

В 5-м разделе (с. 206 – 208) приводится описание 1-го памятника согдийской письменности из Туркменистана / Turkmenistan: согдийская надпись на черепке из Старого Мерва.

В 6-м разделе (с. 209 – 243) представлены описания 15 памятников согдийской письменности из Узбекистана / Uzbekistan: надпись на деревянной палочке, разрезанной по диаметру из городища Афрасиаб, документ на коже из городища Афрасиаб, 3 надписи в настенной живописи дворца правителя на городище Афрасиаб: надпись на поле халата одного из послов Чаганиана на западной стене, надпись на изображениях гусей на южной стене и надпись на изображении дамы из Зала Послов на южной стене, надпись на плечике широкогорлого глиняного сосуда из городища Афрасиаб, надпись с именем Тиш на фрагменте хума из городища Афрасиаб, надпись на целом одноручном кувшине из Ташкента, надпись на серебряной чаше из Чилека, надпись на оттиске печати из городища Еркурган, 2 надписи на оттисках печатей из городища Кафир-кала, надпись на оттиске печати из городища Канка, надпись на печати со слоном из городища Кунджутлитепа, надпись бухарским письмом на серебряной чаше из городища Мунчактепа.

В Заключении / Conclusion (с. 244 – 245) составители отмечают, что в настоящем издании приведены лишь наиболее яркие из разобранных согдийских текстов Центральной Азии и Монголии. Оно не является исчерпывающим каталогом и не претендует на это. Так,

приведена лишь половина документов с горы Муг, 15 из почти 80 надписей, раскрытых в Панджикенте, не введены многие опубликованные тексты на керамике из Семиречья и т.д. Составители предполагают, что следующим этапом развития настоящего проекта станет создание свода согдийских надписей на монетах. Другое возможное развитие проекта – документирование более чем 650 кратких согдийских посетительских надписей в верховьях реки Инд (Пакистан).

Всего в каталоге приводятся описания 88 согдийских документов и надписей. Все фотографии и прорисовки надписей черно-белые.

Ш. С. Камолитдин

X

Turkiston to‘plami / Туркестанский сборник / Turkistan Studies. Вып. 1 /
Отв. ред. Ш. Камолиддин, А. Назир, Я. Пилипчук.
Saarbrücken: LAP, 2022. 304 с.
(ISBN 978-620-5-52866-2)

Настоящий международный сборник является 1-м выпуском из серии «Turkiston to‘plami / Туркестанский сборник / Turkistan Studies», и включает новейшие исследования по древней, средневековой и новейшей истории Туркестана на узбекском, русском и английском языках. Поскольку топоним Туркестан в разные времена имел различные значения, то соответствующие разделы сборника географически охватывают различные территории.

Сборник состоит из 6 частей. Первая часть сборника «Раннее средневековье», включает 3 статьи, которые охватывают материалы, относящиеся ко всей Евразии доисламского времени.

В статье Г. Бабаярова и Э. Асанова «Об атрибутах «национальности» и легитимности в памятниках древнетюркского рунического письма Орхонского ареала» (I) основное внимание уделяется атрибутам «национальности» и легитимности в эпоху Тюркских каганатов (552 – 744).

В статье Ф. Джуманиязовой «Почему Беруни не упомянул эфталитов в своем труде «Индия»? (II) рассматривается позднейшая деятельность эфталитов и процесс тюркско-эфталитского этно-культурного симбиоза, протекавший в исторической Северной Индии со второй пол. VI в. до последней четверти VII в.

Статья Я. В. Пилипчука «Хазарский каганат: Степная империя Восточной Европы и Северного Кавказа» (III) посвящена вопросам политической и социальной истории Хазарского каганата.

Во второй части «Средние века» представлены 3 статьи, которые охватывают материалы, относящиеся к Центральной Азии в географическом понимании этого термина.

В статье Ш. С. Камолиддина «Роль тюркского языка и литературы в истории культуры исламской цивилизации» (IV) рассматривается роль тюркского языка и литературы в истории культуры исламской цивилизации по данным памятников древнетюркской письменности и средневековых сочинений на тюркском языке.

В статье Г. Сайдуллаева (G. Saydullaev) «The Travel Diary of Vasilios Vatatzis of the Beginning of 18th century (preliminary report) (V) приводятся общие сведения о греческом путешественнике из Констан-

тинополя Василио Вататзи и его малоизвестном дневнике путешествия по странам Востока в нач. XVIII в.

Статья Dilrabo Tosheva «Patronage, Identity and Shaping Islamic Architecture in the Eleventh-century Samarqand: The Case of Ibrahim ibn Nasr Tawghach Bughra-Khan» (VI) является частью более широкого исследовательского проекта о роли средневековых тюркских династий в формировании исламской архитектуры. В центре внимания здесь находится Ибрахим ибн Наср Тавгач Буграхан (правил в 1040 – 1067 гг.), основатель Западного Караханидского каганата со столицей в г. Самарканде.

В третьей части «Новейшее время» представлены 2 статьи, которые охватывают материалы, относящиеся к Средней и Центральной Азии в современном понимании этого термина.

В статье Я. В. Пилипчука «Как сформировалась современная Центральная Азия?» (VII) рассматривается история формирования современных стран Центральной Азии.

Статья А. Ходжаева «Китайские ученые о значении инициативы председателя КНР «Один пояс один путь» (VIII) посвящена анализу мнений китайских ученых о значении, цели и задачах инициативы руководства КНР «Один пояс один путь».

В четвертой части «Рецензии» представлен комментарий Ш. С. Камолиддина к книге *The History and Culture of Iran and Central Asia From the Pre-Islamic to the Islamic Period* / Ed. by Deborah Tor and Minoru Inaba. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 2022 (IX).

В пятой части «Новые книги» приводится информация о 3-х книгах: А.Н. Гаркавец. «Тайны древнетюркских надписей». Алматы: Баур, 2022 (X), Deborah Tor and Minoru Inaba (eds.). «The History and Culture of Iran and Central Asia From the Pre-Islamic to the Islamic Period». University of Notre Dame Press, 2022 (XI) и 9-м выпуске ежегодного сборника «Проблемы древней и средневековой истории Чача» (XII), изданном в 2022 г. в изд-ве «Lambert Academic Publishing» (Германия).

Шестая часть «Конференции, события» содержит информацию о презентации независимого американского исследователя Орхана Бабакурбана под названием «Cadre. 74 innocent», посвященной 100-летию отправки туркестанской молодежи на учебу в Германию в 20 – 30-е гг. XX в., которая была проведена 30 ноября и 1 декабря 2022 г. в г. Ташкенте (XIII).

XI

Ф. Джуманиязова.

История тохаристанских ябгу и тегиншахов Кабула.

Нур-Султан: Ғылым, 2021. 240 с.

(ISBN 978-601-7999-61-2)

Книга опубликована под эгидой Международной Тюркской академии (г. Астана, Казахстан). Книга состоит из введения, 3-х глав, заключения, списка использованных источников и литературы, и приложения.

Во Введении (с. 5 – 7) приводятся общие сведения о политической ситуации в Центральной Азии в VII – IX вв., говорится о важности изучения истории династий тюркских ябгу Тохаристана и Тегиншахов Кабула.

Первая глава «Политическое положение в Тохаристане и Кабульской долине в раннем средневековье» состоит из двух разделов. В первом разделе «Политическое положение в Тохаристане и Кабульской долине: сасанидо-эфталито-тюркское соперничество» (с. 8 – 40) приводятся сведения источников о Тохаристане и Кабульской долине, и военно-политическом соперничестве между Сасанидами, эфталитами и тюрками в этом регионе.

Во втором разделе «Этническая ситуация в Тохаристане и Кабульской долине в раннем средневековье» (с. 40 – 71) речь идет о процессе расселения тюркоязычных племен и народов в Тохаристане, Кабульской долине и Забулистане, начало которого относится к первой пол. VI в., задолго до того, как эти области вошли в состав Тюркского каганата.

Вторая глава «Тюрки в Тохаристане в раннем средневековье и Тохаристанское ябгуйство (630 – 750)» состоит из двух разделов. В первом разделе «Образование, развитие и упадок Тохаристанского ябгуйства» (с. 72 – 109) различаются 3 этапа в истории правления тюркских ябгу Тохаристана.

Во втором разделе «Управление тюркских династий в оазисных владениях Тохаристана» (с. 110 – 142) речь идет о тюркских династиях, правивших в различных городах и оазисах Тохаристана, таких как Термез, Чаганиан, Вахш, Шуман и Ахарун, Куфтан, Кубадиан, Хутталан, Кумед, Бамиан, Вахан, Бадгис, Газ, Кадагистан, Гузган, Руб, Андараб, Хост, Хо (Кундуз), и формах управления ими.

Третья глава «Тюрки в Кабульской долине и государство Тегиншахов Кабула (640 – 870)» также состоит из двух разделов. В

первом разделе «Государство Тегиншахов Кабула: формирование, развитие и упадок» (с. 143 – 170) рассматривается политическая деятельность династии тюркских правителей, упоминаемых в источниках как Тегиншахи, Кабулшахи, Шахи и Тюркшахи, в период 630 – 870 гг.

Во втором разделе «Правление тюркской династии в Забулистане» (с. 171 – 191) речь идет о династии тюркских правителей с титулом *эльтебер* (*eltäbär*), правивших в области Забулистан в 643 – 870 гг.

В Заключение (с. 192 – 196) приводятся основные выводы исследования.

Список использованных источников и литературы (с. 197 – 225) включает 225 наименований, в т.ч. 49 источников в переводах на русский и европейские языки, и 176 научной литературы.

В Приложении (с. 226 – 240) приводятся карта Тохаристанского ябгуйства и государства Кабульских Тегиншахов, карта с маршрутом путешествия Сюань Цзана (625 – 645 гг.), карта Верхнего и Нижнего Тохаристана по данным арабских источников, карта Кабульской долины, карта государства Тегиншахов, список древнетюркских терминов, упоминаемых в бактрийских документах из Тохаристана, изображения монет Тохарстанских ябгу, раннесредневековых монет правителей Термеза, Чаганиана, Кобадияна, Вахша, Забулистана, Тегиншахов Кабула и др.

Ш. С. Камолiddин

XII

Markaziy Osiyo tarixi – Xalqaro jurnal / История Центральной Азии – Международный журнал / History of Central Asia – International journal». № 1. Toshkent: TDPU, 2023. 144 b.

В Ташкентском Государственном Педагогическом университете им. Низами опубликован 1-й номер международного журнала «Markaziy Osiyo tarixi / История Центральной Азии / History of Central Asia», в котором будут представлены статьи на узбекском, русском и английском языках. Главным редактором журнала является академик А. Аскарлов, который в своем вступительном слове пишет: «На страницах создаваемого журнала предполагается представление исторического пути народов этого региона с древнейших времен до наших дней, мира религиозной и светской идеологии, науки и культуры, а также очерков из бурной жизни и политической деятельности правителей и полководцев, осуществление объективного научного анализа социально-экономической, этнокультурной и управленческой системы нынешних политических руководителей и др. Исходя из этой цели, в первый номер журнала были включены статьи, посвященные богатой многовековой истории и цивилизации народов Центральной Азии».

Редакционная коллегия журнала, состоящая из 25 человек, помимо ученых Узбекистана, включает также таких зарубежных ученых, как А. Халид (США), В. Амелин (РФ), А. Хабибуллаев (США), Ч. Койчуманова (Кыргызстан), К. Ло Джакано (Италия), А. Кудайбергенова (Казахстан), Е. Пивовар (РФ), Х. Курбанов (Туркменистан), С. Левай (США) и Н. Гаффари (Таджикистан).

В 1-м номере журнала представлены такие статьи как «Этногенез, этническая и национальная история узбекского народа» (А. Аскарлов), «Историческая макротопонимия Центральной Азии» (Ш. Камолиддин), «Анализ системы обороны крепостей древнего Хорезма» (Н. Эгамбердиева), «Русские в Туркестане (Об особенностях формирования и организации военных сил) (Т. Бобоматов), «Басмачество»: миф и реальность (Ш. Эргашев), «Научное наследие Мусы Саиджанова – важный источник по истории» (С. Мухамедова), «Новый период сотрудничества Узбекистана со странами Центральной Азии» (Г. Мирзаев), «Проблемы эффективности деятельности региональных организаций в Центральной Азии (Ч. Койчуманова), «Финансово-экономическое сотрудничество России и Узбекистана в контексте евразийской интеграции: достижения и потенциал развития» (Е. Пивовар), «Исторический опыт и перспективы развития Китая и Узбекис-

тана в построении культурно-гуманитарного сообщества (Ли Ци), «Политико-правовые основы международного сотрудничества Узбекистана и Казахстана» (Р. Назаров), «Центральная Азия – как важный вектор в стратегии внешней политики Нового Узбекистана (Э. Нуриддинов) и «О некоторых аспектах сотрудничества Нового Узбекистана со странами Центральной Азии» (Н. Обломуродов).

Все статьи журнала снабжены аннотациями и ключевыми словами на узбекском, русском и английском языках. В конце журнала приводятся требования к приему статей для публикации.

Ш. С. Камолитдин

Часть 7. Конференции

ХІІІ

Международная конференция
«Просветительская деятельность джадидов:
идеи, цели, задачи и их вклад в развитие Туркестана»
(6 – 7 марта 2023 г., г. Ташкент)

6 – 7 марта 2023 г. в новом здании библиотеки «Турон» (г. Ташкент, туман Алмазар, ул. Заркайнар, б) была проведена международная конференция «Жадидларнинг маърифий фаолияти: ғоялари, мақсадлари, вазифалари ва Туркистон тараққиётига қўшган ҳиссаси» / Educational activities of the Jadids: Ideas, Goals, Tasks and Their Contribution to the Development of Turkistan» («Просветительская деятельность джадидов: идеи, цели, задачи и их вклад в развитие Туркестана»). Конференция была организована Государственным музеем памяти жертв репрессий при Кабинете Министров РУз в сотрудничестве с Организацией тюркских государств, и при участии нескольких учреждений Узбекистана и международных организаций – Республиканский Центр духовности и просвещения, Международная организация тюркской культуры (TURKSOY), Информационно-библиотечный центр «Турон» Ташкентского вилоята, Агенство по делам молодежи РУз, Международный фонд тюркской культуры и наследия, Академия наук РУз, Школа творчества им. Абдуллы Кадыри и Международная Тюркская Академия. Конференция проходила на двух языках – узбекском и английском.

Конференция была открыта речью деректора Государственного музея памяти жертв репрессий при Кабинете министров РУз Б. Хасанова. Затем прозвучали приветственные речи советника Президента РУз, представителя Организации тюркских государств, а также представителей других учреждений Узбекистана и международных организаций, принимавших участие в организации данной конференции.

На пленарном заседании, проходившем в первой половине дня, были заслушаны доклады участников конференции. Во второй половине дня участники конференции почтили память жертв репрессий у символической могилы памятного комплекса «Память мучеников». Затем участники конференции ознакомились с выставкой «Они учились в Германии», посмотрели посвященный этому фильм, встретились с потомками тех студентов Туркестана, которые были отправлены на

учебу в Германию, ознакомились с экспозицией Государственного музея жертв репрессий при Кабинете Министров РУз.

На второй день конференция продолжила свою работу, и в первой половине дня были заслушаны доклады участников в трех секциях: «Основные идеи и цели просветительского движения джадидов Туркестана», «Этапы развития движения джадидизма» и «Концепция джадидов по общественно-культурной модернизации общества». Во второй половине дня участники ознакомились с деятельностью Школы творчества им. Абдуллы Кадыри, презентацией театрализованного представления «Касамёд» («Клятва») в исполнении учащихся Школы творчества им. Абдуллы Кадыри, посмотрели драму «Падаркуш» Бехбуди и творческую программу учащихся школы им. Эркина Вохидова.

На этом конференция завершила свою работу.

Ш. С. Камолитдин

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

- АН** – Академия наук
АрмССР – Армянская Советская Социалистическая Республика
АРТ – Археологические работы в Таджикистане
ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИУз – Государственный музей истории Узбекистана
ГП – Городище Пайкенд
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДТС – Древнетюркский словарь
ИВ – Институт востоковедения
ИВЛ – Издательство восточной литературы
ИИА – Институт истории и археологии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика
КНР – Китайская Народная Республика
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КС – Краткие сообщения
ЛО – Ленинградское отделение
МБАЭ – Материалы Бухарской Археологической Экспедиции
МИА – Материалы по истории и археологии
МИКК – Материалы по истории киргизов и Киргизии
МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении
МИЦАИ – Международный институт Центрально-Азиатских исследований
МРС – Монгольско-русский словарь
НАН – Национальная Академия наук
НБУ – Национальная библиотека Узбекистана
НПБЭ – Населенные пункты Бухарского эмирата
НПУ – Национальный педагогический университет
НС – Нумизматический сборник
ОНУ – Общественные науки в Узбекистане
ПВ – Проблемы востоковедения
ППВ – Памятники письменности Востока
ПТКЛА – Протоколы заседаний и полевых исследований Туркестанского клуба любителей археологии
РАН – Российская Академия наук
РУз – Республика Узбекистан
РФ – Российская Федерация

СА – Советская археология
СДГМ – Согдийские документы с горы Муг
СНВ – Страны и народы Востока
СО – Сибирское отделение
СОН – Серия общественных наук
СПбУ – Санкт-Петербургский университет
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные штаты Америки
ТГПУ – Ташкентский государственный педагогический университет
ТуркмССР – Туркменская Советская Социалистическая Республика
УзССР – Узбекская Советская Социалистическая Республика
УМЭД – Университет мировой экономики и дипломатии
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЭСМЯ – Этимологический словарь монгольских языков

ADA – Azerbaijan Diplomatic Academy
AEMA – Archivum Eurasiae Medii Aevi
BGA – Bibliotheca geographorum arabicorum
BM – The British Museum
BSOS – Bulletin of the School of Oriental Studies
CISA – Centro Interdipartimentale di Servizi di Archeologia
CNRS – Le Centre national de la recherche scientifique
EDAL – Etymological Dictionary of Altaic Languages
EI – The Encyclopaedia of Islam
HCCA – History of Civilizations of Central Asia
ICAS – International Institute of Central-Asian Studies
JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society
LAP – Lambert Academic Publishing
MA – Massachusetts
MAFO – la Mission archéologique franco-ouzbèke
RAS – The Royal Asiatic Society
RF – Russian Federation
SOAS – School of Oriental and African Studies
TDPU – Toshkent davlat pedagogika universiteti
TİKA – Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı
TTK – Türk Tarih Kurumu
UK – The United Kingdom
UNESCO – United Nations Educational and Scientific Cooperation Organization
USA – United States of Amerika

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

Иллюстрации

к статье Г. Б. Бабаярова
«Монеты Чача, содержащие согдийскую легенду
с титулом *тюрк-каган*» (III)

Рис. 1. Монеты Западно-Тюркского каганата, чеканенные в Чаче

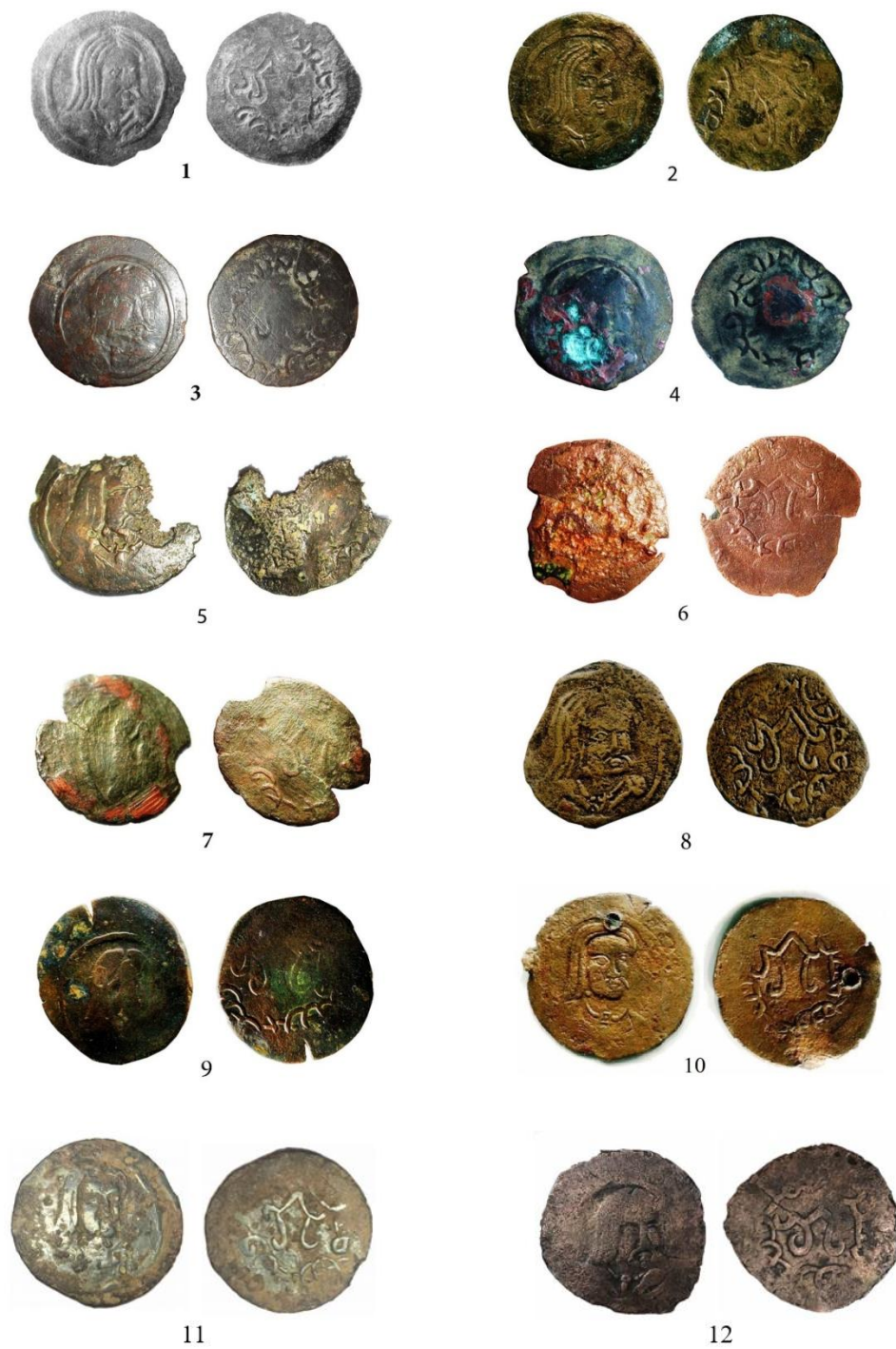
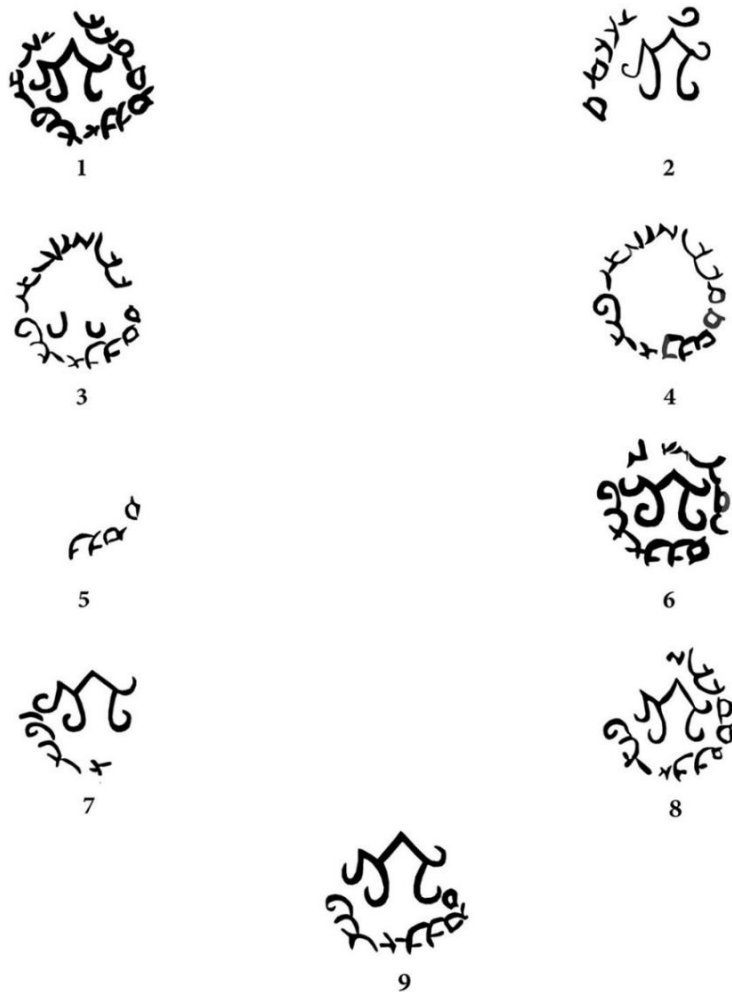

Рис. 2. Монеты Западно-Тюркского каганата, содержащие надписи с титулом *тюрк-каган* (Тип I)

	n	с	γ	с	x	k	r	w	t	t	r	k	с	y	n	p		
	⌒	⌒	⌒	⌒		⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	1
									⌒	⌒	⌒	⌒	⌒				⌒	2
	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒			⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	3
	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒		⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	4
									⌒	⌒	⌒	⌒						5
			⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	6
		⌒											⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	7
					⌒	⌒		⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	8
									⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	⌒	9

Рис. 3. Прорисовки надписей с титулом *тюрк-каган* (Тип I)

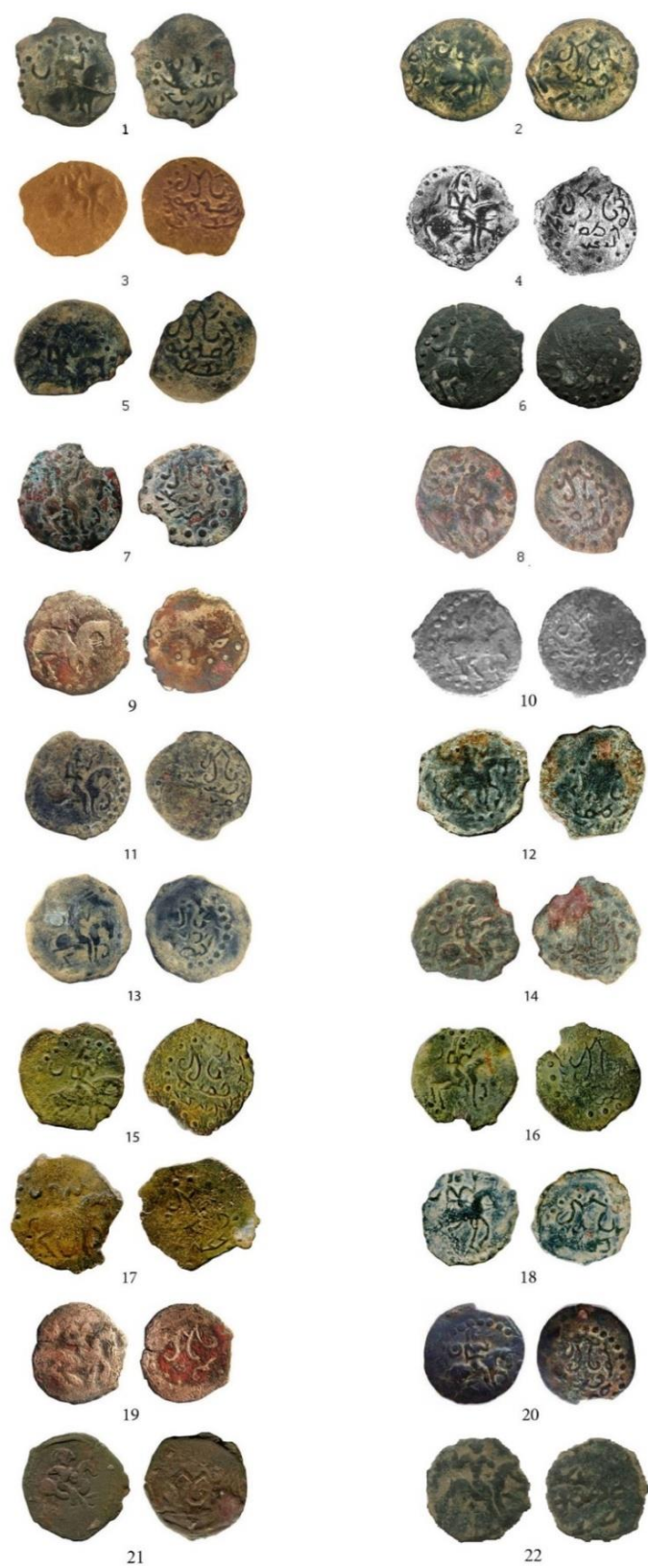

Рис. 4. Монеты с изображением всадника и надписями, содержащими титул *тюрк-каган* (Тип II)

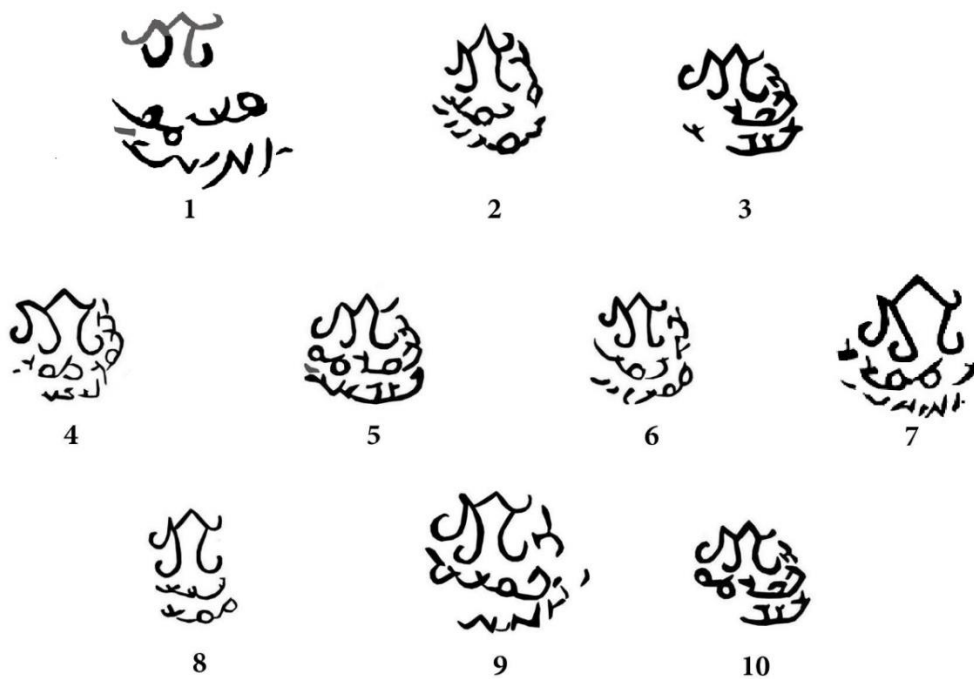

Рис. 5. Прорисовки надписей с титулом *тюрк-каган* на монетах с изображением всадника

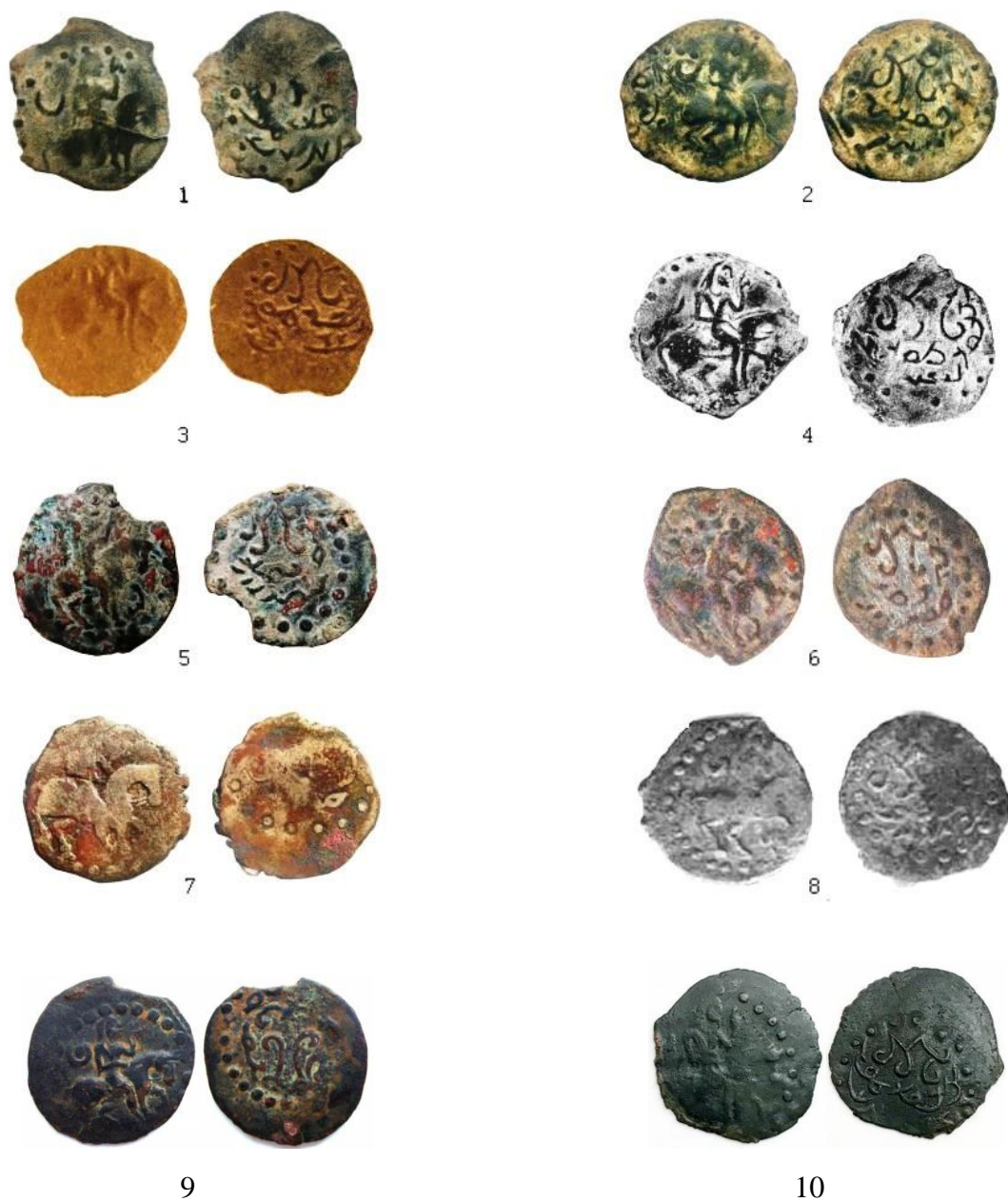

Рис. 6. Монеты с изображением всадника, на которых относительно хорошо сохранились надписи с титулом *тюрк-каган*.

II

Иллюстрации

к статье А. А. Мусакаевой
«Редкий тип монет Восточного Согда
с изображением лучника» (IV)

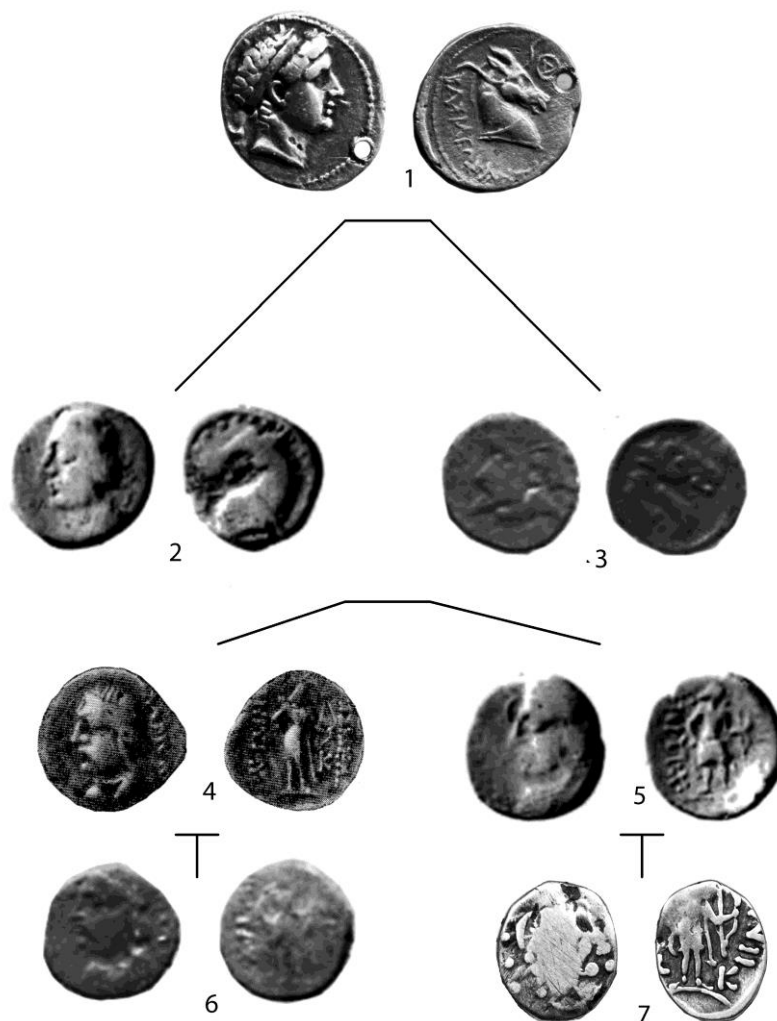

Таблица №1

1. ГМИУз Н-14/9; 2. Аллотт де ла Фюи 1910: Pl. 10 (VI), № 5;
3. Зеймаль 1983: Табл. 31, № 01; 4. Зеймаль 1983: Табл. 31, № 02;
5. Аллотт де ла Фюи 1910: Pl. 10 (VI), № 1; 6. Зеймаль 1983: Табл. 31, № 03;
7. ГМИУз Н-136/8

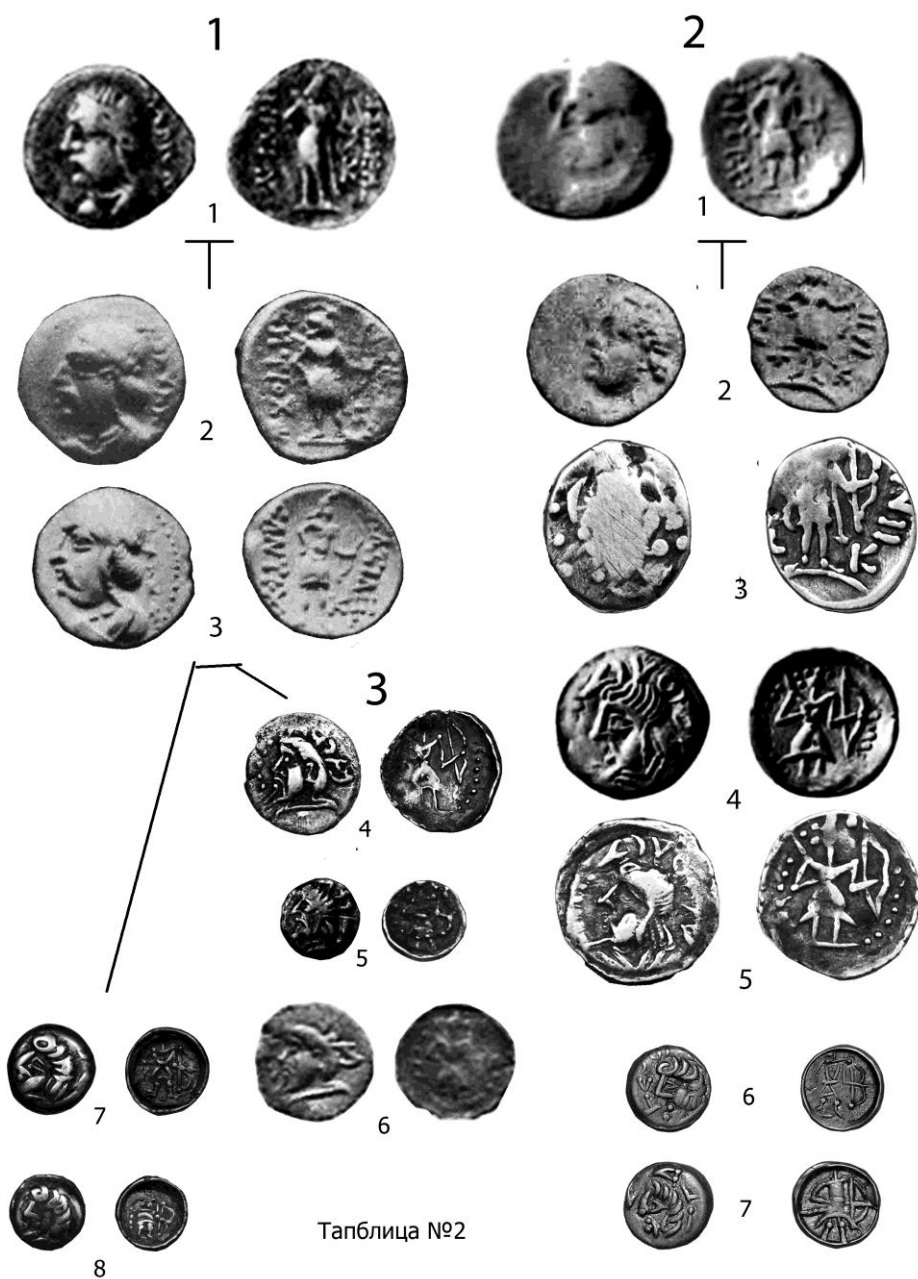

Таблица №2

Левая сторона	Правая сторона
1. Зеймаль 1983: Табл. 31, № 02;	1. Allotte de la Fuye 1910: Pl. 10 (VI), № 5;
2. Mitchiner 1973: Pl. 1, № 4;	2. Mitchiner 1973: Pl. 1, № 6;
3. Mitchiner 1973: Pl. 1, № 5;	3. ГМИУз Н-136/8;
4. ГМИУз Н-136/4;	4. Allotte de la Fuye 1910: Pl. 10 (VI), № 7B;
5. ГМИУз Н-136/15;	5. ГМИУз Н-136/2;
6. Зеймаль 1983: Табл. 31, № 06;	6,7. из интернета.
7. ГМИУз Н-136/21;	
8. ГМИУз Н-136/11.	

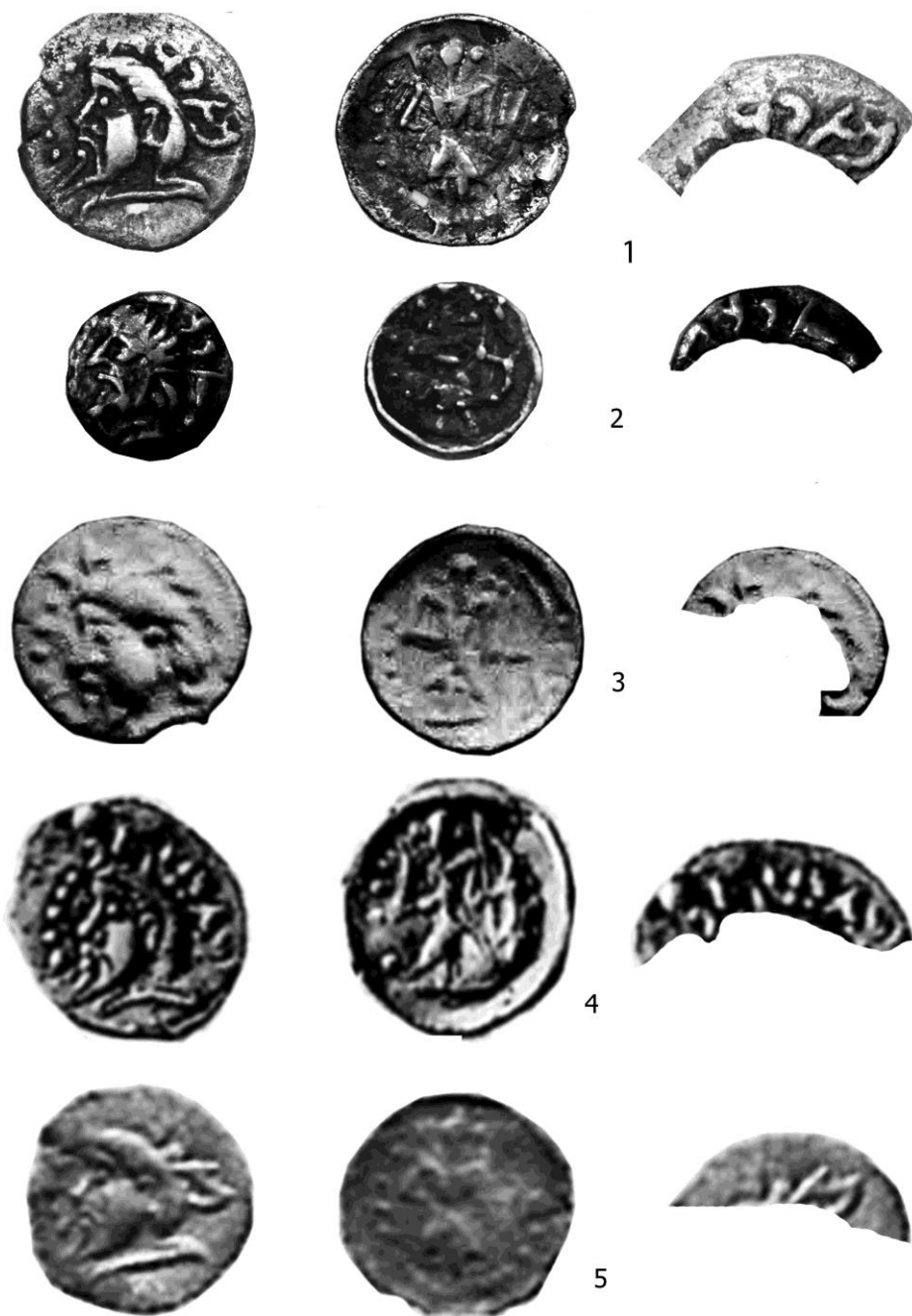

Таблица №3

1. ГМИУз Н-136/4; 2. ГМИУз Н-136/15; 3. Mitchiner 1973: Pl. 1, № 11;
 4. Allotte de la Fuye 1910: Pl. 10 (VI), № 6;
 5. Зеймаль 1983: № 06.

Таблица №4

ГМИУз Н-136/4

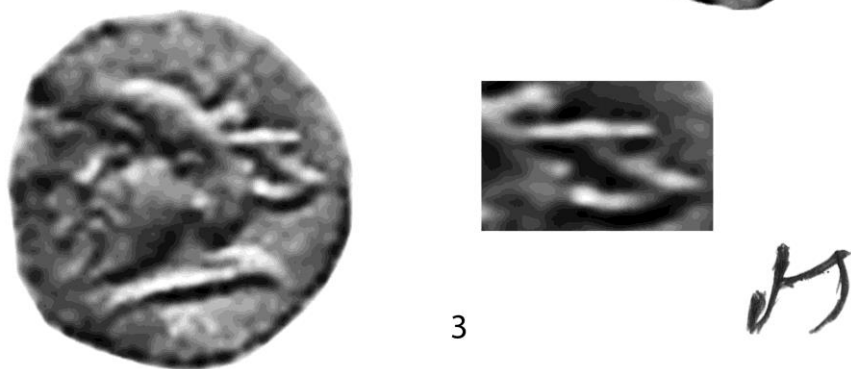

Таблица №5

1. ГМИУз Н-136/4; 2. Allotte de la Fuye 1910: Pl. 10 (VI), № 6;
3. Зеймаль 1983: № 06.

Ш

Иллюстрации

к статье Ш. Т. Адылова
«Очерк политической и социально-экономической истории
Западного Согда в VI в. до н.э. – V в. н.э.» (V)

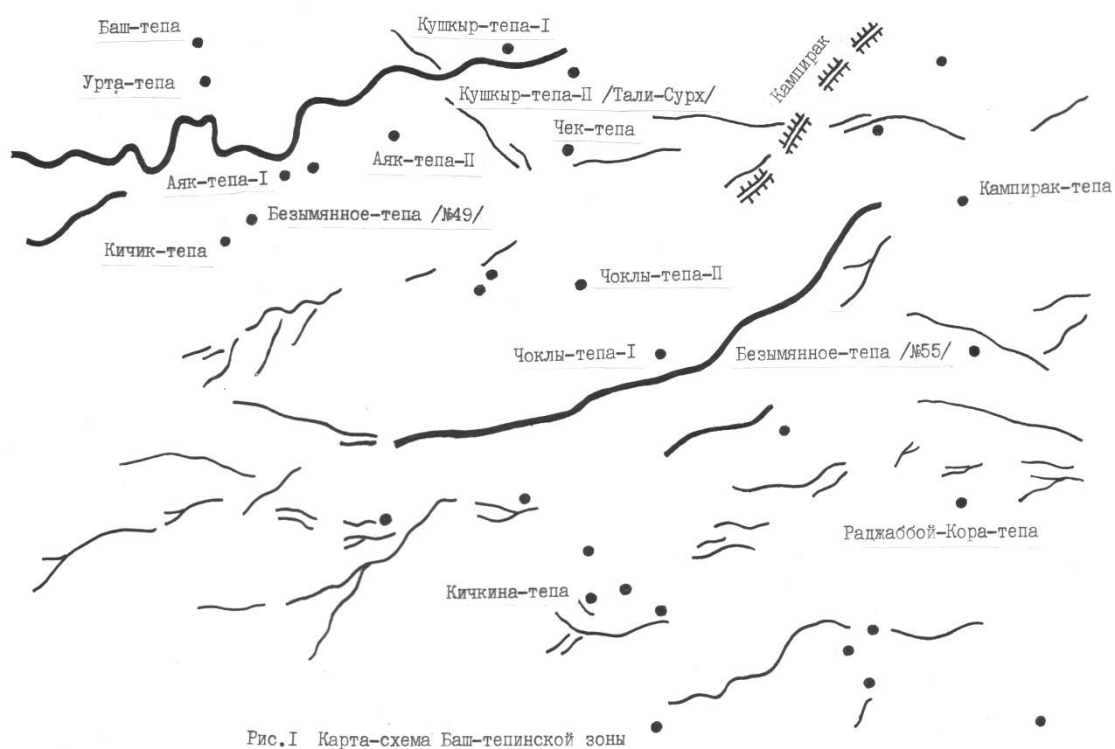

Рис. 1 Карта-схема Баш-тепинской зоны.

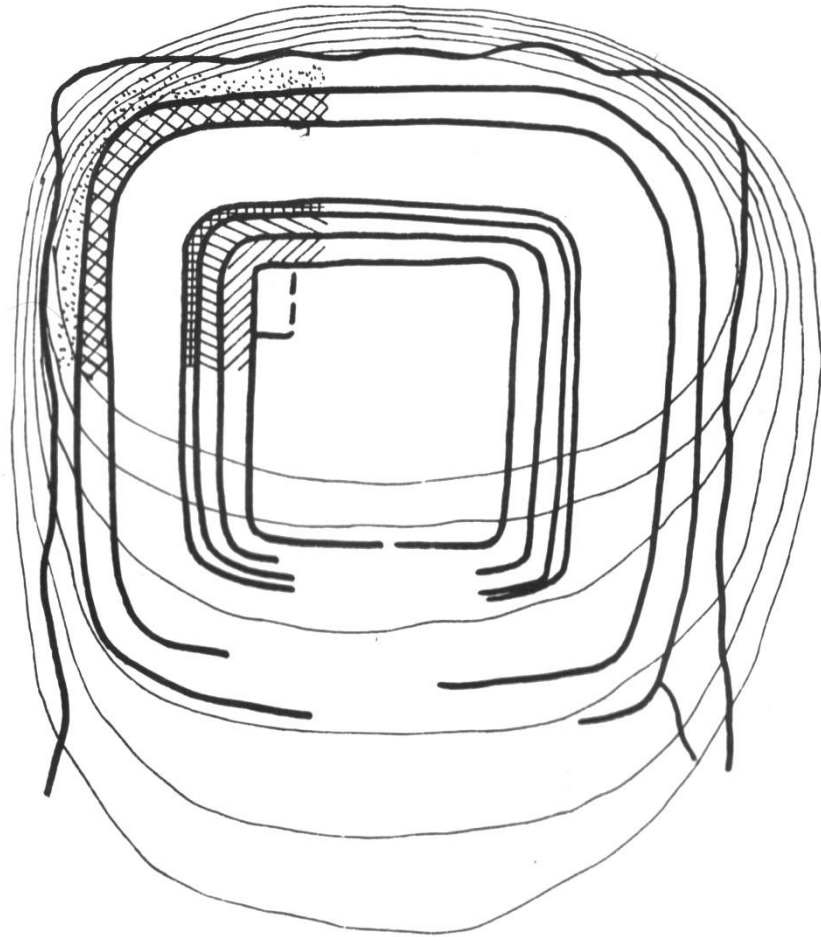

Рис. 2. План Урта-тепа.

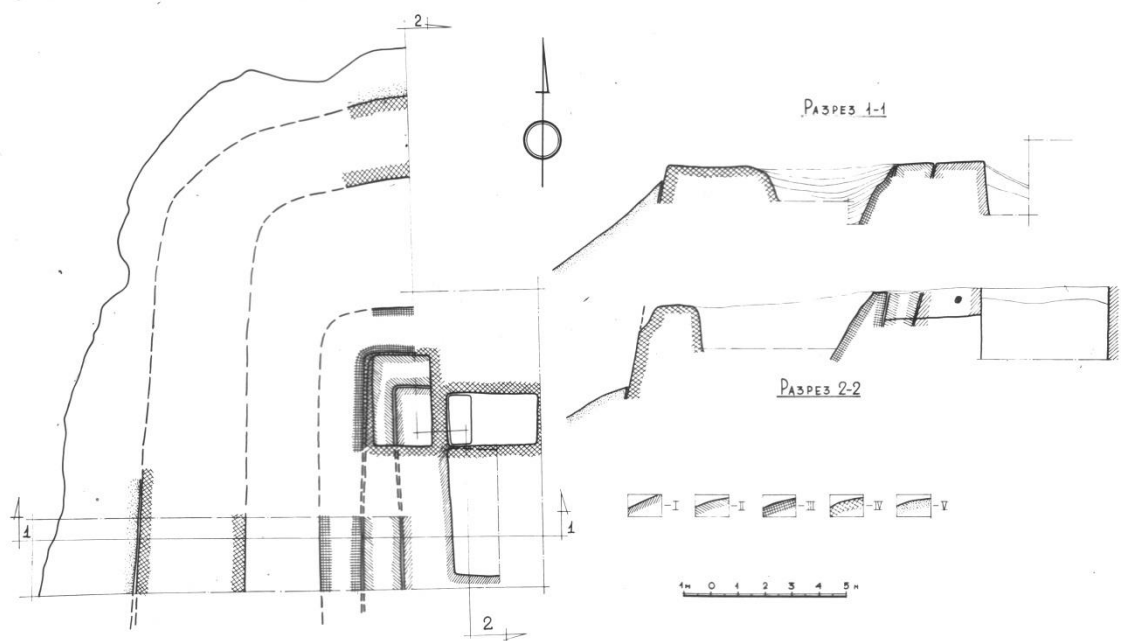

Рис. 3. Оборонительные стены Урта-тепа. План и разрезы.

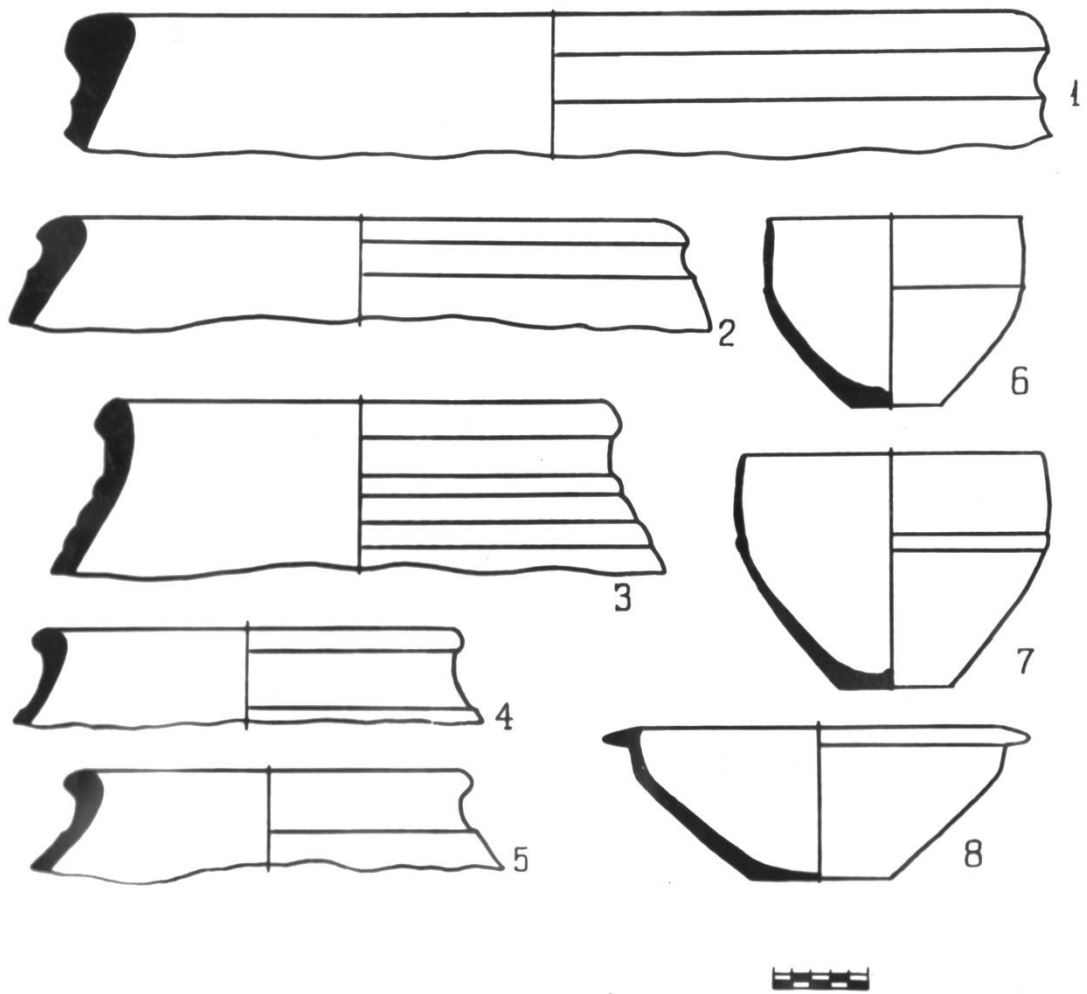

Рис. 4. Керамика IV – III вв. до н.э. из слоя разрушения.

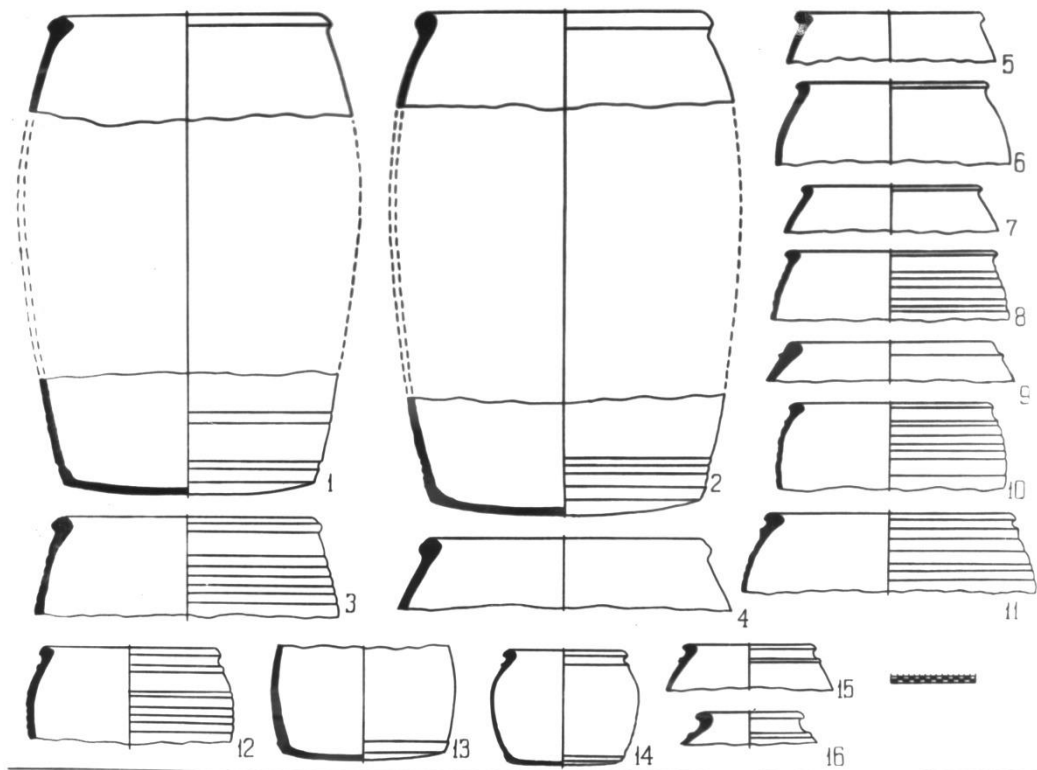

Рис. 5. Керамика IV – III вв. до н.э. из заполнения обводного коридора.

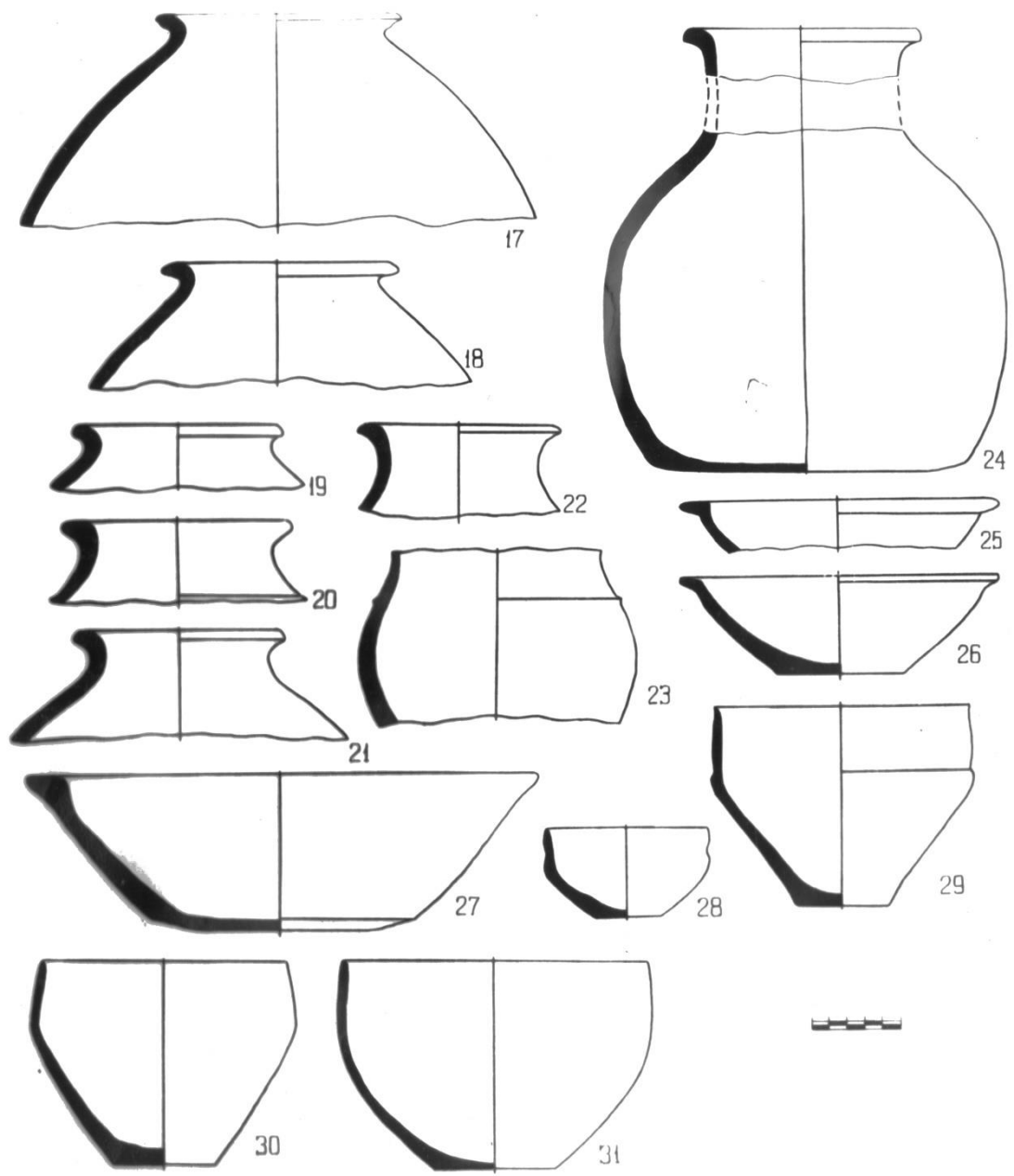

Рис. 6. Керамика IV – III вв. до н.э. из заполнения обводного коридора.

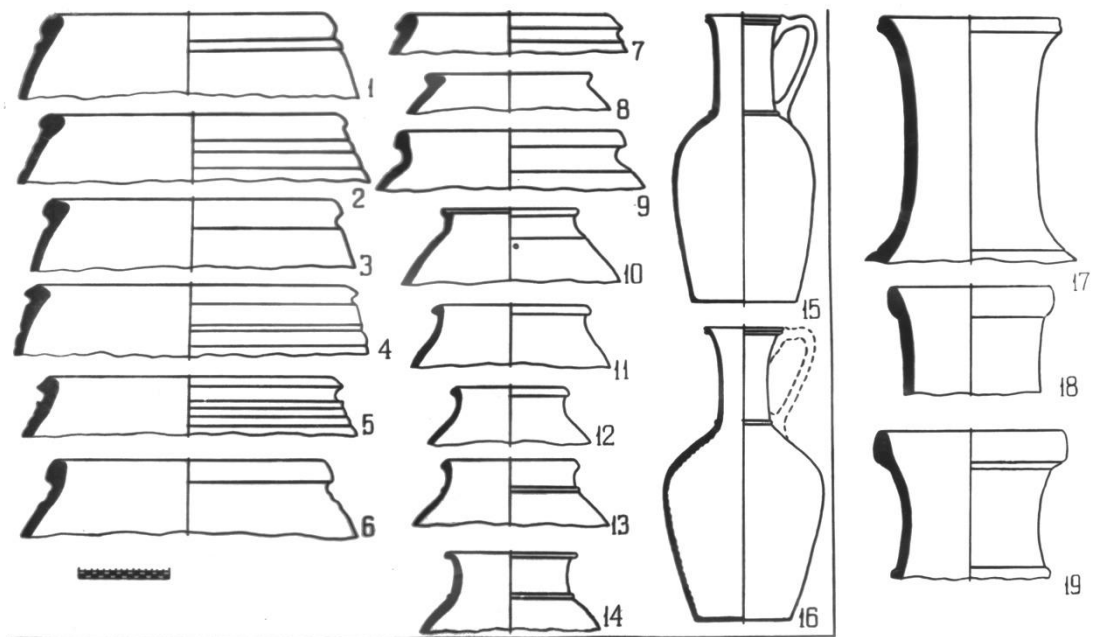

Рис. 7-8. Керамика конца II в. до н.э. – начала II в.
из заполнения помещения.

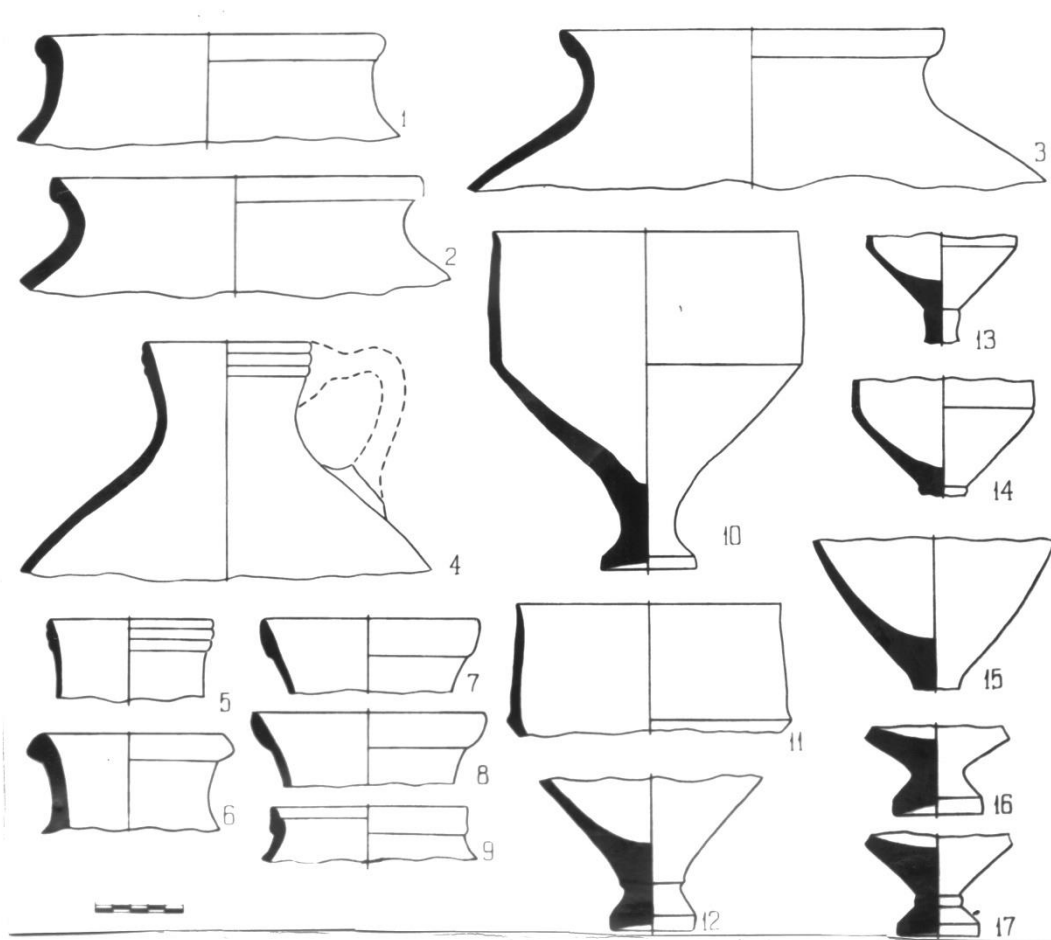

Рис. 9. Керамика II – III вв. н.э. из заполнения ямы.

НАШИ АВТОРЫ

АДЫЛОВ Шухрат – к.и.н., с.н.с. Национального центра археологии АН РУз (г. Ташкент, Узбекистан).
(e-mail: adilov-shukhrat@mail.ru)

БАБАЯРОВ Гайбулла – д.и.н., зам. директора Национального центра археологии АН РУз (г. Ташкент, Узбекистан).
(e-mail: gbabayar@yahoo.com)

КАМОЛИДДИН Шамсиддин – д.и.н., профессор, Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами (г. Ташкент, Узбекистан).
(e-mail: shamskamol@gmail.com)

КУЗАКЧИ Башак – PhD, университет Едитепе, Факультет искусств и наук, Отделение истории (г. Стамбул, Турция)
(e-mail: basakkuzakci@gmail.com)

МУСАКАЕВА Альфия – к.и.н., с.н.с., Государственный Музей истории Узбекистана АН РУз (г. Ташкент, Узбекистан).
(e-mail: musakaeva07021959@mail.ru)

ХОДЖАЕВ Аблат – д.и.н., зав. отделом Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз (г. Ташкент, Узбекистан).
(e-mail: khodjaev_ablat@mail.ru)

CONTRIBUTORS

ADYLOV Shuhrat – PhD, National Center of Archaeology of the Academy of Sciences, Tashkent, Uzbekistan.

(e-mail: adilov-shukhrat@mail.ru)

BABAYAROV Gaybulla – DSc, deputy director of the National Center of Archaeology of the Academy of Sciences, Tashkent, Uzbekistan.

(e-mail: gbabayar@yahoo.com)

KAMOLIDDIN Shamsiddin – DSc, professor of Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Tashkent, Uzbekistan.

(e-mail: shamskamol@gmail.com)

KUZAKÇI Başak – PhD, Yeditepe University, Faculty of Arts and Sciences, History Department, İstanbul, Turkey.

(e-mail: basakkuzakci@gmail.com)

MUSAKAEVA Alfiya – PhD, senior researcher of the State Museum of the History of Uzbekistan of the Academy of Sciences, Tashkent, Uzbekistan.

(e-mail: musakaeva07021959@mail.ru)

KHODJAEV Ablat – DSc, Abu Raihan Biruni Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences, Tashkent, Uzbekistan

(e-mail: khodjaev_ablat@mail.ru)

РАЗВЕРНУТОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная коллегия	3
Предисловие	7
Часть 1. Письменные источники.	
I Ш. С. Камолиддин. К биографии Низак Тархана. Часть 2.	11
II А. Ходжаев. О связях Караханидского государства с Китаем	43
Часть 2. Нумизматика.	
III Г. Б. Бабаяров. Монеты Чача с согдийской легендой, содержащей титул <i>тюрк-каган</i>	57
IV А. А. Мусакаева. Редкий тип монет Восточного Согда с изображением лучника	75
Часть 3. Памятники материальной культуры.	
V Ш. Т. Адылов. Очерк политической и социально- экономической истории Западного Согда в VI в. до н.э. – V в. н.э.	87
VI Б. Кузакчи. Рождение Афрасиаба (Самарканда) в древней географии Согдианы (VI в. до н.э. – II в. н.э.) ...	111
Часть 4. Топонимика.	
VII Ш. С. Камолиддин. Еще раз о написании топонима Байканд в средневековых источниках	137
Часть 5. Рецензии.	
VIII Ш. С. Камолиддин. Комментарий к статье Miklós Sárközy. Preislamic Central Asia and Naršaḥī's History of Bukhara, in: Orpheus Noster: vol. 14, No. 4, 2022, p. 15 – 27.	147
Часть 6. Новые книги.	
IX Каталог памятников согдийской письменности в Центральной Азии / Catalogue of Sogdian Writings in Central Asia. Самарканд / Samarkand: МИЦАИ / PCAS, 2022	163
X Turkiston to‘plami / Туркестанский сборник / Turkistan	

	Studies. Вып. 1. Saarbrücken: LAP, 2022.	167
XI	Ф. Джуманиязова. История тохаристанских ябгу и тегиншахов Кабула. Нур-Султан: Гылым, 2021	169
XII	Markaziy Osiyo tarixi / История Центральной Азии / History of Central Asia (Xalqaro jurnal / Международный журнал / International journal) / № 1 / 2023.	171
Часть 7. Конференции.		
XIII	Международная конференция «Просветительская деятельность джадидов: идеи, цели, задачи и их вклад в развитие Туркестана» (6 – 7 марта 2023 г. г. Ташкент)	173
	Условные сокращения	175
Приложение.		
I	Иллюстрации к статье Г. Б. Бабаярова «Монеты Чача, содержащие согдийскую легенду с титулом <i>тюрк-каган</i> »	177
II	Иллюстрации к статье А. А. Мусакаевой «Редкий тип монет Восточного Согда с изображением лучника»	183
III	Иллюстрации к статье Ш. Т. Адылова «Очерк политической и социально-экономической истории Западного Согда в VI в. до н.э. – V в. н.э.»	189
	Наши авторы	197

TABLE OF CONTENTS

Editorial Board	3
Preface	7
Part 1. Textual sources.	
I Shamsiddin Kamoliddin. On the Biography of Nizak Tarkhan. Part 2.	11
II Ablat Khodjaev. On the Relations of the Qarakhanid State With China	43
Part 2. Numismatics.	
III Gaybulla Babayarov. Coins of Chach with a Sogdian legend containing the title “Türk-Qaghan”	57
IV Alfiya Musakaeva. A Rare Type of Coin from Eastern Sogd with the Image of an Archer	75
Part 3. Monuments of material culture.	
V Shuhrat Adylov. Essay on the Political and Socio-Economic History of Western Sogd in the sixth century BCE – fifth century CE	87
VI Başak Kuzakçi. The Birth of Afrasiab (Samarqand) in the Territory of Ancient Sogdiana (6 th Century BCE – 2 nd Century CE)	111
Part 4. Toponymics.	
VII Shamsiddin Kamoliddin. Once Again About the Spelling of the Toponym Baikand in the Medieval Sources	137
Part 5. Reviews.	
VIII Shamsiddin Kamoliddin. Comments on Miklós Sárközy’s article “Preislamic Central Asia and Naršaḥī’s History of Bukhara”, in <i>Orpheus Noster</i> , vol. 14, No. 4 (2022), pp. 15 – 27.	147
Part 6. New books.	
IX <i>Каталог памятников согдийской письменности в Центральной Азии / Catalogue of Sogdian Writings in Central Asia. Самарканд / Samarkand: МИЦАИ / ICAS, 2022</i>	163

X	<i>Turkiston to‘plami / Туркестанский сборник / Turkistan Studies</i> . Вып. 1. Saarbrücken: LAP, 2022.	167
XI	Feruz Jumaniyazova. <i>History of the Yabghu Dynasty of Tokharistan and Tegin-Shahs of Kabul</i> . Nur-Sultan: Gylym, 2021	169
XII	<i>Markaziy Osiyo tarixi / История Центральной Азии / History of Central Asia</i> (Xalqaro jurnal / Международный журнал / International journal) / № 1 / 2023.	171
Part 7. Conferences.		
XIII	International conference «Educational activities of the Jadids: Ideas, Goals, Tasks and Their Contribution to the Development of Turkistan», 6 – 7 March 2023, Tashkent ...	173
	Abbreviations	175
Appendixes.		
I	Illustrations to the article “Coins of Chach with a Sogdian legend containing the title “Türk-Qaghan” by Gaybulla Babayarov	177
II	Illustrations to the article “A Rare Type of Coin from Eastern Sogd with the Image of an Archer” by Alfiya Musakaeva	183
III	Illustrations to the article “Essay on the Political and Socio-Economic History of Western Sogd in the sixth century BCE – fifth century CE” by Shuhrat Adylov	189
	Contributors	197